

Сергей Клочков
Дар Монолита

S.T.A.L.K.E.R. – 76

Аннотация:

Последнее желание Доктора исполнено, но путь двух сталкеров, пришедших к Монолиту, еще не закончен. «Осознание», Саркофаг, Зона... и неизвестно, что делать им с этим новым знанием, куда выведут их незнакомые дороги, остались ли у них друзья, что ждет Зону и мир по их возвращении... Понятно пока лишь одно — истории Луня и Хип суждено стать Легендой.

Сергей Клочков
Дар Монолита

Жажда была сильной, но, несмотря на это, пить я не мог. Очищенная вода почему-то имела отвратительный кислый вкус с оттенком ржавчины. Даже воздух был словно отравлен — он наждачной бумагой царапал горло, обжигал легкие. Но по крайней мере это было лучше, чем боль при каждом шаге. При каждом движении.

Сейчас я лежал, привалившись к стене так, чтобы раненая рука неподвижно покоилась на боку. Так боль почти стихала, если, конечно, быть осторожным, по возможности, не шевелиться и дышать неглубоко, через раз. Тогда получалось даже заснуть, точнее, провалиться в короткий, невероятно яркий бред с пугающими видениями — со вчерашнего вечера у меня начался сильный жар.

Все было тогда сделано так, как надо. Хип перевязала простреленную руку, подложив под бинты инъекционный аппликатор, чуть позже я ввел себе «седатин-5» и антибиотик. Да и сама рана была по «местным» меркам несерьезная: пуля не задела кость, прошла навывлет, не повредив крупных сосудов. Все было сделано верно, так, как следует, антибиотики и стимуляторы должны были подавить заражение в зачатке, и я просто не понимал, почему рука начала гнить практически сразу после ранения — научные препараты просто не должны были допустить заражения.

Уже через несколько часов после ранения мне стало понятно, что я очень серьезно, что называется, попал. Уж очень хорошо мне были знакомы и характерное почернение краев ранки, и отек на всю руку, и запах — видел я уже такое. И потому знал, что жить мне осталось максимум пять дней, из которых два последних — в тяжелом, беспросветном забытии. Хорошо, что Хип пока не в курсе, чем заболел ее Лунь... может, оно и к лучшему. Не стоит ей знать, что это не просто отек раны, а самая настоящая «чернушка» Зоны, заражение, распространяющееся по организму в считанные часы. Пусть эти последние дни пробудет девчонка в уверенности, что это просто «ранка нагноилась, с огнестрельными оно бывает. Скоро пройдет». Не хватает мне смелости сказать ей сейчас, да и не хочу видеть, как будет она умирать. А Пенка, если что, обратно ее выведет. Мутант она, понятно, но человечнее многих людей будет. Только бы она моей девчонке не проболталась, что «рана плохо, плохо совсем», как вчера сказала мне. И, что самое паршивое, вспомни, Лунь, сколько находил ты «душ» в болотцах за Янтарем? Хоть одну для себя оставил? Нет. Хип надыбала «кусочек мяса» еще до того, как ты крышей повредился. Сохранили ценнейшую штучковину Зоны специально для такого вот случая? Естественно, продали, причем ты сам же и сторговал Барину, Зона ему пухом. А как бы оно сейчас пригодилось. Эх... если бы, да кабы. А до тех мест, где «кусочки мяса» и «души» попадают, нам и за неделю не дойти. Тем более со сталкером, что «чернушку» подцепил... а ее только один человек во всей Зоне лечить умел. Если человек он был... и галлюцинации уже пошли — да, говорили сталкеры, что жутко травится организм во время этой стремительной, как лесной пожар, гангрены Зоны. И чудилось мне, что не в порядке не только рука, но и тяжело, глухо саднит в груди, как странно похрипывает при ходьбе за ребрами, а «Кольчуга» стала жесткой и неудобной, как древесная кора, почему-то намертво прилипшая к коже. Галлюцинации накатывали тяжелыми, мутными волнами, и в такие моменты я старался не смотреть на Хип. Не знаю почему, но ее лицо становилось землисто-серым, в темных пятнах, и особенно страшно выглядели губы — синевато-белые, бескровные, запекшиеся. И прядь, всегда выбивавшаяся из короткой косы, была не светло-русой, а почти черной, плотной, свисавшей обрывком толстой грязной веревки. Но когда галлюцинации становились особенно невыносимыми, оборачивалась Пенка, ее громадный черный глаз разом убирал жуткие видения и даже как будто облегчал боль.

— Идем, сталкеры. Надо идти. Уже скоро будет Монолит, — повторила она знакомую уже фразу и вела нас дальше, а Хип, снова становящаяся привычной, живой, спросила, мягко коснувшись руки:

— Как чувствуешь себя, сталкер?

...«отлично»...

— Эй, Лунь! Ты чего?

— А... да. Все нормально, родная. Наверно, вздремнул случайно. — Надо же, даже вслух не сказал... значит, полный привет. И Хип обмануть так, чтоб поверила, — задача невыполнимая. Читает она меня, словно книжку.

— Слушай, может, хватит врать? Ты же белый совсем, глаза ввалились, как... как у мертвеца. И губы синие... скажи, что с тобой?

— Воспаление... пройдет.

«Не расскажу. Прости ты меня, Хип. Не хочу рассказывать».

— Врешь ведь... зачем ты врешь? — Подсела рядом, чувствую ее ладонь на щеке, прохладная, свежая такая. — Скоро уже дойдем, сталкерюга, потерпи чуть... может, Пенка

чего надывает, вон, с утра ушла подходящую штукину искать. Ведь уже Припять прошли, бродяга. Последний бросок остался...

Да, прошли. Знаю, что прошли, причем даже и без приключений — Пенка вела. Не заметил я почти этого города — так, серые полотна боковым зрением. Наверно, потому, что взгляд вниз, под ноги, считал шаги, сжав зубы от дичайшей боли — «чернушка», сволочь, и орать-то нельзя — для местных тварей крик, что запах крови в воде для акул. Не просто рука болела, нет... жгло огнем всю левую половину тела, выкручивало суставы, от жара выступал пот. Тогда я еще надеялся, что Пеночка чего найдет, пока были мы на привалах, но уже три раза возвращалась она пустой... нет в Припяти ни «кусков мяса», ни «душ». Много здесь уникального, редкого хабара, а вот того, что вылечить сможет, найти считай что невозможно. Нет, надо провести инструктаж, пока ясно соображает башка, пока не провалился я в последнее свое забытье. Прости, милая.

— Слушай сюда, стажер... Зона тут, сама понимаешь... так вот, ежели что случится, на Росток ни в коем случае не возвращайся, ясно? ПМК выкинь на фиг, не доходя до первых постов. Что соврать, придумаешь.

— Ты что говоришь, Лунь? Да я...

— Молчи и слушай. Если вдруг Монолита мы не найдем, держись Пенки — она проводник что надо. Возвращайся в «Свободу» или Чернобыль-7, Сионист, Лихо, ну, в крайнем случае Фреон поможет. Зотов тоже нормальный мужик, хоть и «ботаник», в беде точно не оставит.

Хип словно закаменела. Ее рука на моей щеке сначала замерла, потом задрожала.

— Не смей. — Девушка сказала это спокойным, почти ледяным голосом. — Не смей об этом даже думать. Доктор сказал: если мы дойдем, то мы выживем, понял? Значит, дойдем. На себе дотащу, не впервой... ты меня понял?

Ох, и трясет же девчонку... связалась ты со сталкером, бедная. Сколько ни говорил я тебе, что мы своей смертью не умираем, да все, похоже, не впрок — послушает, покивает, и дальше — про наше будущее. Вон, в одном схроне даже на стене углем начертила, какой у нас дом будет, да какой сад, да на словах расписала в подробностях, как жить начнем. И, что интересно, и из Зоны уходить не хочет, причем ни в какую, и на стенах домики рисует. Будущее, будущее... как будто есть оно у сталкера. Однако стоило только чуть заикнуться о том, что после следующей удачной ходки за Периметр больше туда не пойдем, как стажер скучнела на глазах, плечи опускала, даже нешуточно сердилась. Мол, Зона — наше все, ходили туда, и ходить будем, вдвоем, всегда, а что домик свой и речка под окнами, так это мне просто помечтать хочется, а ты, бука, все портишь. Счастье — вот же оно, здесь, с нами под боком, так зачем его за Периметром искать? Что нас там ждет? Бытовуха, ругань с соседями, обрыдлая работа за гроши, серость, серость, и опять серость, способная убить любое счастье, каким бы сильным оно ни было. Поэтому, Лунь, я из Зоны не уйду. Ни за что. Лучше, говорит, здесь ярко и смело жить свободными, чем за Периметром гнить, а что сталкерам старость не светит, так, может, оно и к лучшему? И возразить бы мне, возмутиться, но как тут строгость показывать, когда на шею мне прыг, и одуряющим запахом волос весь мой «руководящий» порыв сметается напрочь. И смех, и веснушки, едва заметные на носике, морщит она его так красиво, когда улыбается, а в глазах веселые чертики пляшут: мол, Хип, я из «Свободы», и черта лысого ты меня переспоришь, со «свободовцами» любые дебаты — дело невозможное. Потому и дурак ты, Лунь, что по сердцу тебе были эти ее мысли. Что сам ты им поверил, особенно когда девчонка твоя со смертью поспорила, кому из них ты достанешься, и даже безногая сдалась перед Хип из «Свободы». Точнее, это ты подумал, что сдалась... а на самом деле просто затаилась. До поры.

— Ты дойдешь, понял? Ты сталкер. Значит, дойдешь. Осталось немного... — Хип зашуршала в аптечке, надеясь, наверно, найти шприц-тюбик «седатина-5». — Терпи. Бывало и хуже... прорвемся.

— Да. Прорвемся... — прошептал я, проваливаясь в беспамятство. Понятное дело, прорвемся. В Зоне всякое бывает... ну, кроме сказок, конечно.

— Не подходите.

И я попросту не понял, кому Хип могла это сказать.

Явно не мутанту — с этими разговор короткий: в упор картечью, желательно не раз. Девчонка это правило усвоила четко — ну, не станет тварь Зоны лезть с визитом вежливости в гнилой, почти затопленный подвал припятской многоэтажки, да и совсем немного здесь мутантов, способных понять речь. А те, кто понимает, обычно хуже в разы... с ними даже поболтать не получается — банально не успеешь. Ну, Пенка не в счет — хоть и говорил Доктор, что не человек она, и человеком никогда не станет, но, однако, я ей доверял безоговорочно — наши жизни она не раз уже спасала и до сих пор спасает, кстати. Странное создание... не контролер, хотя бугры по бокам высокого лба похожи очень. Не излом однозначно, несмотря на длинную, считай, до земли, «боевую» руку. Нет в ней уродливости и вони контролера, и на человека, которого излом буквально копирует даже в мелочах, она совсем не похожа. Даже издали не спутаешь... кожа совершенной, меловой белизны, волосы цвета слежавшегося пепла, громадный глаз, угольно черный, и только на ярком свете отливающий багрянцем, и это несмотря на то, что второй глаз на вид совсем человеческий, синий, только что раскосый немного. Нос, рот, подбородок крошечные, но зубы... оскалилась недавно Пенка на стаю припятских псов. Зрелище, я вам скажу... у самого мороз по коже пробежался. И собачки, кстати, тоже все правильно поняли. Только и увидел я несколько вихляющихся задов да поджатые хвосты. Пенку, не нас химера стороной обошла, не бросилась, хотя в засаде сидела — самого зверя я так и не видел, но следы за поваленным тополем были совсем свежие. А я-то думал, отчего это наша проводница почти полчаса к этому дереву подходить не хотела, только шипела по-кошачьи и страшной своей рукой помахивала. Впрочем, я вообще мало что видел — так дурно было от расползающейся по телу заразы, что даже на ходу сознание начинало плыть — куда уж там окрестностями любоваться, ладно хоть не свалился.

— Я сказала — стоять! — Хип, судя по звукам, щелкнула предохранителем «сайги» и отступила на пару шагов назад. Ну до чего же досадно, что глаза совсем не желают открываться, а от жара в голове гудит тяжелый колокол. Знал бы, что вот так меня развезет, лучше бы не устраивал привала. Эх, «чернушка», сволочь... доедает она меня, похоже.

И Хип не стреляет. Значит, человек пожаловал... ну, или зомби хорошо сохранившийся. Приходилось стажеру в людей стрелять. По мародерам как-то раз, меня прикрывала. Во вчерашних друзей «долговцев», когда вышел тот мерзкий расклад, и мирно разойтись не вышло, и получил я в перестрелке эту самую пулю, будь она неладна. Но сердце у моей девчонки не каменное — и пленных мародеров, в упор Сионистом расстрелянных, жалела до слез. И в «долговцев» картечью была не потому, что у нее давняя ненависть к черно-красным, кстати, вполне объяснимая, а лишь потому, что эти самые «долги» по Луню, по мне то есть, стреляли. Жизнь анархистку мою по голове не погладила, не приласкала, однако не озлобилась девка, не стала зверьком. Душа у нее добрая... зомби как-то к костру ночью вышел, когда мы к схрону до темноты добраться не успели. Ладно, я проснулся от криков и успел визитеру полбашки снести. А Хип — в рев, да нешуточно так. Говорила, не злой он был, даже разговаривал из темноты как человек нормальный, живой. Просил погреться у огня, мол... а когда вышел к свету, стажер и увидела, что глаз у мужика нет, и вместо носа дыра. Это же надо, додуматься — ночью ляды точить непонятно с кем. А если излом? Или, того хуже, контролер? Болтала она... однако, думается мне, что и вправду не опасен был тот мертвец, Зоной поднятый. Тогда не доверял я еще интуиции Хип, только начиналось у нас все — и ходки совместные за хабаром, и то, что поважнее любого хабара будет. До сих пор говорит Хип, что не опасен был тот зомби, не нападал он, а просто хотел погреться и поговорить. Не поверил я ей тогда, отругал крепко, был бы парнем стажер — так и за плюхой бы не заржавело. А потом с Доктором поговорил и понял — зря я тогда наорал

на девку. Видать, в некоторых фокусах Зоны она лучше меня понимает... может, и прав Док, что агрессия — не всегда правильный подход к Зоне.

И все-таки, кто же к нам в гости пожаловал? Паршиво, что глаза до сих пор не желают открываться, а соображать нормально, когда температура под сорок, если уже не выше, никак не получается. Воспоминания, образы идут обвалом, чуть ли не локтями друг друга распихивают, а вот две мысли связать не выходит, хоть ты тресни. Какую Луню. Нет у меня даже двух дней — уже проваливаюсь во тьму, «чернушкой» эту заразу Зоны не только ведь за черноту вокруг раны называют. Удивительное дело... не страшно помирать. Знал ты, сталкер, на что идешь, понимал прекрасно, что Зона не позволит встретить старость, может, и свыкся ты с этой мыслью. Может, от сильнейшего жара, в полубреду не выходит как следует испугаться. Факт, не страшно... но обидно чертовски. До слез. Жить-то мне действительно хотелось и нравилось. Не надышался я, если можно так сказать, жизнь моя, а не существование, в сущности, совсем недавно началась, и жаден я был до нее очень. Уже заранее тоска берет по улыбке и глазам Хип, обидно не чувствовать запаха ее волос, не слышать смеха. Да и стыдно, честно говоря, перед стажером. Нехорошо я с ней поступил, что бросать собрался. Наверное, вот в этом самом подвале и брошу... ох, только бы глупостей она не наделала.

Не знаю, сколько прошло времени от щелчка предохранителя и угрозы, которую Хип устало, почти обреченно бросила кому-то, пожаловавшему в «наш» подвал. Может, секунды, может, несколько минут. Но ответ я все-таки услышал.

— Опустит оружие. Мы не сражаемся с тобой. Нас привел бледный ангел. Вы нужны Монолиту. Вы не умрете. Уже не умрете.

Ну конечно... спокойный, ровный, совершенно невозмутимый голос, почти лишенный интонаций. Ни угрозы, ни дружелюбия, вообще ничего. У тех, кто говорит таким голосом, обычно ясный, бессмысленный взгляд и выражение бесконечного счастья на лице. Лютые, беспощадные воины, начисто лишённые страха смерти, сталкеры, непостижимым образом выживающие в самых черных местах Зоны. Люди, ну, или почти люди, спокойно уживающиеся рядом с контролерами и кровососами. Монолитовцы.

— Он уходит, братя.

— Мы пришли слишком поздно.

— Рана плоха. Ему осталось несколько часов.

— Его жизнь давно уже не принадлежит ему. Смотрите, братя, он живет иной жизнью. Но он уходит очень быстро. У нас мало времени, и мы должны успеть. Его ждет Монолит.

— Его призывает Светлый. Они неверные, но они нужны Великому. Выполним его волю, братя. Славься, Монолит!

— Славься! — дружно гаркнули сразу несколько голосов.

Что-то произошло. Чернота мира качнулась, я услышал, словно издалека, шорох грубой ткани, наверно, брезента, щека почувствовала холод. Где-то очень далеко, на самом краю моей черной вселенной кто-то зарыдал, но эти звуки скоро стихли, а потом я смотрел, как по багровому ночному полю бежали тысячи, десятки тысяч солдат, громко стуча ботинками по сухой растрескавшейся земле. Их было много, до самого горизонта, залитого больным розовым светом, мелькали их темные, угловатые фигуры, и вокруг уже не было Зоны, Припяти, заброшенных многоэтажек, а только бесконечная степь с выгоревшей до пепла травой и горячий, пыльный воздух, больно царапавший горло. А солдаты все бежали, от их мерного топота и хриплого дыхания почему-то качалась, вздыхала земля, и меня страшно тошнило от этих звуков, покачивания и, почему-то, понимания того, что мучительный этот бег никогда не закончится. Я кричал им, чтобы они остановились, потому что я уже не мог выносить эти звуки, меня мучило все сильнее, но спекшиеся, мрачные лица изможденных людей даже не поднимались, никто не оборачивался на мой крик. Только иногда из чернокрасной, обжигающей мглы показывался странный, даже страшный лик известково-белого цвета, и мне становилось немного легче, я почему-то знал, что существо это не злое. И еще помогало мне чье-то незримое присутствие, настойчивое, мягкое тепло, крепко державшее меня здесь, не позволявшее уйти в тихую, спокойную тьму, где не было бы этих жарких,

багровых полей, непрекращающегося топота тяжелых ботинок и тошнотворного покачивания. А потом, когда из горячей темноты показалась громадная прямоугольная тень, а на фоне совсем черного, словно сажа, неба выплыла высокая полосатая колонна, теряющаяся во мгле, грохот ботинок прекратился.

— Вы нужны ему.

— Мы не можем идти дальше.

— На этом месте живым долго быть нельзя.

— Да, мы не можем больше быть здесь. Мы уходим.

— Великий ждет.

— Ангел проведет вас к нему.

И все плохое, тяжелое стало вдруг уходить: дурнота, жар, боль растворялись, я смог вздохнуть и открыть глаза. Тут же исчезло бесконечное багровое поле с бегущими людьми, перестало тошнить... я словно всплывал к прохладному воздуху из кипящих черных глубин лихорадки.

— У тебя мало времени, — произнес высокий, одетый в серый комбез мужчина, чье лицо было скрыто маской респиратора. На серый бетон дороги с тихим цоканьем упал пустой шприц-тюбик. — Полчаса. Может, час. Это не лекарство, оно тебя не спасет, не вернет к жизни. Иди.

— Ты уже не здесь, сталкер. Ты на гранях мира... второй смерти ты не вынесешь, поэтому поспеши, — добавил другой «монолитовец».

И два десятка людей в серых комбинезонах разом отвернулись от нас и, построившись в колонну, начали просто уходить, даже не оборачиваясь.

Значит, час... слышал я о странных шприцах без маркировки, заправленных какой-то исключительно сильной дрянью. Говорят, что ученые поначалу интересовались этим составом, а потом — как отрезало, и непонятно почему. Барыги их тоже не покупали, мало того, «Долг», активно воевавший с «Монолитом», не раз брал эти шприц-тюбики в качестве трофеев. Но тоже — поначалу. Потом «долги» просто давили их каблуком прямо на дороге, по слухам, это им военные так посоветовали, по дружбе. И — ничего. Никакой информации... известно только, что после инъекции человек живет пару часов, не больше, и это если не ранен. Раненый — от пяти минут до получаса... причем раны могут быть такими, что никогда и не подумаешь, что человек жив еще, и не просто жив, а уже выдернул чеку из гранаты или приготовился в упор расстрелять врага, как только тот подойдет ближе. Потому и говорят, что к пострелянным «монолитовцам» подходить нельзя. Даже если в нем десяток пуль сидит, даже если пополам его разорвало... ну, а если уж приспичило обыскать, так издали в голову выстрели сначала, и только потом подходи. Сколько раз бывало, когда «мертвый» фанатик гранату под ноги сталкерам выкатывал... страшная это дрянь. И не поймешь — то ли наркота, то ли стимулятор мощнейший, то ли еще какая химия.

Я легко поднялся с наспех сооруженных носилок, брошенных «монолитовцами». Хип отшатнулась от меня, только взглянув в глаза, но тут же ощупью нашла мою руку, вымученно улыбнулась. Молодец ты все-таки у меня, стажер. Знатный из тебя сталкер получился. Пенка, не говоря ни слова, просто повернулась к громадине Саркофага. Успеем.

Темнота вокруг нас не была полной. Скорее это были глубокие, серые сумерки, которые, по слухам, никогда не расходились здесь даже днем из-за шапки странных угольно-черных туч, круглый год висевших над ЧАЭС. От этого мир казался тусклым, черно-белым, тяжелым, хотя сам воздух вокруг Саркофага был удивительно прозрачен, хотя и далеко не чист — встроенные в детекторы аномалий дозиметры вместо сухого треска начали прерывисто пищать уже через несколько десятков шагов, предупреждая о смертельном уровне радиации. Наверное, поэтому и не пошел дальше отряд «Монолита», хотя их комбезы защищали от радиации едва ли не лучше наших... слышал я, что при сильном облучении чувствуется апатия и сухость в горле, но таких ощущений пока не было. Я просто осматривался вокруг — странное снадобье не только убрало боль и слабость, но и невероятно обострило восприятие.

Даже в самых дальних ходах я никогда не приближался к ЧАЭС, хотя в Припяти бывал, и не раз. Слухи о том, что творилось вокруг станции, отпугивали даже бывалых сталкеров, но, как ни странно, вокруг не было видно ни одного мутанта, ни одного живого дерева. Забетонированная дорога растрескалась, местами почернела, от нее ощутимо веяло странным густым жаром, а в небо поднимались столбы дрожащего воздуха. Брошенная техника, плиты дороги, трубы, развалины административного здания — все было покрыто налетом рыжеватой пыли, остовы грузовиков выгорели, почернели, кое-где я даже видел широкие черные кляксы, похоже, расплавленных камней. В две тысячи шестом, во время первого Выброса, Саркофаг пошел трещинами, но устоял. Через год случился еще один, и на этот раз от самого Саркофага мало что осталось — он даже не развалился, а попросту оплыл, словно старая свеча, почернел, а расплавившиеся балки и глыбы бетона оставили на его стенах застывшие реки блестящего черного стекла. Теперь бывшее здание напоминало какой-то сюрреалистический вулкан с разверстым жерлом, окруженным гигантскими вывернутыми лепестками смятых, расплюснутых в гравитационных вихрях камней, тех, что не успели испариться в первые минуты той вспышки аномальной энергии, так сильно изменившей и увеличившей Зону.

Странный огонь был настолько силен, что даже бетон вблизи бывшего Саркофага покрылся скользкой, хрустящей корочкой, а асфальтовые дорожки выгорели полностью, превратившись в ленты почерневшего песка. Пенка начала петлять, обходя некоторые участки, и, так как наши детекторы вышли из строя, попросту перегорев от интенсивности аномальных полей, нам пришлось полностью довериться чутью мутанта. Ей, похоже, радиация не вредила совсем, а вот нам... первой на першение, сухость в горле и тошноту пожаловалась Хип, что само по себе говорило о действительно серьезной дозе радиации. Я этого пока не чувствовал — действовал «монолитовский» препарат, но все же остановился и достал из рюкзака «посылку» Доктора — упаковку из десяти ампул с «жизнью». Первые инъекции мы сделали на остатках скользкой стены, покрытой волнистыми гребнями застывшего камня. И там же я увидел, как ярко полыхнуло в недрах того «вулкана», в который превратился Саркофаг, и вспышка эта оставила после себя дрожащий лазоревый свет, от которого по стеклянно-блестящим черным стенам забегали призрачные блики.

Я увидел Монолит.

Он показался мне немного меньше тех размеров, которые ему приписывали выжившие после похода к Саркофагу или, что скорее, чрезмерно болтливые сталкеры. Может, он казался небольшим еще и потому, что лежал на дне глубокой полусферической воронки, явно выжженной им во время Третьей катастрофы, частично погрузившись в расплавленный когда-то камень.

И еще он был прекрасен.

Высокая, почти прозрачная призма цвета чистейшего аквамарина, от которой расходились волны странного, ленивого света, играющего над кристаллом лентами крошечных северных сияний, расплывающегося мягкими струями, похожими на прозрачный светящийся дым, короткими вспышками на идеально прямых гранях. Он не звал к себе, нет, но я вдруг почувствовал, что он ждет нас... ну, или же мне просто это показалось.

Осознание того, что «чернушка» и «монолитовский» допинг убьют меня в течение часа, может, двух, как-то сразу отступило от меня. В сердце приятно, сладко кольнуло ощущением острого счастья, непередаваемой радости, мира. Я просто сел на черные камни, сорвал маску респиратора и спокойно позволил Монолиту выслушать меня, хотя при этом я не произнес ни звука. Я почему-то знал, что мне не нужно говорить самому, достаточно лишь достать из кармана конверт, раскрыть его и разглядеть в ладонях кусочек помутневшей, пятнистой фотобумаги. И просто тихо прошептать те слова, повторив то, что сказал мне усталый, печальный голос мертвого Доктора, которого я так четко, хорошо слышал, словно он стоял прямо за моей спиной.

«ПОСМОТРИ НА ТЕХ, КТО ПРИШЕЛ К ТЕБЕ. ЗАГЛЯНИ В ИХ ДУШИ И ДАЙ НАМ ЕЩЕ ОДИН ШАНС».

Миллионы тонких ледяных иголочек разом растаяли на коже, мысли исчезли, а мир вдруг померк на несколько долгих секунд, в течение которых я увидел странную картину: засыпанный слежавшимся снегом подвал разрушенной многоэтажки, костер и два человека возле него, одетые в рваные шкуры — старик и подросток. Старик грел руки у огня, паренек, свернувшись калачиком, похоже, спал, не выпуская из рук короткого копья. А над разрушенными почти до основания остатками зданий ветер начал гнать белые искры снежной крупы. Видение продолжалось совсем недолго, прекратившись как-то сразу, вдруг, и я снова сидел на гребне оплавленной стены.

«Да».

— Он сделал, — просто сказала Пенка. — Все теперь.

— Нет, — Хип упрямо мотнула головой. — Не все.

Девушка глубоко вздохнула, потом просто сняла респиратор и отбросила его в сторону.

— Я просто хочу быть с ним. Всегда. Он ранен. Ему плохо, он умирает. Уведи нас от смерти, найди спокойное, тихое место, где мы могли бы жить подальше от лишних людей. Сделай так, Монолит.

Пенка почти по-человечески охнула и попятилась назад. А лазоревое сияние неожиданно усилилось, затопив весь мир вокруг. Я встал, ошупью нашел руку Хип и шагнул к краю воронки, туда, где начиналась стена мягкого, прохладного света.

* * *

Я даже не понял, что именно произошло.

Секунду назад под ботинком хрустели мелкие осколки черного радиоактивного стекла, но следующий шаг подмял уже высокую, удивительно яркую траву, обильно посыпанную крупной росой, и вместо сухого, отравленного воздуха Саркофага я почувствовал прохладный свежий ветерок. Похоже, было раннее летнее утро...

Мы стояли на пологом берегу небольшой речки, поросшей по берегам ольхой и ивняком. На соседнем крутом берегу поднимался густой сосновый бор, желтел песок узкого пляжа, и, что совсем уж невероятно, пели птицы. Нет, не хором, просто где-то в кронах высвистывала незатейливый мотив одинокая птаха... а я уже давно забыл, как могут звучать голоса птиц. И еще над всем этим было небо... темно-синее, без единого облака, немного посветлевшее над вершинами сосен — похоже, рассвет только начинался, и в глубокой холодной синеве еще мерцали редкие искорки звезд. В реке, под прибрежными кустами ивняка плеснула рыба, оставив на воде лениво расходящиеся круги.

Хип тихонько охнула, не смея сделать шаг, и только прошептала:

— Он... он что, исполнил, да?

Я не смог даже пожать плечами. Действие препарата, вколото́го мне «монолитовцем», прошло как-то сразу, не оставив даже последствий, и я почти не удивился тому, что левая рука больше не была черной, опухшей, мало того, на «Кольчуге» не осталось пробоины от той злосчастной пули — костюм выглядел новым. Мало того, «воскресли» убитые детекторы, о чем они не замедлили сообщить короткими звуковыми сигналами, постепенно стих надсадный треск дозиметра — уже через несколько секунд прибор замолчал, показывая необычно низкий радиационный фон: даже природным назвать его язык не поворачивался. Инстинкт сталкера дал себя знать и здесь: осмотреться вначале, потом взглянуть на приборы. Научный детектор, включенный в широкополосный режим, показал ноли по всем параметрам аномальной активности, не обнаружил гравитационных искажений и сколь угодно серьезных статических зарядов. Такого не было даже на относительно чистой «нейтралке» у Периметра, да что там, небольшие пики в графиках прибор показывал даже в Чернобыле-7, который был хоть и вблизи Зоны, но все-таки на Большой земле.

— Стой, Хип. Здесь что-то не так. — Все, что получилось сказать, но стажер медленно кивнула, продолжая «сканировать» окрестности. Все, что непонятно, в Зоне означает особенно неприятные вещи... а просто поверить в то, что желание Хип вот так сразу, просто

исполнилось, стоило лишь сделать шаг, я был пока не в состоянии, хотя и понимал, что да — вот оно. Сбылось.

— Прибыли и стоят. — Послышался хриловатый, низкий голос, и из густого кустарника на берегу поднялся высокий мужчина в обычной желтоватой, выцветшей ветровке и камуфляжных брюках с заметно «дутыми» коленками. Когда он оглянулся на нас с легкой улыбкой, я разглядел длинное, худое лицо с двумя глубокими морщинами на щеках, густую, светлую щетину на подбородке и блеснувшие очки-таблетки в простенькой металлической оправе. Из-под капюшона легкой, изношенной ветровки выбивались коротко стриженные седые или просто очень светлые волосы, в уголке тонкогубого рта дымилась папироса. Мужчина был в годах, похоже, далеко за пятьдесят, хотя впечатления старика не производил.

— Да не смотрите вы вокруг такими глазами... нет тут аномалий. И не было никогда. Идите сюда, я вот тут позавтракать решил, составьте компанию.

— Где мы? — спросила Хип, настороженно вглядываясь в незнакомца, рука девушки плавно переместилась к «сайге» — ничего не поделаешь, Зона научила, это уже на уровне рефлексов...

— В Зоне, само собой. Где же еще. — Незнакомец басовито хохотнул, отвернулся, что-то подхватил с земли, буркнул «вот зараза... прозевал», после чего заново забросил груз, похоже, самой обычной донки. Присмотревшись, я разглядел несколько штырьков с подвешенными на них колокольчиками. — Ну вот. Бесперспективная сегодня зорька получилась. И... это. Хватит уже за пушки хвататься. Здесь воевать не с кем. Идите уже, чаю попьем.

— Руки покажи, — потребовал я, и не думая убирать ладонь с шейки приклада. Мужчина охотно поднял руки, даже пощелкал пальцами.

— Как видите, не излом. И, представьте себе, даже не контролер. Хорош уже дурью маяться. Да, и гайки тоже в покое оставьте, здесь можно прямо так гулять.

— Ясно. Как звать?

— Координатор. Но можно еще профессор Виктор Сергеевич Прохоров. Правда, я слышал из достоверных источников, что в Зоне традиционно не используются паспортные имена... хм, знали бы вы, уважаемые, насколько верна эта традиция. Координатор, Доктор, Смотритель... м-да. Знаете, мне это даже нравится.

— Что... что это за место? — выдохнула Хип.

— Уважаемая, вы же сами захотели попасть именно на эту грань реальности, мало того, весьма успешно на нее попали, м-да. Так какого ответа ждете? Вы здесь, вы существуете, Лунь даже не ранен, ваши организмы полностью восстановлены после, поверьте, довольно серьезного облучения, причем в этом заслуга не тех ампул с «жизнью», что передал вам Доктор. Зря перевели довольно ценную штучковину, нужно сказать. Инъекции можно было бы сделать и на обратном пути... ну, если ваша затея потерпела бы фиаско. О... подождите секунду...

Один из колокольчиков негромко звякнул, леска, уходящая в воду, начала понемногу натягиваться. Координатор, выждав какое-то время, резко, размашисто подсек и начал выволакивать упирающуюся рыбину.

— О как... я уж думал, что не судьба сегодня трофей взять. Ишь... хороша. Ух... зараза, чуть руки не порезала.

Прохоров, не обращая на нас внимания, начал воевать, как оказалось, со странной рыбой, покрытой не чешуей, а какими-то бугорками вдоль спины. Острое рыло рыбыны, эти бугорки, необычной формы хвост что-то напоминали из очень далекой, забытой жизни, но Третья катастрофа надежно, навсегда выжгла большую часть воспоминаний. Зато рыбу признала Хип.

— Это... это же стерлядь.

— А то! — Координатор выволок добычу на берег. — Да какая! Шесть кило с холмиком будет. Впрочем, здесь и не такие экземпляры попадаются. Людей нет, экология чистая. Из речки невозбранно можно воду пить. Факт, ни разу не страдал, хотя предпочитаю

родники — вот это, друзья мои, вода. Чай на ней получается просто великолепный. Ладно. Рыбалка, можно сказать, удалась, так что сматываем удочки и приступаем к завтраку.

— А как же зорька? — с интересом спросила Хип. — Тут же самый клев?

— В этой реальности привычные вам законы рыбалки, увы, не работают, сударыня. Но с чем связано — с местными особенностями времени и пространства или же с практически полным отсутствием гомо сапиенсов, но рыбу можно ловить круглосуточно. Жаль, на это не всегда находится свободное время.

Профессор подтащил поближе обычный рюкзачок и начал выкладывать на траву куски черного хлеба, большой шмат вареного мяса, нарезанное сало в вощеной бумаге и громадный цветастый термос. Чашка к нему оказалась всего одна — ею служила крышка от самого термоса, но Прохоров, на секунду задумавшись, извлек из рюкзака еще две точно такие же крышки.

— Держите. Полагаю, Доктор уже приучил вас к правильному чаю? Но если нужен будет сахар, скажите.

Рассказывал мне Лихо, побывавший во всех, наверное, переделках Зоны, за что, кстати, и получивший имечко, как травил ему мозги один странный иллюз, обитавший в развалинах бывшего водозабора. Что и в детстве сталкер побывать успел, и в речке искупаться, и день рождения справил за те часы, что сытая тварь потратила на игру — почти разумные мутанты, будучи в игровом настроении, вполне могли учудить и такой номер. Лихо и рассказал, что видел такие качественные глюки, что они казались намного естественней и выразительней реальности, одна только беда — когда ему еду показывали, то или воздух жевал, или какую-то гадость, на тряпки похожую, песок на зубах скрипел. Черт его знает, в плане трепы Лихо любому сталкеру сто очков форы даст, заливают он действительно лихо, причем и реальный случай, и совершенно невероятную, дикую байку поведает с одинаково серьезным выражением лица, взволнованными вздохами и драматическими паузами. И ведь в половине случаев точно не врет — и доказательства, и свидетели имеются... даже ученые подтверждали — может иллюз обмануть все чувства, за исключением только обоняния и вкуса. А то, что Лихо тогда всерьез опасной грязи наелся в тех развалинах, так это факт, его в больничке недели две потом держали, да он и сам тогда «душу» у Барина покупал... может, и не врет. Поэтому я принял. Пахло, опять же, рекой, смолой сосны, от желтовато-белых, пушистых соцветий какой-то травы исходил сильный, но в то же время приятный аромат. Угощение Прохорова было вкусным... нежесткое, аппетитное сало на куске черного хлеба, свежий лук, несколько суховатое, но при этом удивительно вкусное мясо, горячий, горьковатый от крепости черный чай. Но ощущение обмана, нереальности происходящего не отпускало.

Как может быть такое, чтоб заживо разлагающаяся рука, успевшая отравить весь организм, мгновенно, разом стала здоровой? Я точно знал, что «чернушка» сжирает сталкера в десятки раз быстрее обычной гангрены, что в этом случае не помогает даже ампутация, мало того, я должен был погибнуть задолго до того, как чернота доползла до плеча и шеи. Сам Доктор говорил, что в случае успешного лечения этой заразы Зоны навсегда садятся почки, начинает сбоить сердце, а уж фурункулезом сталкер будет мучиться всю оставшуюся жизнь, которая и без болячек не особенно длинная. А тут — на тебе... от раны тогда уже явственно несло падалью, рука висела плетью, и я просто сходил с ума от боли до тех пор, пока «монолитовец» не сделал мне тот самый, и кстати, смертельный укол. Оно, конечно, радоваться бы, однако отсутствие пулевого отверстия на ткани комбеза озадачивало еще больше. «Кольчуга-2М» костюм более чем замечательный, однако порезы и пробоины зашивать сам не умеет, на то ремонт, причем недешевый, требуется. Хип тоже что-то чувствует, серьезна очень, внимательна, хотя и пытается поддержать разговор, улыбается даже очень естественно, учтиво, но я-то девчонку свою изучил достаточно хорошо, чтоб по глазам понять — так смотрит она на Координатора, словно не человек перед ней, а аномальный участок, через который пройти надо. Хотя, может, и впрямь не человек это.

И самое паршивое, ничего я не понимаю... однако от трапезы не отказался, чаек прихлебываю — ну не отравит же он нас, в самом деле, — а вот руку от «сайги» далеко не

убираю. Видит Прохоров это дело, но спокоен совершенно. Даже насмешлив, если, конечно, не по глазам судить, а по едва заметной иронично-снисходительной, но при этом мрачной улыбке. Мужик вроде как мужик, действительно чем-то на профессора похож. Однако что-то в нем было не так... такое же ощущение возникало у меня, когда Доктор, Зона ему пухом, в глаза мне смотрел. Бывало, что и морозом до самых пяток окатывало... и вот у этого взгляд такой же. Не в смысле, что докторский, нет, не было в нем той острой, ироничной пронзительности, «френтгена», какого-то странного всезнания, от которого, мягко говоря, не по себе становилось. Взгляд Координатора был очень спокоен, почти безмятежен. Он не смотрел, нет, он созерцал без всякого интереса, был отстранен. В глазах этого странного человека тоже было знание, но не жадное и смелое, как у Доктора, а спокойное, уверенное и при этом совершенно дикое — я буквально чувствовал, что человеческого в нем, этом знании, нет почти ничего.

Наверное, поэтому я поверил в реальность происходящего. Да, что-то не так было с миром, где мы оказались. Слишком синим было небо, слишком яркими, насыщенными были краски, даже звуки были какими-то красочными, что ли, будь то ветер в кронах сосен или птичий свист. Очень ярким и... красивым был этот мир.

— Дошло наконец, — кивнул Координатор, доливая чай в свою крышку. — Я-то думал, что сталкеры давно разучились удивляться... но в том, что любую странность сразу, что называется, в штыки, так это правда. Знакомо... ну, пойдем. Гостями побудете какое-то время, а то как-то скучно без, хм, живого общения.

* * *

Хип прерывисто вздохнула и положила голову мне на плечо. Мы уже довольно долго сидели на продавленной тахте в одной из комнат просторного сельского дома, куда привел нас Координатор. Просто молчали, слушая дыхание друг друга... стажер цепко ухватила меня за руку, прижалась, ничего не говоря, да так и замерла, закрыв глаза. Ни слова, ни звука, ни слез — просто держала мою ладонь. И в этом молчании, пожалуй, было намного больше пережитого страха, чем в самых горьких слезах...

Перестрелка с Долгом... рана, вскоре ставшая смертельной... отряды «Монолита», дышащая смертью Припять, оплавившийся, разрушенный Саркофаг, аномалии... из какой же стали ты выкована, девочка моя, что нашла в себе силы не сломаться, и держалась до самого дома Прохорова, даже шутить пыталась по дороге. А здесь, стоило нам остаться одним, прижалась всем телом, схватила мою руку и вот уже полчаса молчит... да и не нужно ей ничего говорить, все и так понятно. Связалась ты со сталкером, и сама на эту дорожку встала, даже не раздумывая. И ведь ни разу, ни разу не попрекнула этим, всегда со мной, рядом, разве что злилась, когда я без нее, первый, в аномалии за хабаром лез. Что бы я без тебя делал...

— Живой... — тихий, теплый шепот в ухо. — Ты живой... мы дошли, Лунь. Я верила...

Я осторожно отодвинулся, поднял Хип и усадил себе на колени. Она замерла в моих объятиях, вздохнула и в первый раз за долгое время улыбнулась — мне не нужно видеть ее улыбку, я просто почувствовал, как страх и напряжение покидают девушку, как она тихо шепчет что-то, как стала влажной и чуть солоноватой на вкус ее щека. Через несколько минут она уже крепко спала — приключения последних дней вымотали ее полностью. Я осторожно уложил Хип на тахту. Спи, родная...

Странные дела творятся... Координатор, дом его, даже скорее небольшой хуторок на высоком холме над речкой. И ведь вполне обычный такой хуторок, домина большой, хороший, пристроен к нему много, садик за окнами, сарай, два флигеля во дворе, летняя кухня, даже вроде баня за огородами. Вот это и странно... ведь ни дорог к хутору, ни даже сколь-нибудь заметных тропинок, словно или заброшен он давно, или просто взял здесь да и появился. И почему Координатор? Откуда он здесь? Где мы вообще находимся? Нет, слышал я, что в Зоне изредка попадаются странные аномалии — шел себе человек да вдруг разом и

пропал с таким металлическим шумом, словно по листу оцинковки кувалдой вдарили. А потом или за несколько километров в кусковом исполнении найдут, или целого, но совсем мертвого, или же где-нибудь на крыше припятской многоэтажки сталкер окажется, ошалевший от такого странного перелета, о котором он сам ничего, кроме яркой белой вспышки, не помнит. Может, и нас Монолит куда закинул, подальше от Периметра? Причем настолько подальше, что некоторые штуки здесь совсем не узнаю. Память во время Третьей катастрофы мне поломало без права восстановления, но и Хип ведь тоже странно оглядывалась на высокие серые деревья в крупной ромбической чешуе коры, которые время от времени попадались в сосновом лесу по краю тропинки. Приземистых «елок» с необычайно длинной, похожей на зеленый шелк хвоей, двухметровыми прядями свисавшей почти до земли, я тоже не помнил. А один раз на опушке дальнего березняка увидел я десяток грибов, под шляпами которых можно было с комфортом укрыться от дождя... так что, похоже, далеко нас закинул Монолит. Очень далеко.

Координатор, буркнув в очередной раз о каких-то «гранях реальности», остальные вопросы по данной теме просто игнорировал, ворча, что, мол, после на пальцах объяснит, а сейчас недосуг. Потом, когда привел нас в дом и кивком головы указал на «нашу» комнату, сразу вышел в огород, где просто стоял уже не один час, опершись на лопату и глядя куда-то в пустоту.

Прохоров, похоже, был сумасшедшим. Странности в его поведении, взгляде, разговоры о «гранях реальности» очень напоминали признаки «перегоревшего» сталкера. Так же заговаривается, взгляд в одну точку, холодный, отстраненный, то разговаривает, причем охотно, то временами молчит... часть пути он даже прошел с закрытыми глазами, что-то бурча себе под нос и временами кивая: «Да, блокировать... нет, приказ пропустить... не стрелять, напротив, способствовать... четыре отряда в шестнадцатый сектор... да... принять». К нам он, похоже, почти потерял интерес, и, что странно, у меня появилось такое ощущение, что о нашем визите он не просто знал заранее, но даже и пришел поближе к тому месту, где нас должно было «выбросить». До сих пор стоит вон посреди запущенных грядок, опустив голову, и, наверно, опять ведет странные беседы с самим собой. Прохоров... Прохоров... Знал я всех «главных ботаников» если не лично, то по крайней мере на слух так точно, однако этой фамилии я не слышал от ученых. Нет, что-то такое отдаленно знакомое, из разряда едва ли не баек у костра, однако, байками-то я особо не интересовался, так, разве что от скуки послушать. Болтали о каком-то Прохорове, факт, но что именно — не помню, хоть убей. Ладно. Может, отпустит его немного, так он вроде ничего, временами вменяемый, ну, тогда и постараюсь осторожно поспрашивать, кто он, как здесь оказался, и где все-таки это самое «здесь». Правая рука непроизвольно снова прошла по материалу «Кольчуги» на том месте, где была пулевая пробоина, и подкладка пропиталась кровью так, что залубенела, и ее пришлось на привале спороть... м-да. А сейчас комбез новый... от дыры ни следа, подкладка на месте, и крови ни пятнышка. А на плече даже шрама нет. В Зоне, конечно, всякое бывает, кроме откровенных чудес... странно мне все это. Ох как странно.

Но если «чернушка» не убила меня, пощадила инъекция ядовитого стимулятора, организм очистился от грязи и радиации, то усталость никуда не делась. Бывает иногда такое, что вымотавшись до предела, не можешь заснуть, и желания даже такого не возникает... хочется просто сесть где-нибудь в уголке, прикрыть глаза и не в сон даже провалиться, а в нечто вроде отключки — и не спишь, и мыслей никаких, одна только тупая лень и апатия, да еще желание, чтоб никто не подходил. Нет меня. Буду не скоро...

Хип, видно почувствовав мое отсутствие, что-то проворчала сквозь сон, и на ее лице вдруг появилось выражение неподдельного горя — похоже, снились ей сейчас не самые красивые сны. Я присел рядом, взял ее за руку, и девушка, глубоко вздохнув, едва заметно улыбнулась. Хороша... красивая она у меня. И хоть легли под глазами тени, заострились скулы, а губы, на которых никогда не видел я помады и блеска, обветрились, побледнели, была она в тысячу раз красивее и лучше тех скалящихся красоток из глянцевої шелухи, которой, случалось, приторговывали местные барыги. Загорела Хип, но не тем ярким, пляжным загаром, а немного бронзовым, светлым, какой только и бывает у сталкеров,

неделями пропадающих в затяжных ходах. Мужуку здесь, мягко говоря, трудно, а уж как тяжело девке в Зоне, так это просто слов нет... комбез и обувь подходящую найти иногда тяжелее, чем редкий артефакт. Ладно хоть связи среди торгашей налажены, заранее заказать можно, но, правда, втридорога — им, торговцам, тоже не улыбается неделями по своим каналам вопросы спрашивать и размеры подбирать. За собой Хип следит, очень хочет для меня красивой быть, а помыться — оно ведь только в лагерях, да и то не всех, или в Чернобыле-7, а Зона — это не только твари, аномалии и смерть. Это еще и грязища, которая в избытке и в подвале мокро, и в лошине гнилой, и в ржавом, горелом нутре брошенного бронетранспортера, в котором ночевать придется, а то и в колодце от Выброса прятаться, по грудь не то в рыжей глинистой каше, не то еще в каком веществе, так как смердит, считай что, одинаково. И ведь исхитряется девка даже в таких условиях воды из дистиллятора и на чай, и на помывку головы набрать — как она это делает, ума не приложу... воды горячей всего-то три котелка, да времени в обрез, и гнилой домишко где-нибудь на окраине заброшенного поселка, а выходит уже довольная, улыбается, волосы вытирает. И в ходку дальнюю всенепременно и тайком от меня в рюкзак какие-то притирания, тубики, асептики, бутылочки, очистители, влажные салфетки и прочую гигиену положит обязательно. Поначалу ругался я за каждый грамм в рюкзаке, Хип серьезно кивала, у меня на глазах все это дело из рюкзака выгребала, но стоило отвернуться — в секунды весь набор обратно по кармашкам между запасными фильтрами для респиратора и банками тушенки. Быстро, незаметно, ловко... только уже в Зоне, на привале выясняется, что побочку этот мой приказ пущен, и ведь ругаться не получается — так посмотрит своими глазами, улыбнется, головой покачает, и все, какая уж там, на фиг, строгость...

Трепали тут некоторые в Баре, что «нечая в Зоне бабам делать, не бабское это дело — сталкерить». Сам-то щегол совсем, дальше лагеря на километр не уходил, в активе, может, пара «медуз», если очень повезет дураку, «коралл» или «выверт», а уж гонору, как на десяток ветеранов. Сидит, умничает такой вот, с позволения сказать, сталкер, на морде важность написана, к бармену иначе как «на два пальца чистого» не обращается. Однако не понимает зеленка, что таким вот поведением на годы вперед к себе отношение обеспечивает... а уж если имечко прилипло «Щегол» или, того хуже, «Шлепок», то от него уже не избавишься... вот такие вот «шлепки» часто в сторону Хип с презрением посматривали, высокомерно так, с ухмылочкой. Пришлось пару раз ухмылочки эти кулаком сносить, бывало, что и вместе с зубной крошкой. Человек я, в общем, не злой и на раздачу не скорый, драк органически не переношу, за всю местную карьеру было всего несколько красивых замесов. Однако в такие моменты разбивал морды не раздумывая — выбешивала кривящаяся харя просто до невозможности. Ни разу не слышал я ни от Сиониста, ни от Лихо дурного слова в отношении редких в Зоне девок-сталкеров. Век их, как и всех прочих бродяг, короткий был, ни одной не знал я одиночки, чтоб больше двух лет в Зону ходила. Помимо аномалий, мутантов и мародерской пули в спину еще была опасность, и немалая, когда на тропинке другой сталкер встретится... поди разбери, что он за человек, какие у него мысли. Совесть у многих бродяг ведь настолько прозрачная, что ее не всегда видно, и что случилось в подвале брошенного дома или на далекой тропе, никто и никогда не узнает, кроме разве что самой Зоны, а я крепко сомневался в ее справедливости. Был ведь случай, еще до того, как встретил я Хип... заходила временами в Бар девушка одна. Крупная, крепкая, слышал я, на Большой земле спортсменкой была, пловчихой, да что-то не заладилось у нее, вроде допинг нашли или просто подставили, да это уже и не важно. А она всю жизнь на этот свой спорт положила, только им и жила, по Европам каталась, медали для страны завоевывала. Вышибли ее, и ни работы, ни квартиры своей, ничего... деньги кончились, родни никакой, считай, нет, какая-то троюродная тетка с Тамбова не в счет. Личной жизни тоже... красивая она была, но дефект все же имелся — чуть губы искривлены, и на подбородке маленький, но заметный шрам — на тренировке неудачно поскользнулась и лицом о тумбу приложилась крепко. Метина-то небольшая, лицо она не портила, если не приглядываться, то не увидишь, однако крепко стеснялась девка... кстати, ее Муреной сталкеры окрестили, как узнали, что пловчихой была сталкерша. Умница большая была... редко из ходки пустой возвращалась,

пусть и не попадалось ей редкого, уникального хабара, но весьма недешевые штуки приносила регулярно. Хотелось ей в Зоне такую деньгу найти, чтоб и на европейского хирурга хватило, и на квартирку, и на несколько лет нормальной жизни. Пытались за ней ухлестнуть, да толку ноль — никого и близко не подпускала. Даже Сизого, хоть и явно симпатичен он ей был, но шрама своего она крепко стеснялась. Сизый, который чуть раньше ее в Зону пришел, парень, в общем, был неплохой, положительный, хотя, конечно, как сталкер невезучий: ну, если особенной сноровки или чутья на хабар нет, то так и будешь хлам таскать. Ну вот и таскал он «медузы», «банки» и «русалочьи слезы», на жизнь хватало, на ремонт и изредка на подарок своей Мурене. Психовал страшно, если она в ходке задерживалась, ПМК из рук не выпускал, несколько раз даже напивался, когда сеть теряла сигнал с ее коммуникатора. Да и она на него посматривала по-особенному, тепло так, с хорошей улыбкой, частенько они вдвоем за дальним столиком сидели — крепкая, высокая девушка и Сизый, худощавый, жилистый парень на полголовы ее ниже. Ему-то я и рассказал потом, как нашел Мурену в развалинах недостроя, что на границе с Темной долиной. Не стал я ему выкладывать подробности, что сотворили с ней какие-то до сих пор не найденные подонки, но он, видно, и сам все понял, побелел и из Бара ушел. В Зону. Больше не видели его, но до сих пор совесть напоминает мне о том случае — не зря ли сказал, может, лучше было промолчать, мало ли народу в Зоне без вести пропадает, но, с другой стороны, без вести пропавший здесь — тот же самый труп. К тому времени, как нашел я Мурену, и сам я уже убивал, и меня не раз убивать пытались, на мертвых я насмотрелся, как и любой местный бродяга. Однако больно резануло мне по сердцу, когда увидел я сталкершу, страшной смертью погибшую. Своими бы руками удавил уродов... грешили на банду Кулька, в те времена на границе Свалки промышлявшего, но в тот же год «долги» их всех вычистили, надеюсь, вместе с теми уродами. Эх, «долговцы»... виноват я перед вами, мужики. Так виноват, что даже слов нет, прощения попросить не могу, не прощаются такие вещи... ладно, может, выпадет когда случай помочь вашим ребятам, помогу обязательно. Ха... если, конечно, когда в Зону вернусь из этой самой странной... «грани». А оно весьма сомнительно.

Я вздохнул и осторожно погладил волосы спящей девушки. Помню, как встретил тебя в первый раз, ушедшую из «Свободы», искавшую схрон на ночь в одном из самых неприятных уголков Зоны. Как поразился тому, что ты выжила и даже не нахватала радиации. Как услышал «Хип», как в первый раз ты искала у меня защиты от взъевшегося «долговца» Седого, с которым переживали ночь. Как на утро мы уходили от колодца-схрона уже как странная, но все-таки команда. Как думал я еще, болван, не стоит ли бросить такую «обузу», так как давно ходил один, не желая доверять напарникам. Как до сих пор иногда окатывает холодом от мысли, что она бы не дошла, оставшись в аномалии или встретив мутанта. Что я мог бы потерять ее, даже не найдя, или бездумно отмахнуться от фактически смертницы — ни нормального костюма, ни оружия, ни сколько-нибудь серьезного опыта...

Спасибо тебе, Мурена. Ведь если бы не нашел я твое тело на заброшенной стройке, растерзанное не мутантами, нет, людьми, тварями куда более подлыми и грязными, то наверняка бросил бы «свободовскую» девчонку. И остался бы на тот остаток жизни, что отмерила мне Зона, не просто набитым дураком, но еще и сволочью. Спасибо тебе, бывшая спортсменка, брошенная своей страной, за то, что не позволила оставить Хип, пройти мимо своей судьбы, за то, что человеком я остался. Помяну тебя при случае добрым словом и горькой стопкой. Обязан я тебе очень. И тебе, Хип, спасибо. За то, что у смерти меня отвоевала, когда люди, которых я друзьями считал, давно рукой махнули. За то, что доверял я тебе больше, чем самому себе, за километры, в Зоне пройденные, за поддержку, за то, что роднее тебя нет у меня никого, стажер. За то, что беспросвет мой с твоим приходом кончился, что жить мне стало интересно и приятно. Березка моя, Зоной подаренная, чудо глазастое, красавица. Сколько мы с тобой по Зоне километров отмахали, сколько раз по краешку ходили, сколько раз ты спину мне прикрывала, и улыбка твоя и взгляд согревали меня лучше, чем самый жаркий костер и теплый спальник. И оттого, что ты со мной рядом была, Зона приветливей смотрела, пасмурный, холодный день казался солнечным, и уютно

мне было даже в сырых подвалах и грязных схронах. С Викингом как-то разговорились, если, конечно, можно посчитать разговором неторопливый монолог, выданный им по случаю легкого подпития. Обычно сталкер, поддерживая странный стереотип о «разговорчивых» прибалтах, бывал крайне немногословен даже с друзьями, ну а посторонние с вопросами к Викингу не лезли — два метра роста с полутора центнерами вовсе даже не лишнего веса, а также угрюмый вид к беседе не располагали. Медлительный, неторопливый как в речах, так и в мыслях, был он на редкость удачливым сталкером, ходившим в Зону всегда в одиночестве, и всегда надолго, так как был уверен, что местные условия спешки очень не любят, и, что характерно, в этом пока не ошибался. Тем, кто плохо Викинга знал, детина казался туповатым и неповоротливым, однако за плечами прибалта был диплом психотерапевта и почти десять лет работы в элитной клинике. Что у него там не срослось, почему бросил он работу и, мало того, в Зону ушел, мне было непонятно, но Кося Депутат, страшный болтун и копилка слухов со всех окраин, как-то рассказывал, что девушку его один приезжий отморозок кислотой облил, когда она замуж за него выходить отказалась. Что расследование прикрыли, так как гость столицы оказался сыном не очень важной, но все-таки импортной шишки. И Викинг тогда свое расследование провел, свой приговор вынес, адрес вычислил и, собственно, гостя этого и сказнил, расколов о его башку трехлитровик серной кислоты, после чего и отбыл в направлении Зоны. Откуда у Коси, знаменитого брехуна, такая информация, никто не знал, но сам Викинг слухов этих не опровергал, хотя и не подтверждал. В то же время сталкер долго искал в Зоне «ледяное пламя», редкий, дорогой артефакт, о котором говорили, что убирает эта штука шрамы и кожу восстанавливает. Нашел, с надежным человеком за Периметр передал, но сам в Зоне остался, хотя и замкнулся в себе окончательно, редко когда из него пару слов вытянешь. А в тот день словно подменили Викинга — сам в Баре подошел, сел, откашлялся смущенно и начал долго так, сумбурно даже «про баб» рассказывать — тема эта в условиях постоянного голода в сталкерских кругах одна из самых частых, потому я и не удивился. Правда, вскоре стало понятно, что Викинг про одну «бабу» — как смотрит она, как ходит, чем увлекается, да какие у нее волосы, да какая она вся из себя классная и талантливая. Несло Викинга долго, минут сорок, и я не перебивал — мужику явно выговориться нужно. Рассказал он мне все про свою Елену Прекрасную, помолчал немного и вдруг спросил: как, мол, оно — с девушкой по Зоне ходить, не слишком ли муторно? Ну, честно я и рассказал ему, что о лучшем напарнике мечтать не мог. Что груза меньше Хип возьмет, так это ерунда. Зато интуиция у нее не в пример лучше моей, на Зону чутье отменное, учится быстро, дисциплинированная, внимательная, все на лету схватывает. Стреляет метко и вовремя, что в условиях Зоны вещь очень нужная, я бы даже сказал, необходимая. Дальних переходов не боится, проверено, там, где другой стажер давно бы уже скис, Хип топает без вопросов, не жалуется. Ну, и не стал я еще говорить, что такую поддержку, такую силу чувствовал от девчонки, что из самых поганных ситуаций мы с ней выкручивались, много раз друг друга выручали. Что с ней мне было и светлее, и спокойней в Зоне, знал я, что никогда не предаст, не бросит. Не верил, не надеялся, а именно четко знал. И это многого стоит... не потому ведь сталкеры одиночками становятся, что одному в Зоне выжить проще, хотя это кому как. Здесь другое совсем, вопрос иначе поставить надо. Готов ли ты полностью доверять тому человеку, с которым отправляешься в ходку? Нет, ты можешь называть его товарищем, приятелем, если угодно, коллегой, помощником или даже другом. Ты можешь выпить с ним в Баре, поточить лясы, посмеяться над удачной шуткой или свежим анекдотом. А вот спроси себя: доверишь ли ты ему спину, если вы нашли один на двоих редкий, драгоценный артефакт? Не бросит ли он тебя, израненного, подышать, так как до ближайшего лагеря десяток километров? Не обворует ли схрон, подсмотрев во время совместной ходки твои тайники? Поэтому доверяет одиночка только тому человеку, которого лучше всего знает — самому себе, а напарника берет редко, неохотно, и только если серьезная в том есть нужда. И одиночек еще группировкой называют... хм. Нет уж. У нас каждый сам себе полноценная группировка, за исключением тех только случаев, когда находишь такого человека, которому не просто доверяешь, а по-настоящему веришь, и, что немаловажно, он также верит тебе.

Редкое это везение, зато с таким напарником можно хоть к черту на рога. Послушал меня Викинг, покивал и исчез на две недели. Потом в Зоне снова появился, но уже не один — девушка с ним пришла. А уж та ли она, для которой он «ледяное пламя» искал, или другая — спрашивать его не стали, хотя Кося говорил, что да, та самая, от ожога излечившаяся. По Зоне теперь вдвоем ходят и не жалуются, а мужики в Баре начали говорить, что Лунь новую заразу сталкерам занес, почин сделал. Впрочем, один только Викинг и повторил мой опыт, так что об эпидемии говорить рано еще. Да и плохо ли это? Не думаю... тут, по моему мнению, как с железобетоном, система та же. Бетон сам по себе — камень, твердый, крепкий, но удар посильнее — расколется. А вот арматурину уже не разобьешь, хотя согнуть ее очень даже можно. Порознь — в чем-то сила, а в чем-то и слабость. Но ежели их соединить, то в связке они куда крепче выходят, друг друга усиливают. Вот и с напарницей у меня так получилось — ты сила, опыт, знания, она — интуиция, внимательность и то самое чутье на опасность, которое, наверно, самой природой предусмотрено. Был ведь случай, совершенно фантастический: ходили мы с Хип к старой, еще барской плотине на местной, давно загнившей речке. Места не особо паршивые, если с умом ходить. Вот я с умом и пошел: сканер в широкополосный формат, гайками каждый шаг проверяю, странности в пейзаже ищу, ну, все как обычно, иду правильно. И Хип говорит мне: «Стой!». Конечно, сразу останавливаюсь, оглядываюсь, мол, в чем дело? Стажер, как я сначала решил, околесицу понесла... что, мол, примета плохая под «цыганскими воротами» ходить. Спрашиваю, что, мол, за «ворота» такие? Хип глаза опустила, почему-то немного покраснела и объясняет: это когда столб телеграфный прямо стоит, а укосина к нему — под углом. Вот это и получают «ворота», и с тем, кто под ними прошел, несчастье случится. И еще говорит, что вообще про эту примету забыла давным-давно, а вот сейчас как-то сразу взяла и вспомнила. Еще сильнее Хип смутилась, пальцем на этот столб показывает, и опять — «не ходи в ту сторону». Но я и так туда не собирался: не часто, но встречается между такими столбами всякая пакость вроде «струны» или «смерть-искры», может и разряд долбануть. Объяснил. Хип кивнула и добавила, что к этим «воротам» даже подходить не стоит, так как они «очень неприятные... жуткие какие-то». Посмотрел я на столб этот, дорогу, туман над старой плотинкой — вроде все чисто, пройти можно было бы без проблем, но... решил все-таки повернуть к фермам, маршрут сменить. Мало ли что, в Зоне к предчувствиям относиться нужно очень серьезно. Отметил на всякий случай в ПМК участок дороги как «показавшийся подозрительным», предупреждение в сеть кинул, и к старому совхозу мы потопали. А через неделю «долговец» Никон возле тех «цыганских ворот» гробанулся, и с ним весь его отряд. Мужик он был очень опытный, матерый, из тех, кто Зону вдоль и поперек исходил. Однако не уберегся, зато Хип, которая только начала «стажировку», опасность почуяла, и если б не ее «примета», лежать бы мне сейчас выцветшим тряпьем возле того «несчастливого» столба. Вот тебе и детские суеверия... вовремя Хип про них вспомнила, вопросов нет. Доктор говорил как-то не то в шутку, не то всерьез, что особенности женской логики в Зоне могут оказаться полезнее, чем опыт обычного, рядового сталкера. И похоже, прав он... сколько уже бродяг не вернется к костру, что парней, что девок, не разменявших даже первый год «стажа»? Сколько погибло и пропало без вести одиночек-ветеранов? А вот Викинг со своей Челкой ходят себе и ходят, говорят, и в Припять забирались, на Стадионе богатый хабар взяли. Видели их пару и на болотах Янтара, даже, вроде, опушку Криволесья облазили. И кто знает... не будь Мурена столь принципиальной, или Сизый хоть немного настойчивей и смелей, то, может, еще одна пара появилась бы, и сложилось у них все как надо, до сих пор бы Зону топтали.

Я вздохнул и лег рядом с Хип, закрыл глаза. Сон не шел, и на ниточку сознания сами собой нанизывались яркие, блестящие бусины мыслей и воспоминаний, тех, что сохранились после генеральной чистки памяти, устроенной мне Выбросом. И при этом я чувствовал сейчас странный, глубокий покой, какую-то безмятежность, словно все, что было в жизни плохого, навсегда ушло в прошлое. О странностях Координатора думать сейчас не хотелось, о том, где мы оказались, тоже. Потом, все потом... а пока просто лежать с закрытыми глазами, не снимая защитного комбинезона просто потому, что лень, да и уверен был я, что

никакой заразы я на нем не притащил: «Кольчуга-2М» не только «зарастила» пулевую пробоину, но и очистилась от пыли и радиоактивной грязи, о чем сообщали показания счетчика. Обо всем думать завтра... все равно без объяснений этого странного человека, Прохорова, разобраться в том, что происходит, было невозможно.

* * *

Координатор вовсе не был похож на себя вчерашнего — замкнутого, бубнящего под нос безумца, несколько часов простоявшего в огороде, словно памятник. Нет, сегодня он был улыбчив, пытался шутить, галантно пригласил Хип за стол, сам накрыл завтрак — чай, бутерброды, яйца всмятку и салат из свежего редиса. Если не обращать внимания на неживые, странные глаза, то и в словах, и в жестах, даже в мелочах Прохоров был интеллигентным, пожилым ученым, кем, собственно, он себя и заявлял, прибавляя странное звание «Координатор».

— Что-то вы совсем нелюбопытны, уважаемые сталкеры, — улыбнулся он, снимая с печи большой помятый чайник. — Совсем не похоже это на вашу породу. Забросило черт-те куда, встретили весьма странного деда, но и вчера молчим, и сегодня, только вежливость изображаем да осматриваемся. Непорядок... я-то соскучился по живому общению. Вижу, есть вопросы. Задавайте.

— Где мы? — тихо спросила Хип. — В смысле, где оказались? И кто вы сами?

— Ну... скажем так, оказались вы в Зоне. Немного другой Зоне, правда. Постараюсь объяснить... хм. Аналогия не самая грамотная, но вот возьмем, например, простую книжку...

Координатор подошел к книжному шкафу, скрипнули дверцы, и Прохоров вытащил небольшой серый томик «Отчеты второго отдела лаб. X-8», изогнул, с шелестом пролистал страницы.

— Книга... смотрите, сколько страниц, хм... и на неискушенный взгляд, все странички совершенно одинаковы. Бумага, размер, химический состав краски, волокна перемолотой древесины... текст везде читается слева направо, поля, строчки, один и тот же набор букв алфавита. Пока не понимаете?

Хип покачала головой, я просто слушал. Прохоров кивнул и коротким движением захлопнул раскрытую книгу.

— Хм... страницы на самом деле одновременно и разные. Текст одной не будет скопирован с другой. Бумага соседних листов может быть хуже или лучше отбелена, на какой-то из страниц, где-нибудь на полях, может обнаружиться крошечный кусочек коры или галочка, поставленная читателем. Просто раньше вы жили на одной страничке, а теперь, не без помощи Монолита, перескочили на другую.

Точно, рехнулся профессор... вид такой, словно он нам какую-то тайну открыл, улыбается, книгу в руке держит.

— Вижу, не совсем понятно. Попробуем иначе, хотя сравнение, конечно, тоже будет топорное и не совсем верное. Ну... вот...

Из того же шкафа Координатор достал огрызок карандаша, подошел к столу, ненадолго задумался, прихлебывая чай, после чего прямо на столешнице изобразил большую, жирную точку, длинную линию, квадрат и, объемным рисунком, куб, даже немного заштриховал грани. За кубом профессор изобразил большой знак вопроса.

— Кажется, я догадалась. — Хип покачала головой.

— Ну да, просто... сколько точек уместится на прямой? Теоретически — бесконечное количество, а практически — много. Нереально много. Сколько прямых поместится в плоскости? А сколько плоскостей в объемной, трехмерной фигуре? Ответ очевиден. Ну а дальше, извините, изобразительные возможности уже не позволяют... просто хочу сказать, что та грань многомерного мира, к которой вы привыкли, которую вы и считали за единственную, объективную реальность, это всего лишь одна страничка книги-вселенной, плоскость в объемной фигуре, точка на прямой. Уж вам-то удивляться не стоило, право...

— Почему же? — спросил я, еще только начиная осознавать сказанное профессором.

— Вспомни, сталкер... ты ничего не чувствовал, когда переступал границу Зоны? Короткий озноб, может быть... головокружение. Легкий страх... это обычно мгновенное, мимолетное ощущение, которое у каждого, наверное, свое.

Координатор понял по моему виду и так, что здесь он прав. Да, я определенно ощущал переход с «чистой» земли «нейтралки» на жухлый травяной войлок Зоны.

— Почему за границами Зон не возникают аномалии, разрушаются некоторые артефакты, например «душа»? Почему Институт был построен в непосредственной близости от границы Зоны?

— Вы хотите сказать, что Зона — соседняя страничка мира? — Хип задумчиво прикрыла глаза.

— Это всего лишь мои догадки, — Координатор усмехнулся. — Одно скажу точно. В изучении Зоны я продвинулся значительно дальше нашего общего знакомого, которого вы знаете как Болотного Доктора. Соответственно я знаю о Зоне намного больше любого ученого в мире. Но и я до сих пор не скажу вам, что такое Зона. Потому что моих знаний не хватает даже на треть ответа на ваш вопрос, сударыня. Я не знаю... но мне представляется, что Зона — это все-таки не соседняя страничка, нет. Просто измятый, изорванный, запачканный чернилами, протертый до дыр краешек нашей страницы, над которой поиздевался недалекий, плохо воспитанный школяр. Причем как раз этот износ, сквозные дыры в бумаге позволяют заглянуть на соседние страницы. Просто, не в обиду, есть знания, которые совершенно недоступны человеку... и хотелось бы знать, да не выходит. Зрячий не сможет объяснить слепому от рождения, чем отличается синий цвет от красного или на что похоже море или облако. Не потому, что слепой хуже соображает, вовсе нет, просто... он не в состоянии представить то, о чем ему рассказывают. Или же представит, но по-своему, без зрительных образов... а что касается тех самых граней реальности, то в этом плане абсолютно все люди слепые от рождения, и им просто не дано увидеть, а только вообразить. Тогда выбор простой... или смириться с невозможностью полного познания Вселенной или...

Координатор помолчал, с тихим шорохом провел ладонью по небритому подбородку, поправил очки, и, вздохнув, продолжил:

— ...Или перестать быть человеком.

Прохоров допил остывший чай, встал из-за стола и прошел к окну.

— С этим, по-моему, выяснили. Перехожу к ответу на второй вопрос. Виктор Сергеевич Прохоров, профессор, биофизик. Руководитель научно-исследовательской группы, известной вам как «О-сознание».

Я выдохнул... так вот откуда была мне смутно знакома эта фамилия — Прохоров. Из странных баек у костра, из слухов, гулявших среди «ботаников», из рассказов опытных бродяг... я их считал мифами, выдумками. Версий тем не менее было множество, одна фантастичнее другой. Кое-кто из сталкеров всерьез верил в «Хозяев Зоны», которыми считались бывшие ученые из «О-сознания». Кто-то говорил, что эта группа и создала Зону во время какого-нибудь неудачного эксперимента. Доктор тем не менее считал все эти эксперименты напрасной тратой денег и сил и даже отрицал возможность искусственного появления Зоны, а уж он-то точно имел отношение к научной работе, проводившейся в заброшенных лабораториях. Кося Депутат, помешанный на инопланетянах, считал, что Монолит — это корабль, который прилетел из космоса, а в нем соответственно «О-сознание» и сидело в качестве пилотов. Конечно, не на пустом месте возникали все эти легенды... взять тот же «Монолит». Группировка загадочная, в высшей степени странная, практически неистребимая, и сколько ни пытались с ней справиться «Долг» и «Свобода», сколько бы ни били фанатиков, все было бесполезно — новые бойцы «Монолита» появлялись словно из ниоткуда. Армейцы тоже не раз пытались воевать с «монолитовцами», однако Зона далеко не полигон для учений, и войска несли буквально катастрофические потери еще до вступления в огневой контакт. «Монолит» был неистребим... да, он не раз слабел, иногда почти исчезал, и, когда уже все думали, что вот оно, наконец-то прибрала Зона фанатиков, на границе Красного Леса, Темной долины и даже по северному краю Янтара появлялись группы

бойцов в серых комбинезонах. Отлично вооруженные, беспощадные, совершенно бесстрашные воины с ясными, чистыми глазами и счастливыми улыбками, они не видели разницы между «долговцем», «фрименом» или вольным бродягой: всех нас «монолитовцы» называли одинаково — «неверные». А любой «неверный», понятное дело, подлежал немедленному уничтожению, за исключением тех только случаев, когда сам становился фанатиком. Кто занимается снабжением группировки, и, надо сказать, отменным снабжением, по каким каналам «Монолит» исправно получает отличное оружие, боеприпасы, консервы, и кому, наконец, это выгодно, не знали даже те люди, которым положено все знать по долгу службы. Мало того, спецы, начинающие докапываться до истины, очень странно умирали или уже никогда не могли вернуться к работе — инсульт, сердечный приступ, шизофрения или просто превращение в слюнявый овощ случались с ними настолько часто, что о простых совпадениях речь идти не могла. Трофейные автоматы самых различных моделей, тяжелое вооружение, пулеметы, зенитные комплексы всегда отличались отменным качеством и полным отсутствием маркировки — выпущены они могли быть где угодно. Допросить пленного «монолитовца» еще ни у кого не выходило — одни разбивали голову о стену, другие откусывали себе язык, умирая от шока и кровопотери, третьи умудрялись усилием воли остановить сердце. Вот и ограничивались все знания не то о группировке, не то о военизированной секте парой слухов, в которых и фигурировало загадочное «О-сознание».

— Зона, как вы, наверно, знаете, началась не в две тысячи шестом году, когда случился Первый Выброс, а значительно раньше. — Прохоров кивнул, снова взял карандаш и начал рядом со своими схемами выводить контуры кристалла. — И в немалой степени возникновению Зоны поспособствовала наша группа. Именно мы выпустили джинна, не зная, к чему все это в конечном итоге приведет. Я не знаю, каким образом возникла Зона. Я не знаю, как устроен Монолит, какие силы он задействует, хотя могу догадываться, какие именно. Но то, что именно наша работа привела к катастрофе, я уверен абсолютно. Впрочем, все по порядку...

Прохоров закрыл глаза и опустил плечи. Огрызок карандаша сухо треснул в его пальцах, сломавшись пополам.

— Выслушайте меня... просто... просто мне нужно это рассказать. Считайте это исповедью того человека, который во мне еще остался. Срок, отпущенный моему человеческому сознанию, моей личности, всему тому, что осталось от профессора Прохорова, истекает уже очень скоро. А мне не хотелось бы уходить вот так...

Я вдруг увидел, как в тусклом, мертвом взгляде Координатора промелькнуло что-то, похожее на обычную человеческую горечь. Однако это длилось меньше секунды, после чего Прохоров выпрямился, поправил очки, откашлялся и заговорил:

— В тысяча девятьсот семьдесят втором году во время разработки песчаного карьера был обнаружен объект невыясненной природы. Своей формой он был похож на гигантский монокристалл берилла, однако с точностью опознать химический состав объекта не представлялось возможным — любые попытки взять часть вещества на анализ не увенчались успехом — даже алмазные резцы не оставляли на нем царапин, ударные нагрузки тоже ни к чему не привели. Спектральный анализ провалился тоже — найденный, скажем так, камень попросту поглощал свет... да, я не сказал? Так вот... объект был чернее сажи. Он выглядел куском космической тьмы, свет не отражался от его поверхности. Мы и форму-то смогли увидеть после того, как «берилл» покрылся пылью. А так ни бликов, ни оттенков, ни полутеней — длинный прямоугольник абсолютной черноты — то еще, хочу я вам сказать, зрелище. Ну и учитывая размеры... был он, конечно, значительно меньше, чем сейчас, но кристалл уже тогда имел пять метров в ширину, три с половиной в толщину и двенадцать с копейками в длину. Добавьте к этому вес в восемьдесят тонн... для транспортировки в лабораторию пришлось даже прокладывать временную ветку железной дороги. Штуковину окрестили объектом семьдесят четыре и начали пытаться изучать... да, именно так — пытаться.

— Но... я, конечно, не особенно прилежная была ученица. — Хип смущенно опустила взгляд. — Но всякими такими вот штуками очень интересовалась. Это же вроде летающих тарелок, или Несси, или, там, Тунгусского метеорита. Такие книжки я запоем читала, а вот про этот кристалл ничего не было...

Прохоров усмехнулся, покачал головой.

— Похвальная тяга к знаниям, сударыня. Но, видите ли, то, что подается на обед широкой аудитории, вовсе не означает того, что предложенный продукт доброкачественен или полноценен. То, что разрешено популяризировать, лишь незначительная верхушка айсберга, крошки со стола современных исследований, поверьте. Для того, чтобы утолить любознательность, хватает и этого, тем более что нынешнее человечество в массе своей лениво и нелюбопытно. Да и не в том суть... вы упомянули о Тунгусском метеорите. Широкой аудитории было объявлено, что осколков метеорита найдено не было. И только два десятка человек во всей стране знали, что метеорит, а точнее, объект под номером тридцать девять находится в закрытом Новосибирском институте. Обычным космическим телом прозрачную восьмиметровую сферу с нестабильной массой и аурой из необъяснимых флуктуаций пространства-времени назвать сложно... и таких вот штукенций только в нашей стране под сотню, им даже порядковые номера присвоены. Что-то выкопали, что-то сверху упало, что-то материализовалось непонятно откуда. Научные комиссии годами изучали, копались, выдвигали версии... толку-то. Практической пользы все эти исследования, к сожалению или, может, счастью, не приносили. А вот с объектом семьдесят четыре история получилась другая... хм...

Я курировал исследования с того самого момента, как нашу группу вызвали на место находки. Первые наблюдения, опыты, характеристики... выяснились странные, любопытные вещи, первый отчет руководству... перевозка объекта в секретный лабораторный комплекс под Припятью, новые эксперименты. Результаты... ну, впрочем, по порядку.

Объект номер семьдесят четыре, или просто Монолит, как мы его неофициально называли, оказался крепким орешком. И, если быть честным, он им и остался... что мы только с ним ни делали — пытались и резать, и просвечивать, нагревать, охлаждать... толку ноль. До тех пор, пока я не приказал попробовать просветить Монолит промышленной рентгеновской установкой. Излучение было поглощено без остатка, но объект, если можно так сказать, впервые прореагировал на внешнее воздействие — несколько часов он излучал слабый синеватый свет, после чего из космически-черного стал просто черным, блестящим, как свежий скол антрацита. Образец вещества взять было по-прежнему невозможно, результат слепого опыта тоже ничего нам не объяснил... но с тех пор в лаборатории начали происходить странные вещи. Коллеги стали жаловаться на сонливость, апатию, головную боль. Стоило подойти к Монолиту, как начинала кружиться голова, падало настроение, иногда даже человек ненадолго заболел, словно от легкой простуды — краснели глаза, повышалась температура, закладывало нос. Почему это происходит, было неясно — объект не выделял никаких токсинов, воздействие не регистрировалось приборами, — но человеку, определенно, становилось заметно хуже вблизи Монолита. Дальше — больше. Один из молодых, да ранних, мой ассистент Казимиров, снимая показания приборов, обратил внимание, что издохла одна из крыс, клетки с которыми поместили рядом с объектом. Когда он вынимал из клетки мертвого зверька, его соседка, недолго думая, тяпнула моего ассистента за палец. Хм... Казимиров потом рассказывал, что в сердцах пожелал наглой крысе сдохнуть на месте. Что та незамедлительно и сделала. Опыт повторили... эффект был не столь выраженным, как в первый раз, однако Казимиров усилием мысли подавлял рост бактериальных колоний, влиял на развитие проростков пшеницы, управлял поведением подопытных животных. Старший научный сотрудник Никольский обнаружил у себя способность телекинеза, а лаборант Арбатов смог передавать мысли на расстоянии, мало того, даже управлять человеком, прочие сотрудники не проявили никаких особенных талантов. Версия, что Монолит пробуждает скрытые возможности человека, рассматривалась недолго — на некотором удалении от кристалла все открывшиеся способности сходили на нет. После отправки отчетов был получен приказ сохранить за мной

место руководителя и частично сменить состав: Казимиров, Арбатов и Никольский остались, а из Москвы прислали еще шесть ученых. Был введен новый уровень секретности, лаборатория переведена в подземный комплекс, группа переименована в «О-сознание», после чего работа продолжилась. Монолит продолжал оставаться для нас загадкой, однако мы уже умели с ним взаимодействовать, вслепую разыскивая новые рычаги... знаете, как подопытные макаки: нажатие желтой клавиши — и в лоток падает банан, красной — обезьяну бьет током. Макак не понимает, да и не в состоянии понять, как именно работает механизм, но тем не менее он быстро узнает, что будет после нажатия той или иной клавиши... мне стыдно признаться, друзья, но мы и были теми самыми подопытными зверьками, ощупью искавшими новые клавиши. И мы их, к сожалению, находили, пусть и путем слепых проб и ошибок. Оказалось, что Монолит жадно поглощает электрическую энергию, и после подпитки эксперименты вблизи него становятся более результативными — естественно, мы подвели к кристаллу силовые кабели. Что способности человека к телекинезу или внушению возрастают во много раз, если ученого-оператора погрузить в гель специальной капсулы, где влияние внешних раздражителей сводилось бы к минимуму. Что если от капсулы подвести к Монолиту кабель, по которому бы передавались биотоки головного мозга, то часто возникала и обратная связь — оператор погружался в состояние, похожее на кому, причем сам он мог в это время видеть, слышать и воздействовать на объекты с особой эффективностью. Операторы утверждали, что во сне они проходили сквозь стены, могли передвигать предметы, читать текст закрытых книг — многочисленные опыты подтверждали, что ощущения объективны. Эксперименты на животных, а потом, конечно, и на людях... результаты шокировали. От легкого внушения до полного уничтожения личности мишени... да, заключенных, которых привозили буквально пачками, иначе и не называли. Оператор мог воздействовать на мишень на любом расстоянии, умел находить ее среди миллионов людей просто по мысленному образу, фотографии, личной вещи. Наша группа фактически стала секретным оружием... да, мы не заблуждались относительно того, в какой области будут применены пусть скупые пока, но смертоносные знания. Это было понятно тогда уже, когда в Москву был отправлен первый отчет о смерти подопытного животного.

— И вы все равно продолжали работу, — я не спросил, а утвердительно кивнул. Прохоров не стал спорить.

— Конечно же мы продолжали работу. В любом случае за нас ее сделал бы кто-нибудь еще, если б мы вдруг отказались, мотивируя неэтичностью, жестокостью экспериментов и прочей чепухой. Уничтожить Монолит я не мог — даже бризантная взрывчатка не оставляла на нем следов, не говоря уже о том, чтобы повредить, атомной бомбы под рукой не оказалось, причем не факт, уважаемые, далеко не факт, что ядерный взрыв мог бы уничтожить эту странную штуковину. Да... должно быть, вы подумаете, что я уцепился за эту работу по причине научного любопытства или шанса обрести власть? И отчасти будете правы... конечно же это была удивительная возможность продвинуться в познании, так бестолково, бездарно загубленная. Ну и власть, конечно. Не потому, что к ней стремился — поверьте, это последнее, чего бы я хотел в своей жизни. Я просто не имел права бросить проект, не зная, кто придет мне на смену, и соответственно даже не предполагая, что сотворит с такой силой мой заместитель.

Координатор потянулся к пачке папирос, вытащил одну, помял мундштук.

— Я в общем-то и начал курить в то время... снова, после многолетнего перерыва, хотя, по идее, как никто другой должен был следить за своим здоровьем. Но без допинга, скажем так, работать уже не получалось. Вам приходилось... убивать человека усилием мысли? Да-да, вы лежите в капсуле, весь в проводах, присосках, вокруг вас теплый гель, темнота, абсолютная тишина... а потом — словно вспышка. Белый свет, и вот уже можно увидеть лабораторный бокс, в нем люди. Когда один, когда несколько... а ты можешь читать его мысли, незримо находясь рядом. Можешь приказать ему попрыгать на одной ноге, уснуть, разбить голову о стену. Или же усилием воли сжечь ему мозг, превратив человека в слюнявый овощ, остановить его сердце, заставить ослепнуть, оглохнуть, умереть от тоски.

Зёков привозили в специальных автобусах, каждую неделю десятки людей... и в маленьких белых боксах одни из них, когда-то лютые звери, убийцы, превращались в послушных ягнят. Других можно было заставить забыть свое прошлое — я думаю, ты, Лунь, хорошо представляешь себе, что это такое. Третьих я мог превратить в преданных рабов-фанатиков, внушив через Монолит слепое поклонение хотя бы даже телеграфному столбу. Да, мы, десять ученых-операторов, научились пользоваться некоторыми возможностями Монолита, хотя и не понимали, как они, эти возможности, работают. Нас берегли... по каким-то причинам новые люди, погруженные в капсулу оператора, очень долго и трудно осваивали контакт с Монолитом, на приобретение навыков требовалось долгое время. А правительство, взявшее исследования под свой личный контроль, торопилось. Я думаю, вы уже поняли, для чего готовили нашу группу. Так что, когда поступил приказ взять под контроль правительства крупных капиталистических стран, для того чтобы ускорить наступление мирового коммунизма, я уже знал, что делать. Приказ был, понятное дело, выполнен, но не совсем так, как того хотелось вождям. Это оказалось намного проще, чем мы думали... конечно же нас контролировали. Тщательно, по несколько раз на дню, сканировали на благонадежность, преданность народу и партии, пытались вывести в отчеты и анализы каждую мысль, даже самую потаенную. Использовались такие препараты, под которыми просто невозможно лгать и которые зачастую на много недель отравляли организм, от них тошнило даже во сне. Но проверяющие не учли одну особенность... что наша группа, «Осознание», давно и прочно подчинила их самих. Поэтому, когда ментальной атаке подверглись лидеры потенциально опасных стран, наше собственное правительство даже не почувствовало, что и в их собственных головах изменились некоторые приоритеты. Посему, друзья мои, не случилось Третьей мировой, которая, без сомнения, была бы ядерной. Опасные и вредные идеи вычищены из мозгов руководителей. Вместо так называемого духовного развития, высокой идеологии, принципов самоотверженности, героизма в общество влиты пусть тупые и простенькие, но очень живучие и на данный момент самые безопасные идейки потребления, космополитизма, личного комфорта, всего того, что с наименьшей вероятностью приведет к уничтожению человечества в последней войне. Общество потребления, к сожалению, оказалось единственно верным решением из всех возможных, к тому же достаточно живучим для того, чтобы не контролировать его постоянно. Наш замысел, как мы думали, удался... хуже того, я тогда всерьез считал, что Монолит всего лишь тысячекратно усиливает некоторые скрытые возможности человека. Все оказалось намного сложнее.

— Простите, профессор, но как-то это все выглядит... плохо. Неправильно. — Хип блеснула глазами, у стажера в нитку сжались губы. — Вы хоть представляете, во что превратилось это ваше... верное решение? Сколько людей существует ни для чего, просто пропивая свою собственную жизнь и отравляя ее другим, избивают домашних, садясь на иглу от беспросвета, тупея в этом вашем обществе до состояния скота? Неужели вы не понимали, что этого нельзя было делать? Это аморально. Отвратительно... нужно быть уродом, чтобы сотворить с нами такое.

Прохоров вздохнул, зажег папиросу и долго курил, молча глядя в одну точку, словно забыв о нашем присутствии. Но когда окурочек отправился в большую стеклянную пепельницу, Координатор откашлялся и продолжил:

— Неужели ты думаешь, девочка, что все те штуки, о которых ты мне рассказала, не случились бы в так называемом идейном, духовном обществе? Нет... вовсе нет. Личная грязь человека никогда не зависела от идеологии, мало того, эту самую грязь легко подогнать под любую идею. Другой вопрос, чем грозит обществу наркотик идеи, приготовленный грамотным, хитрым и харизматичным вождем. А самое страшное в том, что вождь, руководствующийся идеей, а не личной выгодой, намного сильнее и страшнее любого ловкача, дорвавшегося к власти. Ловкачу не нужны десятки миллионов смертей — ему нужно только личное благополучие. А вождь, не моргнув, ради своих идеалов способен спалить человечество в ядерной войне. Мы даже не занимались изобретением какой-нибудь утопии — просто забрали у человечества почти всех вождей, и общество, которое мы

пытались создать, возникло само. А по поводу морали, добра, справедливости... эти забавные штуки придумали люди, которые на самом деле стоят у власти. Это, если угодно, инструменты управления человеческими массами, не более... потому что существуют всего две действительно важные вещи, две настоящие добродетели — необходимость и целесообразность. Наша группа руководствовалась только ими. Мы просто не имели права поступать иначе.

Прохоров покачал головой, отвернулся к окну, какое-то время молчал, беззвучно шевеля губами, и я видел, как под его закрытыми веками быстро двигаются глазные яблоки. Короткий ступор продолжался недолго — Координатор словно очнулся, кивнул и вытащил из пачки очередную «беломорину».

— Я слишком много времени проводил в контакте с Монолитом. Наверное, больше, чем кто-либо другой. Потому я первый почувствовал... да-да, не узнал, как положено нормальному ученому, а именно почувствовал интуитивно, что объект семьдесят четыре не просто слепо выполняет наши мысленные приказы. Он жадно поглощал информацию, считывая ее отовсюду, откуда только можно. Конечно, человеческий разум, в котором хранится колоссальный объем данных, был, наверное, самым предпочтительным источником. И Монолит привлекал людей, распространял странный, если можно так сказать, призыв. А у жителей близлежащих сел, городков начинались необъяснимые припадки, случаи истерий, неврозов, тоски. При этом, и я хорошо это чувствовал, Монолит набирал силу. Потом впервые случилось это...

В одной из лабораторий, непосредственно примыкавших к центральному отсеку с объектом, произошел несчастный случай... да, исследования продолжались, я по-прежнему координировал работу научных групп, но на этот раз уже, хм, не по правительственному заданию. В общем, сорвалась центрифуга, и под удар попала лаборантка, невеста одного из наших ученых. Попала очень неудачно — девушка скончалась на месте. Бедняга убивался страшно... и Арбатов, добрая душа, решил во время очередного сеанса немного подкорректировать муки несостоявшегося мужа. Результат... результат был совершенно неожиданным. Монолит соединился не с оператором, а непосредственно с тем молодым ученым. Лабораторию тряхнуло так, что на двух уровнях со стен слетел кафель и рухнули перекрытия шестнадцатого отсека, благо там в это время не оказалось людей. Больше всего досталось той злосчастной лаборатории... остатки центрифуги бесследно исчезли, между полом и потолком несколько минут били самые натуральные молнии, спалившие к чертям всю проводку и приборы, а под конец представления в том углу, где был стол, образовалась область, в которой сила тяжести превышала нормальную более чем в три раза. Лабораторный отсек опечатали. Никто из нас не понимал, почему это произошло. А я должен был понять... обязан был. Ведь погибшая просто пришла домой, живая, здоровая, в том самом лабораторном халате, в котором погибла, и притом она даже не помнила момент смерти. Монолит, похоже, разорвал причинно-следственные связи, отменив слово «невозможно». И такое вторжение не прошло бесследно... думаю мне, объект семьдесят четыре вмешался в саму ткань бытия, перекроив ее согласно сильному человеческому желанию. Помните, я говорил вам о лабораторных макаках, вслепую тыкающих клавиши механизма, выдающего бананы или удары тока? Так вот, друзья мои, этот механизм оказался машиной чрезвычайно, непостижимо громадной мощности и сложности, чего мы, лабораторные макаки, не понимали, наугад тыкая кнопки в поисках новых бананов. И точно так же, наугад, случайно могли нажать и на такой рычаг, который без труда распылил на элементарные частицы не только любопытных обезьян, но и весь обезьянник в придачу. И прежде чем мы поняли, что же на самом деле натворили, Монолит успел выполнить множество желаний даже случайных людей, оказавшихся поблизости от объекта. Страничка книги, грань нашей реальности начала изнашиваться вблизи Монолита — он рвал и перекраивал законы Вселенной в угоду тех людских желаний, которые можно назвать заветными. И наверное, человечество до сих пор существует потому лишь, что желания отдельных его представителей, к счастью, не были глобальными, хотя даже их хватило, чтоб исковеркать кусочек того мира, который вы называете Зоной.

— Но Доктор полагал, что Зона — иммунная реакция планеты на заражение, мне приходилось читать его записи... — Я вспомнил вырезки из дневников, переданные мне Болотником перед смертью.

— Версия Доктора, как мне кажется, не противоречит моей... впрочем, мы до сих пор спорим об этом. Я ведь не сказал, что мои выводы точны, верно? Теория без достаточного количества доказательств обречена оставаться неполноценной... но других версий у меня просто нет. Пока нет. — Прохоров поправил очки, блеснули его странные, неживые глаза. — Впрочем, Док заказал у Монолита именно знания. Мне жаль, что такой блестящий ученый до момента перехода проработал в бестолковых проектах. Я бы хотел включить его в команду, и, возможно, с его участием «О-сознание» не допустило бы возникновения Зоны.

— Почему бы вам... не пожелать, чтоб Зона исчезла? — тихо спросила Хип.

— Да. Можно было. Зона исчезла бы, конечно... но взамен нее тут же появилась другая, раз в десять больше нынешней, и это в лучшем случае. Любое вмешательство в законы Вселенной повлечет за собой непредсказуемые последствия. В общем, наши эксперименты привели к тому, что произошла авария на ЧАЭС, так как начали возникать и распространяться аномалии, в том числе и на станции, снабжавшей нашу лабораторию энергией. Мне пришлось принять меры... и я ликвидировал своих бывших коллег. Нет, они оставались живыми — к тому времени операторы могли существовать в капсулах довольно долгое время, системы жизнеобеспечения работали почти безотказно, а на случай поломок я оставил часть технического персонала. Я оставил им навыки, знания, жизнь... но я вычистил их личности, превратив в роботов, зомби, не имеющих собственных желаний. У меня не оставалось выбора. Быть уверенным в том, что все они, мои бывшие коллеги, друзья, никогда не обратятся к Монолиту с какой-нибудь катастрофической просьбой, пусть даже и из самых лучших побуждений, я себе позволить не мог. Немного позже, в две тысячи шестом году, один из них, Арбатов, на несколько секунд вышел из-под контроля, и сразу случился первый Выброс. Представьте себе — оператор лишь на долю секунды пришел в сознание — и какие последствия... что было бы, если б из-под моего контроля вышли все операторы «О-сознания», уже не имеющие личности, но способные действовать самостоятельно? В схватке с Арбатовым я... скажем так, серьезно пострадал. После чего мне пришлось, уже в ином качестве, создать группировку «Монолит», чтобы не допустить проникновения сталкеров к объекту. Но... увы, кристалл сам нашел путь к сталкерам — Монолит был голоден, ему нужны были знания, нужна энергия, нужны контакты с новыми людьми. Я не знаю как, но он попросту переместился в Саркофаг через год после первого Выброса — вы ведь помните ту самую, Третью катастрофу две тысячи седьмого года, верно? На остатках ядерного топлива и в прямой досягаемости любого отчаянного бродяги кристалл обрел некоторую независимость от моего управления. После Третьей, лишившись большей части былых возможностей, почти потеряв рычаги управления Монолитом, я смог только поддерживать группировку в рабочем состоянии — находить из миллионов людей тех, кто легко подчиняется пси-воздействию и из кого смогли бы получиться хорошие бойцы. Сохранять каналы поставок, контролировать или уничтожать людей за Периметром, способных повредить группировке, — за пределами Зоны мои возможности все еще достаточно сильны. Но, боюсь, это ненадолго... физически, в знакомой вам реальности, я мертв уже много лет. Пристрастия человека, человеческий дом, увлечения рыбалкой, чтением и даже вредная привычка, — Координатор щелчком отправил полупустую пачку папирос на пол, — уже не помогают оставаться человеком, профессором Прохоровым. Получить управление Монолитом я теперь смогу только как Координатор, и то не факт, увы. Дом... да, этот дом, пожалуй, я оставляю вам. Хип, ты ведь загадала то место, где не будет лишних людей? Их скоро и в самом деле не будет. Кстати, учитывая особенности этой, скажем так, не совсем материальной грани, многие милые мелочи можно получить как следует пожелав — со временем научиться.

— Не совсем материальной? — переспросил я, не понимая, к чему клонит ученый.

— А вы думаете, я построил этот дом лично и хожу за папиросами в магазин? Или, может быть, простреленный комбинезон зарастает сам, без ремонта, а на теле не остается даже шрамов? Грани реальности бывают разные, Лунь.

— Не понимаю...

— Вы погибли в перестрелке с отрядом Долга. — Без тени улыбки сообщил Координатор. — Возле того самого заброшенного хутора, где ты решил спасти Пенку. В той реальности вас больше нет. В этой вы существуете благодаря желанию Доктора, и вам крупно повезло, что проводником был не человек. Пенка способна провести правильного человека по разным граням реальности... даже если он уже мертв. А она и мертвого поднимет, не сомневайтесь.

* * *

Что-то было не так...

После того как Координатор прочитал лекцию за тем самым утренним чаем, с нами произошло нечто нехорошее, чему я пока не находил объяснения, ну, или уже не хотел находить.

Прошло больше недели, как я не видел Хип. Нет, мы встречались утром и вечером, кивали, словно люди, которые познакомились во время дальней поездки в купе, и, не пытаясь заговорить, просто расходились, даже не глядя друг на друга. В душе появилась странная пустота, полная апатия — я уже не раз ловил себя на том, что часами мог лежать где-нибудь на опушке леса, закрыв глаза и просто потеряв все мысли, чувства, желания, отчего терялось даже чувство времени. Ощущение близкого покоя, которое представлялось мне почему-то совершенной пустотой, небытием, полным отсутствием меня самого, совсем не пугало. Я относился к этому пониманию спокойно, без радости или сожаления. Иногда во время бесцельных блужданий по лесу мне встречалась Хип — она обычно сидела, прислонившись спиной к стволу дерева, или лежала в траве, глядя в небо странно тусклыми, неподвижными глазами.

Я был мертв. И, что бы ни говорил Прохоров о том, что мыслить — значит существовать, и что мы благодаря Монолиту, заданию Доктора, Пенке живем, пусть и на соседней «страничке» бытия, я все равно не верил ему. Возможно, и потому, что взгляд бывшего ученого был совершенно пустым, тусклым, словно бездарно нарисованным. Как, в общем, и у меня.

Мир, в котором мы оказались, тоже не был похож на живой, настоящий. В нем все казалось слишком спокойным, тихим, даже печальным. Лес, медленно, плавно текущая река с удивительно чистой, прозрачной водой, роса на траве, широкий зеленый луг, и над всем этим — бездонная лазурь неба, на котором я никогда не видел солнца и облаков. К вечеру синева темнела почти до черноты, причем в небе всякий раз загоралась всего одна крошечная звездочка, утром на востоке, если это был, конечно, именно восток, разгоралась серебристая заря. В эти утренние часы на небосводе начинали играть сполохи белого света, широкие занавеси северного сияния, тянувшиеся в зенит, в темно-синюю бездну неба, но потом быстро светало, и я опять уходил на берег реки.

В этом мире мы были не одни... точнее, не всегда одни. Несколько раз я видел, как у опушки соседнего леса появлялись люди. Когда поодиночке, когда группами, они спокойно брели к речному берегу или исчезали в лесу. Люди были очень похожи на сталкеров — защитные комбинезоны, зачастую окровавленные, обожженные, кожаные куртки характерного бежевого цвета, помятые, в пятнах рюкзаки. Похожи на бродяг Зоны, да... только ходили они совсем не так, как сталкерам положено, а спокойно, неторопливо, не глядя под ноги, не оборачиваясь на окрик. А я непостижимым образом чувствовал, что это Монолит, что именно он вмешался, он не позволяет просто уснуть, а зовет куда-то. Мне казалось, что весь этот полумертвый, спокойный мир не существует сам по себе — всюду мне мерещился дрожащий, переливчатый блеск Камня, его лазоревый отсвет.

Еще одно утро... просто подняться с лежанки, так и не поняв, спал ли ты эту ночь, или просто пролежал с закрытыми глазами, не замечая времени. В этом мире, этой «границы» совсем не было сновидений — я просто проваливался в темноту каждый вечер и каждое утро выныривал из нее, как-то разом, без полутонов переходя к бодрствованию. Хип, обычно просыпавшаяся раньше, уже ушла — пару раз я видел, как она пробуждалась, некоторое время лежала с открытыми глазами, после чего неслышно надевала «Кольчугу» и очень тихо уходила. Мы уже давно не прикасались друг к другу, почти не разговаривали, поэтому я не задерживал ее. Похоже, что наша смерть и в самом деле разлучала нас, как об этом говорилось в каких-то полузабытых, далеких не то сказках, не то клятвах... нам просто не хотелось ни о чем говорить.

Я еще помнил Зону. Помнил наши совместные ходки. Координатор настойчиво повторял, что нужно не только помнить, но и обязательно восстановить все привычки, личные обычаи, увлечения. Он звал с собой на рыбалку, подсовывал книги, для Хип откуда-то добыл несколько платьев, но... мне все это казалось обычной постановкой, эрзацем жизни, а Хип даже не прикоснулась к оставленным на кушетке нарядам, хотя, я точно это помню, всегда была равнодушна к красивым вещам. Мое требование — узнать, как именно все произошло тогда у заброшенного хутора, — Координатор упорно не желал выполнить. Стажер... теперь уже бывший стажер тоже спрашивала об этом, но Прохоров или отмалчивался, или отводил взгляд.

Как ни странно, в том, что искусственные воспоминания были нам навешены сразу после смерти, я даже не усомнился. Слишком уж невероятно было выжить двум сталкерам в схватке с боевой четверкой «Долга», ведомой опытным командиром. Шансы рядовых бродяг, не боевиков даже, а искателей-одиночек, против такой группы были мизерны. О чем я думал тогда, пытаюсь прикрыть отход Хип и Пенки? Рассчитывал на удачу? Глупо... одна «сайга» против четырех автоматов считай что пшик, тем более «долганы» воевать умеют, факт, через одного в прошлом опытные вояки, в каких только точках не побывавшие. Да и «Монолит» со «Свободой» недалеко, не дадут растерять опыт — бои местного значения почти не утихают, редко на Армейских без канонады обходится, отчего одиночки — редкие гости в тех местах. Ну, и на что ты рассчитывал, Лунь? Что один удержишь четырех «долговцев»? Что, героически погибнув в первые же пять минут боя, позволишь уйти Хип и Пенке? Что покойный ныне долговец Бер отпустил бы девчонку из «Свободы» и мутанта? Как говорит Лихо — «щца, и ззз, пока не надоест». Да и неужели ты всерьез думал, что Хип, услышав выстрелы, действительно уйдет?

Я мог поручиться, что начало перестрелки было настоящим... да, факт, помню и желваки на скулах Бера, и короткий приказ «вали его», грохот автоматов... помню. И как полетела клубами штукатурка, вынесло пулями гнилые рамы и с подоконников полетела щепка — тоже... как стрелял сам, не высовываясь, наугад, как что-то горячо клюнуло руку — да, было, точно было...

Крик Хип — «За Че! Свободу не остановить!» — звонко и яростно... почти весело. И выстрелы — ее «сайга», и опять автоматы... опять... частой, трескучей скороговоркой уже по ней, Хип, и я, больше не скрываясь, поднимаюсь в оконный проем, почти в упор расстреливаю одного из «долговцев»... а дальше... дальше...

Дальше воспоминания другие. Странные. Не мои. Между образами того, что, казалось бы, я помнил сам, того, что было на самом деле, медленно и неохотно вылезают обрывки совсем других образов... багровых, страшных. Как в грудь, живот, плечи туго ударили раскаленные шипы, вытолкнув из легких весь воздух, и вдохнуть больше не получалось, потому что кошмарно больно в груди и боку, все горит, а свет уходит в глубокий черный тоннель. И не просто больно, но и еще очень по-звериному страшно оттого, что в горле клокочет густая соленая жидкость, от которой невозможно дышать... истощенный крик Хип... да, я вспомнил, как она кричала. Помню последние гулкие выстрелы «сайги», треск автомата, тихий стон... и глаза уже не видят, но чувствую, что Хип рядом, вот она зачем-то падает на меня, прижимает к полу, вздрагивая от выстрелов, ее громкий крик «Лунь» становится длинным стоном и шепотом. И голос Пенки: «Бояться теперь не надо. Иди. Я

веду. Должны дойти. Идем». «Лунь ушел первым. Хип ранена. Ушла сама, за ним. Не нужно было. Теперь трудно вести двух. Трудно. Надо забывать. Ты забывай».

И словно калейдоскоп... лесничество, полоса Красного леса... путь по аномальным полям... Припять... «монолитовцы»... Саркофаг... теперь эти воспоминания казались мне все эфемернее, обманчивей, словно память о когда-то просмотренном фильме и даже детской сказке, намертво засевшей в воображении. А на самом деле я погиб... и раненая Хип сама ушла за мной. И эта дикая боль не только в руке, но и боку, отчего невозможно было спать... странно бледная Хип с землистым лицом и, да, точно, глубоко ввалившимися глазами. И еще у нее были сухие, потрескавшиеся губы... и что-то не так с ее голосом... и кроме раны на плече, вспомни, Лунь, как панцирем застыла на груди «Кольчуга», пропитанная засохшей бурой коркой. И — «бояться теперь не надо... Иди...» Пенка. Да, она могла поднять мертвых, ты же помнишь, как с утробным хрипом бродили за ней мародеры с сожженным мозгом. Зомби... ходячие мертвецы Зоны, многие из которых даже не знают, что умерли. Почему я это вспоминаю только сейчас? Что же я натворил... дурак... ну хоть Пенка живой осталась и провела нас, уже мертвых, по каким-то «граням», будь они неладны. Видно, очень нужно было доставить сообщение Доктора этому синему кристаллу. Знал бы я, что все так обернется, никогда б не согласился на задание Болотника. Говорил ты, Док, что, мол, дойдете до Монолита, обязательно выживете. Дошли. Не выжили. Жизнью такое существование назвать было невозможно.

Смерть в перестрелке стала для меня теперь смертью в рассрочку. С каждым днем в этом безмятежном, тихом, но при этом неуловимо искусственном мире я терял Хип. Она все больше отдалялась от меня, и, что самое странное, даже обидное, я и сам чувствовал, как мой бывший стажер, девчонка, без которой я уже не мыслил себя, становится совсем чужой, даже малознакомой. Координатор, разговоры с которым становились все более редкими, пытался нас оживить... хм, я даже как-то нашел силы сыронизировать по этому поводу. Бывший ученый при этом почему-то выглядел виноватым, прятал взгляд. Помнится, он немного удивился тому, что мы так «спокойно» отреагировали на его исповедь. Хип, боготворившая Доктора, всерьез расстроилась и молчала весь вечер, когда узнала, что мы просто удачно подвернулись под руку, что только наша пара смогла бы выполнить задание — Монолит не смог бы исполнить чужое желание в том случае, если у человека имелось бы свое собственное. Что Лунь, по словам Координатора, был идеальной кандидатурой — навсегда выжженная память о жизни до Зоны, какие-то личностные особенности. И, что самое главное, Доктор понял, что этот седой в свои тридцать с небольшим, едва не забитый Зоной насмерть сталкер, в сущности, счастливый человек. А у счастливых по-настоящему людей обычно нет заветных желаний. Они им ни к чему. Счастливый... может быть, и был я таким. Сейчас уже не помню, что такое счастье... наверное, что-то теплое, ласковое в груди, на том месте, где сейчас безразличная пустота и слабый намек на боль, когда Хип, равнодушно скользнув взглядом, просто уходит на берег реки, чтобы вернуться только под вечер. Координатор почти прекратил с нами общение, когда понял, что его бесполезно искать — он теперь сутками сидел с закрытыми глазами, отдавая неслышным шепотом приказы, рекомендации, непостижимым образом управляя своей группировкой. Впрочем, когда он отвлекался, я часто видел в его мертвом взгляде вполне человеческое чувство — вину. Потом он качал головой и снова уходил в себя — Прохоров все чаще становился Координатором. И еще курить он стал намного больше — в доме постоянно висели пласты сизого вонючего дыма. Вскоре я перестал даже заходить в выделенные для нас комнаты, оставаясь на ночь в лесу — густая, темно-синяя ночь этого мира успокаивала, дарила мир, в тишине леса ни о чем не думалось, а утром провожал взглядом молчаливые фигуры, исчезающие в мерцающем тумане реки. Сталкеры, вроде даже «долговцы», видел и компанию, наверное, бандитов. Один раз мимо прошла большая группа ученых в оранжевых комбезах, сопровождаемых солдатами. Невысокая, пожилая женщина в научном комбинезоне с красным пятном на груди с улыбкой оглянулась на меня, кивнув, словно старому знакомому, остальные спокойно прошли к реке, даже не подняв глаз. «В Зоне давно уже никто просто так не умирает, Лунь, — сказал Координатор, когда я в первый раз сказал ему о странных

людях. — И я не знаю, почему все они проходят через эту грань мира. Я ученый и в существование душ не верю... но то, что Монолит тянет к себе информацию, так это факт. Возможно, мы просто видим миражи... галлюцинации. Они нематериальны здесь, я проверял. Единственно, и я в этом почти не сомневаюсь, что мы имеем дело с фокусами Монолита. Ему зачем-то нужны все эти образы». И пока Прохоров говорил мне это, мертвый его взгляд снова ненадолго становился живым, хотя и бесконечно усталым, напуганным даже, горьким. Я буквально чувствовал, как жадно ищет общения с нами этот... человек. Когда Хип однажды спросила его, чего он хочет от нас, Координатор дал странный ответ — «жизни». Словно мы были в состоянии дать ему эту самую жизнь.

Единственно, эта «грань» была, как это ни странно, в чем-то и полезной... она позволяла думать и вспоминать. Нет, то мое прошлое, которое навсегда уничтожил Выброс, ко мне так и не вернулось. Зато ушла боль и горечь... я легко и уже без сожаления вспоминал лица погибших друзей и врагов. Спокойно, без уколов совести, перебирал свои прошлые поступки, без радости и улыбки вспоминал то, что можно назвать светлым, хорошим. И от того, что я постепенно переставал радоваться, грустить, переживать, мысли стали двигаться спокойно, плавно, с такой же удивительной прозрачностью и чистотой, как вода в этой странной холодной реке, к которой я неизменно приходил каждое утро. Координатор пытался запретить мне эти выходы, зачем-то говорил про Хип, про то, что так нельзя, что рано или поздно Монолит, тянущий к себе призраки убитых сталкеров, позовет и меня. Впрочем, этого я, наверно, и ждал... уйти в речной туман, просто перестав быть. Мысль эта была почему-то приятной, туман представлялся мне уютной, мягкой постелью в безопасном сталкерском лагере, какой она может быть после тяжелой, изматывающей, многодневной ходьбы в Зону. Да, мне хотелось отдохнуть... И уже не раз я видел, как Хип, стоя на песчаном берегу, долго и печально смотрит на то, как с рассветом исчезают белесые, широкие полосы тумана, как они рвутся на отдельные клочья и растворяются в воздухе. Я знал, что она тоже ждет тишины и покоя. И что неправильно вот так быть здесь, уже не чувствуя жизни и равнодушно глядя на то, как мимо нас уходит время, в котором больше нет ни Хип, ни сталкера Луны...

Я уже собирался, проигнорировав приглашение к завтраку, снова уйти к реке, но Прохоров остановил меня у дверей. Что-то в его голосе было такое, что я решил подождать и выслушать — в конечном итоге, я уже давно никуда не спешил.

— Лунь, постой... я должен кое-что рассказать тебе. — Координатор вздохнул. — Я... я сделал не самый честный поступок, видишь ли. Хм... хотя я до сих пор не знаю, что такое Монолит, но я научился с ним взаимодействовать. Доктор говорил мне о вас и перед своим уходом просил... помочь в том случае, если вы доберетесь до Саркофага. Монолит исполнил волю Хип и отправил вас на одну из граней мира, именно вашу, настоящую... но я вмешался и перенес вас сюда. Я думал, что ни ты, ни девчонка не обнаружат подмены, но я ошибался — ты, наверно, давно уже понял, что этот мир, в котором я живу, ненастоящий. Что это всего лишь образы из моей памяти. Дом, лес, река из моего детства, небо, на котором не бывает солнца — хм... да, много ли мы за всю свою жизнь смотрим на солнце, не рискуя ослепнуть? Стоит ли удивляться, что в памяти остается только ослепительный диск, от которого режет глаза... Объект семьдесят четыре, видимо, решил, что в иллюзорном мире, созданном для меня, не место раздражающим, болезненным вещам. Моя смерть совсем не входила в его планы, и он решил сохранить меня в виде некоторого объема информации в информационном же, маленьком, комфортном мирке, который, честно говоря, сложно назвать и моей личной Зоной, и даже гранью мира. Единственное, что он не предусмотрел — мое дикое, кошмарное, бесконечное одиночество здесь, на берегу ненастоящей реки, в ненастоящем доме, собранном из моих воспоминаний. Поэтому я даже не раздумывал, грубо выдергивая вас из настоящего, вашего мира в свой крошечный, иллюзорный мирок... и никогда не думал, что это некрасиво, нехорошо.

По лицу Координатора пробежала странная рябь, от которой смазались черты лица. Прохоров до христа сжал кулаки, выдохнул сквозь сжатые зубы, и рябь исчезла.

— Да... мне все труднее оставаться человеком. Я вмешивался в жизнь вашего мира, фактически управляя судьбами миллионов людей. Я без сожаления отправлял на смерть сотни своих бойцов и вербовал новых, зная, что их наверняка постигнет та же участь. Мало того, я уничтожал у этих людей волю, подчиняя их разум до такой степени, что они умирали с радостью, считая смерть за Монолит величайшим счастьем. Мы отобрали у общества высокие цели, идеалы, чтобы сохранить человечество, мы заразили его деградацией, отупением, чтобы взамен утраченных механизмов естественного отбора или, того хуже, тотальной войны за ресурсы возникла высокая смертность от вредных привычек, новых специфических болезней, преступности. Из двух зол мы выбрали меньшее... но это вовсе не значит, что меньшее зло является малым и безобидным. Поначалу мне было страшно оттого, что наша группа вынужденно взвалила на себя такую ответственность, но, с другой стороны, мы не имели права пускать все на самотек. Человечеству нужно выжить... любой ценой, и вскоре я перестал думать о том, сколько тысяч и миллионов человеческих жизней уносило то или иное наше решение, направленное на то, чтобы сохранить миллиарды. И я даже не раздумывал, считая, что еще две простых человеческих судьбы ничего не решат на чаше весов моей совести. В конце концов, я заслужил такую малость, как нормальное человеческое общение. Доктор говорил, что вы — особенные, настоящие, живые. А ведь именно жизни мне так не хватало здесь. Я вмешался в решение Монолита относительно желания Хип. Теперь мне стыдно за это.

Координатор положил на стол небольшую прозрачную пластинку из, как мне показалось, синеватого витринного стекла. Блеск его, впрочем, был совсем не стеклянным, а каким-то влажным, маслянистым, переходящим в радужные переливы на сколах. Присмотревшись, я увидел, что сколы по краям пластинки, скорее, напоминают грани кристалла.

— Это единственная настоящая вещь здесь, в искусственном мире, Лунь. Мы много лет потратили на то, чтобы взять хоть крошку того вещества, из которого состоит объект номер семьдесят четыре. А он взял и сам отщепил от себя вот этот осколок... после чего дал мне понять, что это его дар вам. Только вам. Для чего, зачем, что он должен сделать — этого я не знаю. Могу только сказать: сохрани его обязательно. Ты поймешь, когда он вам пригодится.

— Наверно, когда сбудется предсказание Дока? — Я пожал плечами. Разговор уже начал меня утомлять, мне хотелось уйти на песчаный берег и думать там свои тихие спокойные мысли, перебирать воспоминания.

— Тот самый конец света? Это всего лишь его предположение, Лунь. Конец нашей цивилизации, может быть, и случился, если бы вы не донесли просьбу Доктора. Теперь же это очень сомнительно. Скорее всего даже невероятно. Верная программа запущена, Доктор знал, что и как нужно пожелать.

Координатор закрыл глаза и едва заметно улыбнулся.

— Он уже на подходе... человек, больше всего на свете желающий вытащить вас отсюда обратно в жизнь, в Зону. И ведет его тот же проводник, что и вас, а это значит, что к Монолиту он дойдет даже мертвым. Всегда находились люди, способные преодолеть все ужасы Зоны и заставы моих бойцов. И даже мы, меняющие мир, не в силах были остановить таких людей... они прорывались к Монолиту, он выполнял их желание. Этот сталкер из их числа. Его желание сильно, и Камень исполнит его так, как надо. И последнее, Лунь. Когда вы вернетесь, дайте знать другим, чтоб не стреляли в моих бойцов. Они будут выходить к вам небольшими отрядами, и вряд ли кто из них сможет вспомнить свое прошлое. Пусть все знают, что не они убивали сталкеров на подходах к ЧАЭС, не они атаковали «Свободу» и «Долг», не пропуская их отряды в Припять, — все это делал я. Большинство из них — неплохие люди, поэтому... не стреляйте, когда они будут просить у вас помощи. Теперь бери подарок и уходи.

— Прощай, — я кивнул, поднимая неожиданно массивную пластинку, которая от моего прикосновения тут же налилась голубоватым сиянием. Ушел я, не оборачиваясь, — находиться в доме Прохорова было уже неприятно. Казалось, воздух в комнатах почернел и

стал затхлым, а фигура бывшего ученого приобрела серый, пыльный оттенок и как-то разом иссохла, став похожей на вешалку для пальто.

Мир, привычно-спокойный, прохладный, тихий, едва заметно изменился. На небе уже не было той бездонной чистой синевы — тонкая серая пелена с отдельными пятнами размытых облаков становилась все более плотной, тяжелой. Сильный порыв ветра зашумел в кронах сосен, гладь реки подернулась рябью, на отдельных волнах появились барашки. Хип, сидевшая у входа на террасу, поднялась, посмотрела на меня равнодушным взглядом, зябко повела плечами и отвернулась.

— Что сегодня такое? — бесцветным, медленным голосом спросила она, ни к кому конкретно не обращаясь. — Может, будет дождь? Я давно хотела дождя... с грозой.

— Наверно, дождь будет. На небе видны облака, — сказал я, и Хип вздрогнула, услышав звук моего голоса.

«Тум-м-м-м» — медленный, мягкий удар начинающегося Выброса навалился со всех сторон, заставив мелко задребезжать стекла в оконных рамах. Словно разбуженный этим ударом, резко взвыл ветер, вихрями поднявший с луга мелкий травяной мусор, гулко хлопнула дверь дома, закрипели шиферные листы на крыше. Откуда-то, видимо, с другой стороны дома, с жалобным звоном выпало окно.

— Выброс... — Я едва расслышал в шуме ветра голос Хип. — В доме есть подвал... Идем?

— Нет. Не нужно.

Вниз, к реке... Выброс? Не думаю, что у меня есть желание прятаться. Возможно, так и надо. Просто пора что-то менять. Во всяком случае, я был уверен в том, что нам Выброс в этом искусственном мире не грозил.

Хип раздумывала недолго. Посмотрев в окна дома, из которых буквально сочилась чернильная тьма, она сошла со ступенек и, задев ладонью кусты дерена, посаженные вдоль дорожки, начала медленно идти к калитке. Я вдруг вспомнил, что в доме осталось наше оружие и рюкзаки, сталкерская натура пробила даже сквозь пласты апатии и равнодушия, и мне ничего не оставалось, как броситься обратно в дом.

Внутри было совсем черно... в слабом, мутном свете, пробивавшемся сквозь потускневшие, разом загрязнившиеся окна, я вслепую пробрался в кладовку, ощупью нашарил лямки рюкзаков и две «сайги» — мою и Хип. В почти полной темноте дома, под скрип половиц и слабые вспышки молний начинающейся грозы, без которой редко обходился Выброс, я на несколько секунд успел рассмотреть раскачивающуюся, тощую фигуру посреди комнаты, с которой лохмотьями слезала не то одежда, не то истекающая плоть. Дом сгнивал так же быстро, как и его бывший хозяин, — с потолка сыпались куски бумаги и крошащаяся на кубики древесина, с уханьем и треском обрушился в погреб пол, натужно трещали балки, одно за другим выпадали стекла из трухлявых рам. В лицо пахло крепкой вонью разложения и сырого картофельного подвала — я едва успел выскочить во двор, прежде чем крыша вначале просела, а потом и просто разом рухнула внутрь дома. Облако пыли, закрученное жгутом, стремительно унеслось в наливающееся свинцом небо. Оранжевая молния подожгла тучи темным, багровым пламенем, отчего тьма вокруг превратилась в сумрачный красный день.

Мир Координатора умирал на глазах. Желтела и водопадами сыпалась хвоя с сосен, почернели и свернулись в трубки листья дерена и смородины в саду, подсолнухи у калитки плавно опустили потемневшие головы к земле. Река помутнела и покрылась шапками грязной пены, то тут, то там начали всплывать рыбины, выделяясь на темной и мутной воде неожиданно яркими белыми пятнами. А небо из багрового плавно становилось красным, как во время самого мощного Выброса, и по нему непрерывно танцевали сети из желтых, оранжевых и даже зеленых молний.

Первая «жарка» полыхнула в лесу, на том берегу реки. В подлеске вздулся шар белого дыма, оглушительно лопнул от разом вскипевшего сока древесный ствол, и яркое, словно солнечное, пламя рванулось к кронам длинным режущим языком, не успевшая упасть хвоя полыхнула разом на многих деревьях. В свете пожара, уже ближе к нам, новорожденная

«карусель» вырвала несколько кустов вместе со слоем дерна, подняла вверх и с грохотом порвала в мелкую щепу и земляной прах в тусклом, радужном вихре. И началось... аномалии рождались вокруг нас буквально на глазах. Вот разом, мгновенно, легла трава на лугу, раздавленная невидимой силой, и тут же глубоко просел утрамбованный дерн — словно гигант вдавил в землю дно огромной невидимой банки — «плешь». Пыльный вихрь из разорванной в мелкий сор травы и остатков садовой скамейки, разлетевшейся по двору деревянной шрапнелью — «трамплин». В «воронку» затянуло яблоню и садовую тачку — металл и дерево с натужным хрустом сжало в плотный шар, после чего с оглушительным взрывом разметало по воздуху. Тяжело, глухо хрустнуло где-то в глубинах земли, ровные грядки пошли широкими трещинами, и из земляных провалов вверх полетели горячие, красные искры в потоках раскаленного воздуха.

Ни Выброс, ни аномалии нас не тронули. На том пятачке земли, на котором мы стояли, даже трава осталась живой — но зато ярко горел и переливался осколок Монолита в моей руке, и одновременно с этим я чувствовал, что наше время здесь заканчивается вместе с этим ненастоящим миром. А затем вокруг нас замерцали тысячи крошечных молний, образовавших прозрачную сферу, стремительно наливавшуюся ослепительным светом. Все звуки мира пропали в режущем уши громком писке... свет внезапно сменился глубокой тьмой, и перед тем, как полностью отключиться, я почувствовал, как проваливаюсь куда-то вниз, в бездну...

* * *

— Эй, ты живой? — кто-то осторожно перевернул меня на спину, настойчиво потряс за плечо. — Эй, Лунь, давай очухивайся... я не за тем в такую даль перся, чтоб ты тупо о кирпич башкой убился. Учти, на второй поход меня уже не хватит.

Я открыл глаза и увидел на фоне серого неба донельзя довольную физию Фреона. Да уж... чтоб этот вечно хмурый, замкнутый сталкер улыбнулся, я еще ни разу не видел... а сейчас он буквально светился от счастья, улыбаясь до ушей.

— Жив, жив, подлец... слышь, а ведь прокатило, а? В реале, не соврал Смотритель... братишка, не представляешь, как же я рад тебя видеть.

— Что такое... где мы? — спросил я, с трудом разлепив ссохшиеся губы. Тошнило, голова шла кругом. — Чего тут случилось?

— В Темной мы, брат... у хуторка этого поганого, ну, у которого, в общем... ну, это... я тоже, знаешь, не сразу понял. К Саркофагу пришел, и вот он, камень такой синий, и Пенка мне — иди, мол, проси... а я даже сказать ничего не успел, только подумал, передо мной такая серебристая воронка — вж-ж-жик! Побелело все вокруг, ярко так, и вот я уже здесь, а как это получилось, понятия не имею. Думаю, все, короче, не вышло у меня ничего... а тут над этим домиком расстрелянным замерцало так, искорки посыпались, и словно, — Фреон хмыкнул, порывисто вздохнул, и я вдруг заметил, как на его глазах заблестела влага, — словно пузырь мыльный. Загудел он так, полыхнул, и вы вдвоем вываливаетесь. Вначале ты, ну, и на тебя сверху Хип. На мягкое, значит. А чуть в стороне рюкзаки и ружья, тоже с вами из этого пузыря выпали. И живые вы... оба живые... черт, я думал, с ума схожу...

У Фреона явно перехватило дыхание, он резко махнул рукой и поднялся.

— Иди вон... Хип сидит, никакая совсем. Поговори, что ли. Надо же... получилось... получилось все. Сработало... эх... Фельдшер не знает... да уж. Надо бы туда дойти, ага.

Сталкер отвернулся, вытащил из кармана пластиковую фляжку, попытался открутить пробку, но дрожащие пальцы соскальзывали, и Фреон просто отломил горлышко вместе с пробкой. «За жизнь», — очень тихо прошептал он, поднося фляжку к губам.

— Дай сюда... — прохрипел я.

— Лунь, тут это, спиртяга, чутка водой разбавленная...

— Давай уже. Знаю, что не компот.

«Спиртяга» если и была разбавлена, то действительно «чутка» — спиртом высушило рот, ощутимо обожгло язык, после маленького глотка выдох крепко ударил в нос. Ух... все.

Реально. Мы живы... там, в недоделанном мире не было ничего, что могло бы причинить даже слабую боль, а уж тем более вызвать слезы из глаз. Пойло Фреона было правильным, настоящим — «коньяк» Координатора и рядом не стоял. Не насыщенно-зеленая, сочная, слишком уж душистая растительность была под ногами — серая и грязная путанка стеблей Зоны. Небо, конечно, серое, низкое, каким ему в Зоне быть и положено, не та пугающая голубая бездна без единого намека на облака... значит, все. Вернулись.

Вернулись.

Я поднялся с земли и, заново удивляясь странно живым, многообразным ощущениям в мышцах и затекших суставах, подошел к Хип.

— Держи вот. Надо.

Девушка приняла флягу, даже не поморщившись, сделала пару глотков и встала. Взгляд в мою сторону был равнодушным, спокойным, и, что самое странное, я отнесся к этому также спокойно. Ничто не шелохнулось в душе. Просто хорошие знакомые, не больше... наверно, даже не друзья. Что-то исчезло там, в глубине сердца, оставив после себя прохладную пустоту, и я немного удивлялся ей, но не переживал. Значит, все правильно.

— Вот что, стаж... Хип. Окончена твоя стажировка. Ты теперь сталкер, да... что сам я знал, тому научил. В ходках косяков не было, товарищ ты теперь грамотный, умелый. Стыдно за тебя ни перед кем не будет.

Хип кивнула.

— Да. Спасибо, сталкер. Должок за мной. — Девушка улыбнулась, пожала плечами.

— Долги все выплачены, Хип. Куда теперь?

— На Армейские склады. Я из «Свободы», Лунь. Значит, туда и вернусь, — Хип коснулась «свободовской» нашивки. — Думаю, меня там еще не забыли.

Не предполагал я, что вот так... тихо и спокойно лопнет последняя нить. Без боли и сожаления. Хип подобрала рюкзак, бросила на плечо «сайгу».

— Прости. Не могу вернуть то, что было. Просто не могу... ты ведь тоже это понимаешь.

— Понимаю, — я пожал прохладную ладошку, попытался улыбнуться, но из этого ничего не вышло. — Удачи, сталкер.

И Хип ушла. Не оборачиваясь. Той особенной, тихой сталкерской поступью, держа правую руку у шейки приклада «сайги», так, как я ее учил. И я больше не волновался, не страшился за нее. Знал, что дойдет. И еще я знал, что стажеров у меня теперь точно не будет.

— Вы что, люди?.. Вы что творите? — Фреон, с лица которого разом сошла улыбка, непонимающе смотрел то на меня, то на спину удаляющейся Хип. — Она же уходит, ядрит твою! Ты что, Лунь, офигел? Хип!

Девушка махнула рукой, и, не обернувшись, скрылась за углом полуразрушенного дома.

— Как же так, народ? Что же это? — Удивление на лице Фреона было беспредельным, сталкер выглядел растерянным, даже ошеломленным. — Что с вами такое случилось, а?

— Ты что, Фреон? — Я не понимал, почему этому вечно угрюмому, замкнутому сталкеру, который, насколько я помню, не имел друзей, да и врагов, наверно, тоже, который всегда придерживался принципа «моя хата с краю», вдруг проявил такой живой интерес к нашим персонам. Да, кстати, если верить Координатору, это ведь он к Монолиту шел, чтоб нас вернуть, оживить.

— Почему она ушла, Лунь? Вы чего такие... странные?

— Разбежались мы, — я пожал плечами. — Не судьба, друг.

— Значит, разбежались... — Фреон опустил глаза и начал чернеть лицом. — Не судьба, говоришь... ах ты ж черт...

Сталкер опустил плечи, отвернулся, и что-то бормоча под нос, пошел прочь, но через несколько шагов остановился и страшно, люто выматерился, покрыв Зону, нас, «свою дурость» и нехорошую судьбу. Затем начал буквально задыхаться.

— Фреон, ты что, друг? — Спросил я, подойдя ближе, тронул за плечо...

— Какой я тебе друг, сука? — злобно прохрипел Фреон и мощно, с разворота, въехал кулачищем мне в грудь, да так, что я с места треснулся на спину, только и успев, что охнуть от неожиданности.

— Падла... — Рыкнул сталкер, падая рядом на колени и прижимая меня левой рукой, правой начал с яростью долбить в землю рядом с моим ухом, да так, что удары чувствовались даже спиной, а костяшки кулака на глазах окровавились, покрываясь лохмотьями ссадин.

— Гады... с-суки... поверил... жизнь свою... шанс... уроды вы... гады... — с хриплым хаканьем Фреон бил в землю, и я видел, как страшно скривилось его лицо. — Они... разбежались... падлы... я ведь... так хотел... жил этим... вами жил, уроды...

Сталкер занес кулак, глядя на меня дико ненавидящим взглядом, захрипел, упал на бок и затрясся, спрятав лицо в окровавленные ладони.

Я даже не сразу понял, что Фреон рыдает — настолько страшными были эти низкие, рычащие звуки и тяжелые конвульсии. И я не понимал, почему так, что произошло с этим железным, невозмутимым человеком, ветераном Зоны. Может, перегорел сталкер, свихнулся от похода к ЧАЭС, через Припять — это испытание не каждому дано пройти. И шел он зачем-то к Монолиту, и ведь точно, всей душой хотел он нас вернуть, иначе бы и не сбылось, да что там, Фреон бы и Камня даже не увидел, не будь это его желание искренним, подлинным...

Значит, и в самом деле хотел он вернуть нас из мертвых.

Зачем?..

Фреон вдруг разом успокоился, глубоко вздохнул и сел.

— Во фляжке есть еще что? — спросил он очень тихо, и я, потирая ушибленную грудину — тяжел, однако, кулак Фреона, — подобрал маленькую пластиковую баклажку, оставленную Хип.

Сталкер высадил оставшийся спирт в несколько больших глотков, отшвырнул посудину, резко выдохнул. И я вдруг узнал Фреона таким, каким всегда его помнил — мрачный, не улыбочивый, с волчьим, тяжелым взглядом.

— Ну вот что, — буркнул он, подхватывая с земли какую-то новую, невиданную мной ранее пушку и рюкзак. — Ежели ты кому, сволочь, скажешь, что я тут перед тобой на земле катался и в голос выл — найду, сука, и на лоскуты порежу. Тебе лично говорю, а ты Хип передай, что весь мой должок перед вами выплачен. Счастливо оставаться.

Фреон плюнул мне под ноги и ушел так же, как и Хип, — быстро и не оборачиваясь.

Я остался совсем один.

* * *

Тот самый дом, у которого и произошла перестрелка, был рядом — Монолит «выкинул» нас там же, где мы и погибли. Глубокие щербины от автоматных пуль на кирпичных стенах, дыры в гнилых рамах, гильзы — все было на месте. Недолго думая, я, упершись рукой, перемахнул через подоконник... да, это место я помнил хорошо. Даже слишком. Конечно же на гнилых досках пола давно не было следов крови, зато в углу, под сгнившим трехногим столом я увидел две гильзы двенадцатого калибра — скорее всего мои... а вот на желтых, хрупких обоях множество мелких отверстий — из четырех автоматов лупили, а что такое для малокалиберной пули гнилая фанера внутренних стен? Чепуха... даже разрушений никаких не осталось, пробоины аккуратные, круглые, словно толстым шилом стену истыкали.

Меня убили здесь. Я почувствовал легкий нервный холодок у оконного проема, в котором пулями вынесло даже раму. Да, вот на этом самом месте... оттуда, наверно, прибежала Хип, пытаясь закрыть меня от выстрелов, здесь же ее и ранили... остаток «долговского» отряда, видно, тоже не ушел — Пенка пустила на них мутантов. А вот тут... тут...

В щели между половицами, в слое пыли блестела небольшая золотистая гильза. Я нагнулся, поднял ее, осмотрел... девять на девятнадцать, «парабеллум»... распространенный в Зоне калибр. Спрос на него высокий, говорят, и наши заводы давно штампуют, и, вроде, неплохо штампуют, в наших «глоках» ни одной осечки или разрыва гильзы не случилось.

И вдруг меня обожгло. Я вздрогнул, выронив золотистый цилиндрок. В наших «глоках»... и в глазах вдруг стало темно.

Хип была ранена тогда, в перестрелке. Пенка сказала, что она «ушла сама, не захотела» и «теперь вести двоих. Это трудно». Из той, черно-багровой, но настоящей памяти... один тихий хлопок, один последний выстрел...

Ушла за мной.

Конечно, это было глупо... ну, мало ли гильз рассыпано по Зоне, патроны скупаются сталкерами в огромных количествах, без стволов, оружия здесь просто не выжить. Позеленевшие, вмятые в грязь или, наоборот, совсем «свежие», в лаке, с запахом недавно сгоревшего пороха, гильзы давно стали обычной частью пейзажа. Знаю сталкеров, которые даже гаек с собой не берут — зачем, если есть горсть блестящих пистолетных гильз, которые и по весу легче, и в полете всяко заметнее, да и платить за них не надо. Мешочек ржавых гаек у некоторых барыг за три сотни рубликов уходит, причем обрывки бинта или магнитофонной пленки изволь к ним сам приматывать, а гильзы и по дороге собрать можно. Мало ли откуда появился этот самый золотистый металлический цилиндрок... девять «пара», ну или, как их ласково называют бродяги, «парочка» — калибр очень ходовой, особенно у вольных бродяг и «фрименов». С чего ты, Лунь, вообще взял, что эта гильза из «глока» Хип вылетела, когда она за тобой уйти решила? Да и вообще, какая тебе разница, эта гильза или нет? Ведь ушла... ушла. Тогда — за мной. А теперь и насовсем, похоже.

Не знаю, Фреон, зачем ты нас из небытия выдернул, и почему так этого хотел. И за что так разозлился... жаль, ушел, даже не захотел выслушать. Хип — девчонка честная, и если что умерло в душе, и сама врать не станет, и мне не позволит. Все — значит все... долгую дорогу по Зоне мы с ней прошли, но конец, видимо, есть у любого пути.

Сколько сидел я у гнилой фанерной стенки, точно не знаю, но, когда очнулся от невеселых, тягучих мыслей, за окном заметно стемнело. Искать надежное укрытие на ночь было, пожалуй, поздновато, да и хуторок этот, точно помню, не имел ни надежного сухого погреба, ни достаточно крепкого чердака — доски везде погнили, местами осыпавшись даже под собственным весом. Да уж... хоть и не отличаешься ты, Лунь, умом и сообразительностью подобно другой, пусть и фантастической, птице, сколько раз имел ты сомнительное удовольствие убеждаться в собственной дурости, однако это уже ни в какие ворота, как говорится. Хутор в несколько домов, насквозь гнилых, с обваленными стенами из раскрошившихся бревен, два погреба, в ближайшем из которых на полметра «холодца». В другом вообще какая-то непонятная дрянь цвета свежей нефти, и в ней трехлитровые банки с давно превратившимися в желто-бурую массу соленьями плавают. Странно, что не полопались за столько-то лет, даже вроде крышки почти не заржавели, единственно, вздулись немного, на некоторых даже отскочили. И банки все целые, хоть и грязные до черноты, а вот химически стойкий щуп вместе с пробиркой так бойко начал растворяться, что я едва успел от него руку отдернуть. Помню это задание «ботаников». Одно из последних оно было, когда мы с Хип на костюмы зарабатывали... мы с Хип... хм.

Окончательно отогнав от себя посторонние мысли, я осмотрелся. Неудачно «выбрано» место, слов нет... да, из всего хуторка единственный кирпичный домик, более-менее сохранившийся, даже крыша еще не провалилась, однако окна широкие, на все четыре стороны света, и, в какую комнату не зайди, отовсюду открыт хоть для выстрела, хоть для броска. Огонь не разведешь — ночи в Темной долине непроглядные, что уж говорить, если здесь даже днем сумерки. В окошко дома светить будет на километры, а в Зоне огонек, может, и отгонит слабое зверье, но вот сильных тварей даже издали привлечет. Нельзя ночью с костром, если ты один. Единственный выход — затаиться где-нибудь в крепком углу, чтоб, если что, была прикрыта спина. И сидеть всю ночь тише воды и ниже травы, положив на колени дробовик, рядом, к бедру, фонарь, чтобы разом включить его при

малейшем подозрительном шорохе, а то и просто бить на слух, не теряя время на то, чтоб ослепить тварь внезапным, мощным лучом света. Не факт ведь, что ослепишь — тут хватает уродцев, уродов и уродищ, у которых даже и зрения-то нет.

Поэтому во всех оконных проемах я растянул тонкую, прочную нить, моток которой всегда носил с собой, соединив ее с крошечными проволочными чеками «спичек» — небольших пиротехнических шуток, по форме и размеру мало отличающихся от своих деревянных тезок. «Спичка» присобачивалась к любой подходящей поверхности кусочком изоленты или просто втыкалась в трещину на стене, утром так же просто снималась и укладывалась в коробку. Усилие на выдергивание проволочного колечка было незначительным, и стоило только потревожить нитку, как крошечная «сигналка» с громким жужжанием превращалась в кисть яркого желтого огня. Горела она всего четыре-пять секунд, однако и этого времени хватало, чтобы понять, кто заявился «на огонек», и, ежели гость был незваным, встретить его картечью из «сайги». Появились «спички» относительно недавно, популярности у военных не получили, однако сталкеры скупали их очень охотно. Растяжка с гранатой в качестве страховки была куда проблематичнее — и вес лишний таскать приходится, и польза сомнительная, осколки, бывало, куда угодно летели, но только не в мутанта, на растяжку напоровшегося. Да и сами сталкеры, бывало, подрывались даже на своих «секретах» — народ в Зону всякий прет, и некоторые так вообще без понятия, что такое есть граната и как с ней грамотно обращаться. Новички редко из Зоны возвращались, ветераны «карманную артиллерию» не особенно жаловали, драки между группировками и массовые зачистки бандитов случались далеко не каждый день. Потому и валялись у торгашей ящики с гранатами, бывало что и годами — товар этот в Зоне был почти не востребован, редко какой одиночка таскал с собой парочку эргэдэшек или тяжелую, рубчатую эфку, от которой здесь, пожалуй, самому опасности больше, чем супостатам. Нет, ну их, эти растяжки... и грохоту много, и пыли, и самому осколками недолго получить, ежели вот в таком доме прячешься, или схрон метр на метр. То ли дело — «спички»...

На оборудование сигнализации ушло двадцать минут и дюжина «спичек», после чего я забрался на растрескавшуюся, в пятнах старой копоти «русскую печь», устроившись так, чтоб иметь возможно более широкий обзор. Спать мне, конечно же, не придется — для сталкера одиночки сон в таком вот «убежище» роскошь непозволительная. «Спички» это, конечно, хорошо, но на «кислотный туман» или «газировку» они не отреагируют. А в Темной долине из северных низин очень даже запросто может принести ветром эту пакость, и, пока проснешься, да откашляешься, концентрация отравы может стать уже трижды смертельной.

Ну, а пока не стемнело, проведем ревизию припасов. Рюкзак оказался на месте со всем содержимым, Монолит, видно, вернул нас в той же комплектации, как и забирал, но я уже почти не помню, что в нем есть, чего нет. И оружие проверить надо обязательно. С него и начнем.

Штурмовая «сайга», наверное, один из лучших наших дробовиков, не подводила меня еще никогда. Качество и функциональность этой модели, в которой были учтены и давно исправлены все «детские» болезни, значительно превосходили все известные мне импортные стволы. Сталкеры, уважавшие юсовские «помповики», иногда спрашивали, отчего это я не приобрету более «серьезную пушку», и пожимали плечами, когда я говорил, что меня и эта устраивает. Завелась такая мода с недавних пор, особенно у новичков — хаять отечественное оружие. Мол, и подгонка никакая, и люфты, и стреляет черт-те куда, но только не в цель, и корявое, словно топором вырубленное. Посидят, у костра, поругаются, а потом «калаши» да «бизоны» подберут и расходятся по своим делам. И что характерно, в Зоне хватает и натовских стволов, даже сверхнавороченные комплексы FN достать не проблема, были бы финансы, однако, как ходил сталкер со своим «Калашниковым», так и ходить будет. Не потому даже, что наш автомат дешевле — грамотный бродяга на оружии никогда экономить не станет, скорее, все с себя продаст, но ствол обязательно возьмет надежный и качественный. Который точно не подведет. Ну а что гундят у костра, так это у нашего, отечественного сталкера святое дело. У торговцев, вон, заранее заказы оформляются на

старые модели «калашей», что под 7.62 заточены, говорят, не ствол, а песня, и он один стоит у перекупщиков как целый комплект снаряжения. Патронов-то море с советских времен осталось, на Армейских складах, говорят, несколько тонн из того, что нашли, а вот АК под них давно редкостью стали. Хотя в Зоне ох как быгодились — калибр для местных тварей серьезный, с малоимпульсными патронами даже в сравнение не идет. Потому и не таскаю я с собой автомат... он, может, кому и привычнее, удобней, дальность там, точность с гладкостволом, конечно, не сравнишь, но попробуйте отстрелять из автомата стайку тушканов в темном коридоре или отбиться от мельтешащих вокруг слепышей. «Долганы» сетовали, что малокалиберная пуля того же чернобыльского пса насквозь прошивает и дальше летит, а на тварюге даже крови не видно — как кидалась, так и кидается. То ли дело в нее мелкой дробью в упор — рвет почти пополам. Или картечью в стаю на подходах, да не просто так, а очередью. Десять патронов двенадцатого калибра в увеличенном магазине, соответственно девяносто картечин, считай, разом, да если еще и в связках — те же слепыши в суповые наборы превращаются, псевдособак никакая живучесть не спасает...

Разобрал, аккуратно складывая части на рюкзак, посмотрел через ствол в окно — чистый, гладкий, ни «раковин», ни ржавчины. Аккуратно собрал, прицелкнул магазин с крупной картечью. Проверил «глок» — пистолет тоже был исправен, значит, с оружием полный порядок.

Доктор, направляя нас к Монолиту, дал с собой десяток ампул с «жизнью» — очень редкой и дорогой вещью в Зоне. Две мы с Хип израсходовали, хотя могли бы этого и не делать — какая разница для зомби, поднятых Пенкой, облучены они или нет... но и оставшиеся восемь ампул вполне могли бы обеспечить мне пару лет беспечного существования — даже самый прижимистый торговец охотно отвалил бы за них от десяти до пятнадцати тысяч в зеленых рублях. Но в коробке лежали склянки с какой-то буровой жидкостью, давшей густой черный осадок. То же самое было и в моей стальной коробочке, где я держал не один год две крошечные емкости с «жизнью» на случай сильного облучения — вместо ярко-синей, немного светящейся воды там была все та же буроватая гадость. Самодельный фонарик на артефакте тоже сдох — осколок «солнца» превратился в серый, прохожий на пепел порошок, засыпавший изнутри стекло. ПМК включился, но тут же сообщил мигающим текстом, что работает на «родном» аккумуляторе, так как фрагмент вспышки в кустарном блоке питания не подает признаков жизни. Кусок «губки» в кармашке пояса, который я использовал в качестве универсального дезинфицирующего средства, спекся в маленький хрупкий уголек, рассыпавшийся в моих руках. Похоже, наши прыжки по «граням» уничтожили все имеющиеся в наличии артефакты. Это было скверно — тот же «вечный» фонарик или кусок «губки» были бы очень полезны хотя бы в качестве товара, когда припасы подойдут к концу, а удастся ли найти хоть какой-нибудь хабар в ближайшее время — вопрос, конечно, интересный...

«Данные времени основного сервера и времени ПМК не совпадают. Произвести настройку времени ПМК сейчас?» — с тихим, переливчатым писком пришло первое сообщение. Я выбрал — подтвердить, маленький компьютер ненадолго задумался и выписал совершенно невероятную дату: 4.05.2014. Ничего себе... без малого десять месяцев, почти год прошел с тех пор, как мы добрались до Монолита. А мне-то казалось — был я в мире Координатора недели две всего. Однако...

Я позволил ПМК с давно «вычищенным» идентификационным кодом присоединиться к бесплатным новостям, установив фильтр «важные». Мини-компьютер молчал долго, затем выдал небольшой список:

«Администрация НИИАЗ возобновляет сотрудничество с уволенными внештатными лаборантами и приносит свои извинения. Нынешнее руководство Института, а также командование военного контингента отозвано в связи с его неэффективностью, и к работе приступили прежние руководители и командиры. Приказы под номерами 456–508 недействительны с сегодняшнего числа, внештатным сотрудникам возвращаются все ликвидированные ранее льготы и выплаты, включая премиальные и гарантии по документам. 1.01.2014». Что это за новость такая, я не понял, а подключиться со своего «безымянного»

ПМК в сталкерскую сеть и выяснить подробности, понятное дело, не мог. Ладно, смотрим дальше...

«Научная станция на заводе „Росток“ возобновляет свою работу с 6.01.2014. Военное командование приносит свои извинения добровольческой группе „Долг“ и надеется на дальнейшее сотрудничество» — вот это уже интереснее... с чего это вояки извиняться вздумали? Странно это все... ага, новость из неофициальной сетки, похоже, с внутреннего передатчика:

«Временное перемирие с группировкой „Свобода“, принятое в связи с событиями 9.09.2013, продлевается по взаимной договоренности до 1.06.2014. Приказываю всем командирам отрядов пресекать любые проявления агрессивности, не допускать провокаций и иных действий своих подчиненных, могущих быть истолкованными как проявления вражды. Обо всех случаях нарушений докладывать лично. Провокации и враждебность по отношению к группировке „Свобода“ считать преступлением, подпадающим под статьи 18, 20 и 24 Внутреннего кодекса (намеренный вред, причиненный чести и достоинству воинов „Долга“, намеренная, злостная дискредитация идей и принципов группировки, неподчинение приказу старшего по званию). Провинившиеся будут наказаны по всей строгости военного времени. Генерал „Долга“ Седой».

Хм... значит, это не шутка, что у главного «долгана» фамилия и имя, что в Зоне дается, совпадают. Довольно давно «долговцы» отказались от многих традиций сталкеров, в частности, от, казалось бы, железного правила забывать о том, как тебя звали до Зоны, получая взамен новое имя. Не указ «Долгу» целый набор сталкерских поверий и ритуалов. Они, хоть и считаются формально таким же неучтенным элементом, как и вольные бродяги, то есть такими же сталкерами, однако от этого «звания» любой «долган» яростно отрешивается. Хоть и приказал Седой «уголовные прозвища» отменить, как был знакомый «долговец» Веня Карбенко Карбидом, так им и остался, и командиры групп, насколько я знаю, не возражали против «уголовных прозвищ» во время рейдов в Зону. Странно вот так получается... убили меня в этом вот самом доме не мародеры, не бандюки, а именно «долги», с которыми я раньше всегда был дружен, даже жизнью обязан, было как-то, что из аномалии они меня вытащили и в своем лазарете выходили. Я им тоже помогал, если возможность такая подворачивалась. И «долговца» Бера неплохо знал, и с Седым, ныне главным у них, не раз сталкивался, от тварей вместе отстреливались. С тем же Карбидом почти друзья. А вот поди ж ты... неудачно все как вышло. Не мог я им Пенку отдать, просто не мог. Для них-то она мутант, тварь, урод Зоны, которых, как говорится, каленым железом выжигать надо. Это у «долгов» вбито уже на уровне инстинктов, что Зона — враг, как и любое ее порождение, не объяснишь им, что Пенка лучше многих людей будет, что она меня с того света вытащила, когда я у Доктора просто кончался, натурально в слюнявый овощ превратившись. Что даже сам Болотник ничего сделать не мог, а вот Пенка, что называется, душу мне вернула. И тогда, на Кордоне, когда бандитам попались, и дураку понятно, что живыми нас бы из того подвала не выпустили, Пенка пришла и мозги подонкам выжгла. Так что обязан я ей дважды: и за то, что из безумия вернулся, и за наши жизни спасенные. Не было выбора у меня тогда, когда я отход Пенки прикрывал. Не мог я позволить, чтоб они ее расстреляли — «долговцы» ведь не мародеры, что при слове «контролер» в штаны делают, а опытейшие бойцы-«зверобои», против которых у Пенки не было никаких шансов. У меня их, впрочем, тоже не было, однако же в бой я все-таки ввязался, пытаясь вырвать те самые драгоценные минутки, которых бы хватило Пенке и Хип, чтоб уйти под прикрытие мертвого леса, затеряться там. И конечно, чудеса не произошло. Время этих самых чудес началось немного позже...

Я попробовал набрать запрос «Лунь» в общей информации, что там написали. Угу... погиб я, это мы знаем. И не просто так, а героически пал, отбиваясь плечом к плечу с погибшим отрядом «Долга» от атаки полчища мутантов, за что посмертно стал почетным «долговцем», и даже представлен к награде «За храбрость», опять-таки посмертно. Хип, за то что в «Свободе» долгое время была, в «Долг» не приняли и награды соответственно не дали, зато «реабилитировали за проявленный героизм». Значит, Седой до сих пор не в курсе, как

именно я «проявил храбрость». Что же, так оно проще... всегда было мне совестно за тот случай, однако с тех пор, как узнал я от Координатора, а потом и из своих, когда-то подавленных Пенкой воспоминаний, что мы с Хип, оказывается, не выжили в той схватке, то стало, как ни странно, немного легче. Квиты, получается...

Наутро надо будет дойти до Ростка. Безумие, конечно, заявляться на базу Долга, но уж лучше прийти туда самому с достоверной легендой, нежели Седой узнает, а он обязательно узнает, что «героически погибший почетный долговец Лунь» мало того что жив, так еще и по Зоне шастает. Нет уж. Не нужно мне такого счастья, чтоб «долги» меня ловить начали для выяснения подробностей моего чудесного оживления, так как в случае поимки допрос будет более чем пристрастный. Сам приду с подходящей сказочкой... да и Фреона найти надо будет тоже. Разобраться что к чему... и объясниться, что ли.

Странные дела в Зоне творятся. Руководство НИИ перед бродягами за каким-то лешим извиняется, и, что само по себе дело неслыханное, вояки туда же. Нет, понятно, что давно установились негласные взаимоотношения между «ботаниками», сталкерами и военными, иначе здесь, в Зоне, без этого никак, война не нужна никому, невыгодна просто. Однако хоть и установились иногда почти дружеские отношения между учеными и вольными бродягами, или тех же военных с «Долгом», но, если по закону, боец, Периметр охраняющий, обязан «долговца» задержать или пристрелить в случае неподчинения. И ученый, если уж на то пошло, должен немедленно сообщить «куда надо», а не обсуждать со сталкером детали будущего совместного маршрута. Все про это знали, не исключая и приезжих комиссий, но никак не афишировали. Так что это вот публичное извинение перед «внештатными сотрудниками» выглядит очень странно. И еще более удивительная штука: «Долг» со «Свободой» грызутся люто, так, что клочья летят, ни одна из попыток примирения или переговоров удачи не приносила, стороны даже парламентаров набирали из сталкеро-одинок, чтобы уж точно не допустить провокаций. А тут — не просто перемирие, но даже и как-то необычно затянувшееся. Не стал бы Седой сдерживать своих бойцов, случись хоть один выстрел в сторону «долгов», да и «свободные» так уже натерпелись от «сохатых», что, дай им волю, руками бы давили. Мир тем не менее... и явно главный «долг» в этом самом мире заинтересован, раз даже нарушителей «по законам военного времени», что в понимании «долганов» означает одно: без разговоров к стенке. Уф... мне бы к этой самой стенке не загреметь. Недоверчив Седой... но и прятаться по Зоне от его отрядов я не собираюсь.

ПМК пиликнул еще раз, и сообщение, отнесенное им к важным новостям, тоже было выслано не с институтского сервера.

«Все, пиплы, возрадуемся! Грамотный чел над нами теперь, не то что раньше. Возвращайтесь в „Свободу“, чуваки, все те, кто по идеологическим мотивам от нас свалил. Понимаем, злобы не держим, ждем домой. Гнилых мэнов, что наше братство в грязь кунали и стремным мажорам нас продать хотели, подвесили на вышках просушиться малость, так что „Свобода“ ныне прежняя, правильная, Фельдшер теперь атаманом, кто не в курсах. Идите уже домой, ребята! „Свобода“ без вас осиротела», и следом: «Народ, слушаем все сюда. Войнушка с сохатыми, по ходу, откладывается еще на некоторое время. Дело идет к тому, что начнем договариваться, и оно правильно — задолбала уже вся эта система. В общем, пока пишу пис, миру мир, железнолобых не трогайте, но и не подходите, ну их на фиг, неадекватов. Стрелять запрещаю, в случае провокации с их или нашей стороны сообщать сразу, не откладывать в долгий ящик. Не будьте отморозками, пипл, ежели палить начнете, то в следующей войне и гибели наших ребят вы виноваты будете, и месть тут ни к селу, этой штукой мертвых уже не вернешь, а живых загубишь. Только-только топор войны прикопали, так что не тревожьте могилку. Фельдшер».

ПМК поймал еще несколько важных сообщений, в которых говорилось о найденном подземном комплексе на, как ни странно, Кордоне, и что комплекс этот будет побольше даже Агропромовского. Что на западе от ЧАЭС на «новых» территориях европейцы мощную мобильную станцию отгрохали, так как НИИ, мягко говоря, «в связи с последними событиями» фактически прекратил работу. Что войска полторы тысячи солдат и офицеров во

время только одной операции в Зоне потеряли, когда командование принял какой-то московский штабник, решивший «навести порядок». Что помимо Челябинской и крошечной, но вполне себе полноценной Воронежской Зоны объявился очередной «метастаз» в новоземельской тундре, теперь уже не по слухам, а точно, зато под Семипалатинском Зона бесследно исчезла и вернуться, согласно наблюдениям «ботаников», не обещала. Далее машинка предложила оплатить дополнительные услуги, так как остальные новости к дармовым уже не относились. Я выключил ПМК и, пока было еще достаточно светло, провел ревизию припасов. В рюкзаке оказался запасной плащ-пыльник, половина натовского рациона и мягкая банка китайской тушенки. Походная аптечка из недешевых, купленных специально для похода к Монолиту. Детектор аномалий, последняя на то время научная разработка, стоившая мне трех заказных походов в Зону и приличной суммы в импортной валюте, «потерять» дорогой прибор ученые согласились буквально на драконовских условиях. Другое дело, что детектор, определенно, был лучше предыдущего, но аномалии все ж таки пропускал нередко. Особенно обидно было увидеть точно такие же детекторы на поясах «долговцев» и узнать, что у Банзая они расходятся раза в два дешевле. Впрочем, «Росток» у «ботаников» на особом счету, «долговцам» от науки привилегии положены. Четыре коробки патронов... заводская картечь, пулевые, тоже с завода, и мои «самоделки»: коробка «вязанки» и еще одна с «колунами» на случай особенно живучей твари. Пятьдесят патронов для пистолета в пластиковых гнездышках. Боеприпасы есть, уже хорошо, а вот с провизией беда. Помятую банку, после недолгого раздумья, я выбросил в угол — рисковать не хотелось, бывали случаи, что страшно травились сталкеры от таких консервов. Черт с ним, перебежусь натовским сухим пайком — дня на три-четыре при строгой экономии его хватит.

Во втором отделе рюкзака нашлись компактный фильтр-дистиллятор, стоивший мне последних заработанных в Зоне денег, мягкие фляги к нему и набор расходников. Штука дорогущая, но продавать я ее ни за что не стану — без чистой воды здесь хана, а то, что течет в местных ручейках и речках, обычной таблеткой пантоцида не всегда обезвредишь, кипячение тоже не каждый раз помогает. Единственный выход — хороший дистиллятор и к нему солевые таблетки — химически чистая вода для организма тоже мало полезна. Зато можно будет сбить, например в Шанхае или Ангарыче, запасную научную аптечку. Это товар нужный и достаточно дорогой, чтоб на первое время закупить консервов. А дальше Зона как-нибудь накормит, пусть даже плевым хабаром, но голодным и сирым точно не останусь.

Последняя, достаточно увесистая, похоже, металлическая вещьца размером чуть меньше ладони и толщиной с сигаретную пачку была завернута в микрофибровую салфетку и дополнительно перемотана несколькими витками бинта. Я распутал узелки, попутно припоминая, что бы это могло быть, и...

Ну конечно же... «подарок»...

Пластина, или скорее призма, с неровными, словно обколотыми краями, обладала удивительной, ледяной прозрачностью и холодным, алмазным блеском двух плоских, идеально гладких граней. «Сколы», при детальном рассмотрении, тоже оказались небольшими гранями самых разных форм, и тусклый, серый свет из окон уж никак не мог быть причиной того, что на них вспыхивали яркие спектральные переливы крошечных радуг и почти снежные искры. Я повертел пластину в руках, наблюдая за причудливой игрой света, явно отраженного, но при этом ненормально яркого, словно исходящего из какого-то невидимого источника. Похоже, артефакт. Подарок, если верить Координатору, от самого Монолита. Интересно, сколько может стоить подобная штуковина... вполне возможно, что и миллионы. Уверен, что никто не находил ничего подобного. Может, найти подходящего покупателя?

Призма в моих руках немедленно потемнела, потеряв блеск, мало того, саданула электрическим разрядом так, что отдалось в локте. Вот это номер...

Нет, были, конечно, в Зоне очень странные артефакты. «Мраморный шар», например... лежит себе молочно-белая, в синеватых разводах штуковина, натурально шар, размером с

два сложенных вместе кулака. Пользы сталкеру от него нет, и никакими он особенными «способностями» не обладает, кроме одного пустяка. Ежели, на этот самый шар глядя, начинаешь себе представлять что-нибудь зеленое или желтое, то артефакт соответственно в оные цвета окрашиваться начинает. Причем одному человеку стоит только мельком о весенней листве подумать, как шарик моментально зеленою заливаётся, а другой будет часами пыжиться и медитировать, добившись только слабого побледнения. Один профессор, уникум, умудрялся даже картинку на поверхности артефакта взглядом рисовать. Телепатию доказали — ведь воспринимает же как-то шарик человеческие мысли? — а вот как он это делает и из какого, собственно, поля эти самые мысли сотканы, по прежнему ни один «ботаник» даже примерно не знает. А тут не просто цветовая реакция, но даже и наказание — словно филиал «электры» в призме открылся.

Да, говорил Прохоров, что ни в коем случае нельзя ни терять, ни продавать эту штуковину. Ладно, не будем... к подобным советам лучше прислушиваться, когда меченые Зоной их дают. А то, что Координатор, как и Доктор, определенно отмеченный, сомнений никаких не было. Это чувствуется. Так что сберегу.

— Не продам. Будешь ты у меня называться «алмаз». — Я повертел артефакт в руках, почти не удивившись тому, что яркий блеск и прозрачность постепенно начали возвращаться, после чего упаковал его обратно в микрофибру и спрятал во внутренний кармашек рюкзака.

Когда стемнело уже настолько, что в густой, бархатной тьме дома я едва различал темно-серые прямоугольники окон, где-то в щелях пола завел свою песню сверчок. Звонкие трели показались в глубокой тишине неожиданно громкими, отчетливыми, и моя память тут же выдала короткую, но при этом удивительно яркую, сильную картинку, обрывок прошлой жизни. Тепло, удивительно тепло летней ночью, два золотистых конуса света от уличных фонарей, в которых мерцают мотыльки, безветрие, тишина, черные облака кустов по сторонам садовой дорожки, старая серая лавка, и рядом какая-то бывшая знакомая. Я не помню, как ее звали, не помню, где все это было, я даже, черт возьми, не могу сказать, какой именно отрезок моей жизни сохранила навсегда искалеченная Выбросом память. Но я замечательно ярко вижу те несколько минут ночи, запах свежих листьев, тепло, уют и точно так же звонко, по-летнему, мурлыкал сверчок в глубине темного ночного сада. Немного, едва ощутимо кольнуло в сердце. Не то чтобы я скучаю по тебе, Хип, нет, но мне, правда, жаль, что все так получилось. Что ты теперь часть прошлого. Такого же теплого и уютного, как та тихая, летняя ночь. Интересно, дошла ли ты до первых застав «Свободы» на Армейских складах или же заночевала в каком-нибудь схроне? Досадно, что прошитый на невозможность идентификации ПМК заодно потерял способность передавать сообщения.

В Темной долине редкая ночь выдавалась по-настоящему тихой. Шорохи, странное, булькающее квохтанье где-то за развалинами дальнего дома, короткий, отрывистый шелест потревоженного бурьяна. Сверчок тоже не думал униматься, и вскоре ему ответил трелями еще один, где-то далеко, за холмами долго и тоскливо завывали несколько гнусавых голосов. Но в дом никто не лез, по-настоящему подозрительных звуков под окнами слышно не было, и я не то чтоб заснул, а погрузился в легкую, чуткую полудрему — это умение, насколько я знал, появлялось почти у всех одиночек, уходивших в дальние рейды. Надежных укрытий на ночь, в смысле по-настоящему надежных, в Зоне немного, ночевать приходится и на чердаках, и в подвалах со сгнившими дверями, иногда и просто в вымытой дождями ямине под корнями местной покореженной сосны. Спать нельзя ни в коем случае — верная смерть. Костер, по понятным причинам, разводить нельзя тоже, если один идешь — тех же снорков или зомби огонь привлекает, может и кровосос заявиться. Лично как-то раз видел, как пяток молодых в Зоне у огонька сидели. Издалека видать — зелень, тупорезы... пламя развели, словно масленичное чучело жгут, ветки трещат, угли стреляют — слышно на полкилометра. И все впятером — мордами к костру, на огонь смотрят, ржут, стеклотара позвякивает. И это все не днем, ночью, пусть и на Кордоне, однако же Кордон место хоть и спокойное, но для пикников и пьянок совсем неподходящее. Зона... да еще и ночь. И если учесть, что при постоянной облачности, от которой ни луны, ни звезд, а также от отсутствия населения и

соответственно света окон и фонарей тьма здесь порой непроглядная, руки возле носа не видно. А эти — в костер пьются... случись что, какая-нибудь дрянь из темноты припрется, они ее ведь просто не увидят. Конечно, после огня, да во тьму смотреть... если и костер, то небольшой. И спиной к нему надо — тогда и света от огня хватит, чтобы хоть чуть ночь разогнать, и глаза привыкнут, да и вообще, костер — это в большом, защищенном лагере хорошо. Я вот, например, после одного случая с «пещерниками» вообще перестал по ночам костры палить. Или схрон надежный, или сидеть тихонько всю ночь, где-нибудь в уголок забившись, если ума или времени не хватило до темноты нормальное убежище найти. А таких случаев, когда или того, или другого не хватает, любой вольный бродяга приведет с избытком. Вот и учишься со временем не спать, как все нормальные люди, а тихонько проплывать долгие ночные часы вот в такой дреме с открытыми глазами, готовый полностью проснуться в доли секунды при любом подозрительном шорохе или движении. Долго, правда, в таком режиме не пробудешь, выспаться потом нужно будет обязательно. Но переждать ночь — очень даже можно... и, балансируя на грани сна, я дождался времени, когда почти в полной темноте обозначились серые прямоугольники окон, стряхнул сонливость, и, сняв «сигналки», побрел к «Ростку».

* * *

Не доходя до первых постов «Долга», я свернул с провешенной тропы, направляясь к нескольким крупным валунам известняка. Заявляться на «Росток» с прошитым «безымянным» ПМК, во многих случаях заменявшим сталкеру документы, и «подарком» Монолита, естественно, не стоило. Точно так же ни к чему мне на «долговской» базе дистиллятор, дорогой пистолет и отличный «ботанический» детектор, тоже стоивший немалых денег. Не в том смысле, что не доверял я «долганам» — эти ребята честные, идейные, никогда у них не бывало такого, чтоб одиночку «обуть» на ценные вещи. Просто не вписывались все эти штуки в приготовленную легенду, ибо, если ты собрался убедительно врать, позаботься о мелочах — в смысле, как можно меньше подробностей в рассказе и как можно больше соответствий во внешнем виде и рюкзаке. Обыск у «долгов» скорее всего состоится, так что ну его... жаль, что нет в запаснике старого, латаного комбеца, в идеале — трофейного, «монолитовского», ну да ладно, что-нибудь придумаем. В принципе, Седой в курсе, что сталкер Лунь к снаряге относится бережно, так что почти новый вид «Кольчуги-2М» не будет удивителен. Уф... страшновато, конечно, к «долгам» заявляться, да выбора нет. Навлечь на себя повышенное внимание Седого самим фактом моего наличия в Зоне я бы не хотел. Тем более навлечь подозрения... и это будет совсем скверно. От подозреваемого до врага и «мутанта» один шаг, и для одиночки это почти верная смерть — враги «долгов» живут намного меньше прочих сталкеров, факт проверенный. Тем более новость о возвращении Хип тоже разнесется быстро, и, хоть и будет она под защитой «Свободы», я бы предпочел сделать так, чтоб «Долг» ей не заинтересовался. И похоже, по большей части этот последний мотив и гнал меня в сторону зеленых ворот из сетки-рабицы и пятерых бойцов в черных, с красными полосками комбинезонах. Заглушив последние вопли внутреннего голоса: «Идио-от! Ты че твори-ишь?» — я, подняв ладони в знак мирных намерений, подходил все ближе.

На первом, предварительном посту было все спокойно до тех пор, пока я не подошел настолько близко, что один из «долговцев», видимо, меня узнал. Отреагировал он моментально — уже через секунду черное пятнышко автоматного дула смотрело мне прямо в лоб.

— СТАЯТЬНА! — Рявкнул он хриплым голосом, и остальные бойцы, подхватившись, тоже защелкали затворами укороченных автоматов.

— ОРУЖИЕНАЗЕМЛЮНА! — В одно слово, громкой такой, злой скороговоркой. Мда, мне здесь определенно рады. Вот тебе и Лунь, «почетный долговец»...

В таких случаях лучше подчиняться молча и быстро, но без суеты. Аккуратно сняв с плеча ремень «сайги», я положил оружие на дорожку, приоткрыл пустую кобуру, вытащил из ножен и бросил на землю свой «Обсидиан».

— ПЯТЫШАГОВНАЗАДНА! — Голос молодого «долговца» сорвался на короткий рык, то ли от стараний запугать, то ли от того, что сам он боялся, факт, боялся настолько, что это видно было и по глазам, и по побледневшему лицу. Как бы не пальнул со страху... я поднял руки и послушно отошел.

— Еще один... — Негромко проговорил один из вахтенных. — Зона, сука... это ж надо...

— Может, прямо здесь и положим? — Не то спросил, не то предложил еще один боец. — Однозначно из этих, к гадалке не ходи...

— Отставить! — приказал молодой. — Вроде не похож. Как звать? Имя?

— Лунь. Вольный сталкер, — ответил я, уже совсем ничего не понимая. На мушку взяли, явно про меня знают, имя спрашивают...

— Говорит, значит, не из этих. Хотя, черт его знает. — «Долговец» и не подумал опустить оружие. — Ты, стой там, не дергайся, иначе завалю, понял? Корсаков, сообщи генералу, пусть начальство разбирается.

Начальство долго разбираться не стало. Меньше чем через две минуты после коротких переговоров по рации из ворот вышли четверо «долговцев», вполне профессионально меня «принявших»: руки в мгновение ока были завернуты на спину, на запястьях скрипнули «браслеты», и меня повели на «Росток». Единственной фразой, которую я услышал от конвоиров, была «топай давай». Здание бывшей «Арены» на «долговской» базе уже давно было переоборудовано под местную тюрьму, точнее, следственный изолятор. Лишением свободы «долги» никого не наказывали — после разбирательств или отпускали на все четыре, или устраивали «аукцион», или тихонько стреляли где-нибудь в тупичке за бывшими цехами. Четыре камеры, точнее, обычные сварные клетки, были уже заняты, поэтому меня закрыли в загоне для зверья. Давно еще, когда устраивали на «Арене» показательные бои между отловленными бандитами и местными мутантами, служили эти загоны для содержания кровососов, слепых псов и даже псевдогигантов — швеллеры и переплетения арматурных прутьев местами были погнуты, покрыты частыми царапинами и местами клочьями присохшей шерсти. До сих пор в «тюрьме» ощущались солоновато-гнилостный запах зверя и кислые миазмы от потемневшего по углам бетона. «Долговцы» сняли наручники, один из них притащил низкую лавку, просунул ее между прутьями клетки и перед уходом пожал плечами.

— Ты это, браток, не серчай, ежели что. Посиди тут, отдохни... ежели ты человек, отпустим, значит, ну, или как начальство решит. Не пугайся, это.

— Марченко! А ну отставить разговоры с задержанным! — негромко, но очень жестко приказал, видимо, старший в четверке. — Разгильдяй...

— Есть отставить. — Марченко вздохнул, улыбнулся одними глазами, мол, начальство строгость показывает не к месту, пожал плечами и удалился вслед за всеми.

Через несколько минут он же, на этот раз молча, притащил кружку с водой, кусок хлеба и немного тушенки. Такой же паек получили еще двое заключенных в камерах-клетках. К другим двум клеткам «долговец» даже не подошел.

— Че это вы нас так вкусно кормите, господа сохатые? Один черт, к стеночке поставите, — поинтересовался один из «сидельцев», невысокий, с выскобленным до синевы черепом и нагловатым, бегающим взглядом. — Дык припасы б сэкономили.

— Что ж мы, звери, что ли? — беззлобно ответил «долговец», передавая через решетку пластиковые кружки и тарелки с хлебом. — Хотя ты и бандитская морда, однако впроголодь тебя держать не след, нехорошо. Мы голодухой не наказываем, у нас другие методы.

— Ага. В лобешник маслиной на заднем двореке. Суки вы, сохатые. — Лысый откусил от хлебной краюхи, прожевал, запил водой. — Беспределите, уроды. Разве можно в живого человека стрелять?

— Это ты у себя спроси, Чика. — Марченко поднял коробку с пайками и пошел к следующей клетке.

— Дык я не стрелял! Ну так, чтоб насмерть. — Чика поднял брови, собрав в складки кожу на странно выпуклом, неровном лбу. — Я честный вор, ментяра ты зоновская, людей люблю, ценю даже, все всегда по чесноку — ежели у кого чего много, а у другого мало, то пускай поделится. Коммунизм, е! Вот вы падлы, а... на Большой земле от вас продыху не было, и в Зоне та же песня. Вы, сохатые, через одного менты ведь.

— Нет. Я вообще егерь бывший. — Спокойно ответил «долговец». — Тут меня так и зовут, кстати.

— Лесной человек, хе-хе... чучело, мля... один хрен ментяра, только с другого района. Все вы такие. — Чика вывалил серовато-розовый язык, показав заодно желтые, насквозь прокуренные зубы. — Э-э-э, чмырь. Слышь, Егерь, а если тебе прикажут меня стрелять, стрельнешь?

— Ну, я скорее всего завтра и буду тебя исполнять. На неделе я ответственный по этому загону, значит, тоже моя работа. Ты б это, помолился там, ежели верующий, о жизни своей подумал, то, се... а то ты как обезьяна кривляешься, морды строишь. Ведь не поручится за тебя никто, потому что бандит.

— Во падла... не бандит я, а вор. — Чика, изменившись в лице, отошел от решетки.

— Ну да, конечно. Еще скажи — честный. Коленки кто сталкерам простреливал, вор?

— Дык не убивал же. Не смертельно это... а ежели жлобу его тайнички важней, чем здоровье, так это его жлобские проблемы. Веришь, никого насмерть не забил.

— Ну, давай я тебе завтра ноги отстрелю и в Зону выпущу. Так оно справедливей получится. — Егерь перевернул ящик, сел. — Могу даже походатайствовать перед начальством, что, значит, мародер и бандит Чика желает по справедливости. По пуле в коленные чашечки, и топай, любезный, куда душа пожелает, хоть к своим недобиткам, хоть воякам сдаваться. Отсюда всего тридцать километров до нового Периметра, чего там мужику пройти-то...

Бандит промолчал, зато из дальней клетки кто-то негромко прохрипел:

— Короче, гнида... если тебя завтра отпустят на поруки, я в любом случае найду и на ленты ножом уработаю. Заживо.

— Ой, как страшно. Прямо трясусь от вужаса. Фраер ты позорный, наемничек... уж тебя-то выпустят, ваще не вопрос. — Чика смачно харкнул в сторону дальней клетки. — Завтра оба на корм воронам пойдем, в одной канавке ляжем. Сука продажная, от тебя трупами на весь сарай воняет, со смерти жрешь и пьешь, а тут на мораль пробило. Хавало заткни, чмо.

— Слышь, «долг»... ты бы это, посадил меня на минутку к этому пацанчику. Обещаю, что не убью, живого завтра выведешь. Барагозить не буду, слово даю, тем более с вашей базы фиг куда свалишь. Просто... побеседую с парнем. По-своему.

«Долговец» отрицательно покачал головой.

— Не положено. Сам бы уже поговорил, да нельзя.

— Э-хе-хе-хе, смотри, дерьмом не захлебнись, наемничья морда. Или клетку погрызи, мож, полегчает. — Бандит хлопнул по лбу сложенными «козой» пальцами.

— Жаль. — Просто ответил невидимый мне наемник, а «долговец», вздохнув, поднялся, со стуком задвинул под стол ящик. Вскоре снаружи в петлях загрохотал тяжелый засов, шаги «долга» начали удаляться.

— Завтра с утра «аукцион». В общем, вот так. Бывайте, значит. — Послышалось уже из-за двери, эхом по коридору.

— Ой... л-ля... жить охота, пацаны. Че-то как-то вот так, в душе свербит, у самой середке. — Бандит, сверкнув синей лысиной, с грохотом приложился спиной к решетке. — Занесла меня сюда нелегкая... и навару ноль, и одни чмыри кругом. Знал бы, что такая хрень тут, даже бы не рыпался, сидел у себя дома. Тоже мне... кландайка, млин... эй, сталкерина, а ты че молчишь? Радиации обожрался?

— И о чем мне с тобой разговаривать? — Я с грохотом подтащил к себе узкую лавку, предоставленную «долговцем», сел, откинувшись спиной к шершавой, воняющей сыростью стене.

— Ну, за жисть. — Чика просунул руки сквозь решетку, сам себе их пожал. — Это заместо здрасте. А терь хабар гони, чухан! Гы-ы-ы...

— Второй день несет от него, как из помойки, — поделился со мной наемник из дальней клетки. — Словесный понос со страху прорезался... треплет всякую чушь.

— Заторнись, мымра! Не с тобой базар, а с человеком. — Чика даже взвизгнул, злобно блеснув глазами. — Чмырдй, падла... достал уже во как, до зарезу.

— Ну, ты еще поплачь, башкой об пол побейся, как с утра, — с издевкой посоветовал наемник. — Кстати, ты в курсе, что на Большой земле чиками девок зовут? Может, ты того, бандюган, немножко фиолетовый? Своим дружкам... хе-хе-хе... напряжение снимал, а?

— Мра-а-азь... па-рву-у-у су-ку-у-у... — Чика замысловато выматерился, долбанул кулаком по решетке. — Хоть бы тебя, урод, завтра первым вывели...

Бандит замолчал и улегся на пол клетки, зашуршал рваным одеялом.

— Эй, сталкер! Ну, представься, что ли... — негромко попросил наемник.

— Лунь.

— Ха! Наслышан... ну так, известный товарищ. Ты же, вроде, того, накрылся?

— Живой, как видишь.

— Ну что, поздравляю. Бывает. Меня Осот зовут... за вредность. — Я услышал тихий смешок. — Род занятий, думаю, уже ясен?

Наемник... ох, и странный народ. Вроде сталкеры, однако ни в лагерях, ни в Чернобыле-7, ни уж тем более на Ростке этих товарищей не найдешь. Постоянной базы тоже нет, кто ими руководит, одна Зона знает. Вражда, наверно, только с военными да еще «долгами», но по-настоящему крупных стычек никогда не случалось. Со «Свободой» они нейтралитет держат, но, по слухам, случилась как-то некрасивая история между наймитами и «фрименами», очень некрасивая, с кровью. Говорят, наемники группировку подточили, когда она только начиналась, Темную долину осваивала. С тех пор не воюют они, по крайней мере в открытую, но затаенная неприязнь и готовность пальнуть в спину остались как с той, так и с другой стороны. Наслушался я о наемниках в Баре всякого, хотя за годы Зоны ни разу лично не встречался. Разное болтали, но думается мне, самое грамотное предположение Сионист выдал. По его словам, очень честные товарищи эти самые наемники. Никаких тебе идей, призывов и прочих агиток, стыдливо прикрывающих истинные причины нахождения в Зоне сталкера, которые в конечном итоге сводятся только к отношениям хабар-деньги-товар, ну, или в очень редких случаях хабар-хабар-хабар-большие деньги-счастливо оставаться. Немного таких везунчиков, чтоб в них Зона корнями не проросла, по пальцам пересчитать, вот они-то и умудряются со временем состояние сколотить и Зоне ручкой сделать. И, кто бы что ни говорил, может эта стерва облагодетельствовать. Редко, но может... Чекан, «свободовец» бывший, в одной из луж Янтарного озера шарик нашел из чистого иридия на триста с лишним килограммов. Уж как он его выволок, понятия не имею, но выволок-таки на каких-то салазках. Тогда еще Барин делами заправлял, он-то и не позволил Чекана надуть, хотя, в любом случае, вряд ли сталкер получил хотя бы треть от настоящей цены той штуковины. Тем не менее внушительную сумму отхватил, с Зоной быстренько завязал, через Барина куш в банк положил и поминай как звали. Так же и наемники — приходят, зарабатывают, уходят. Никаких тебе «адреналинов», «духа Зоны», «мужского ремесла». Пришел, получил задание, выполнил — молодец, на денежку. Все. Если мало — оставайся, частных заказов вроде убрать-достать-найти всегда море. И пока есть «клиент», который хорошо платит за некоторые услуги, не желая при этом хоть как-то «засветиться», наемники как клан не переведутся. Ни с кем не дружат и не общаются — мало ли, вчерашних друзей «клиент» закажет, — и стараются ни с кем не враждовать, по крайней мере даром. Тем не менее встретить в Зоне отряд наемников точно не к добру — не любят эти товарищи свидетелей, убьют одинокого сталкера не задумываясь. Нужно ли говорить, что не самой хорошей репутацией пользовались «ремесленники» среди всех кланов — «Долг» жестко

запретил людям в серовато-синих комбинезонах даже близко подходить к базе. «Свобода» тоже, мягко говоря, наемников недолгоблывала — заплатил кто-то в свое время этим спецам, и шерстили они «фрименов» беспощадно, исподтишка, по ночам. Темная долина до сих пор у «свободных» нехорошим, гнилым местом считается, потому базу свою они на Армейские склады перебросили.

— Понятен, — кивнул я после небольшой паузы. — Будем знакомы, Осот.

— Веришь, вот так запросто с вольным бродягой еще не общался, — отозвался наемник. — За это, наверно, «долгов» поблагодарить надо. Гостеприимный народ... угощение только что назавтра отложили. Тебя за что взяли?

— За убеждения, — я попытался улыбнуться. — Но если честно, то пока не в курсе.

— Ну... ясно. Я уж решил, что ты из этих, которые в остальных клетках. Нелюдь.

— С чего вдруг?

— Утро наступит, глянешь, — буркнул наемник. — Они-то поначалу тоже на людей похожи, только малость заторможенных, ну а потом... Зона, паскуда. В последнее время дела тут странные творятся. Совсем странные.

В помещении бывшей «Арены» стемнело уже достаточно, и потому я, сколько ни старался, не смог разобрать, кто же находился еще в двух «камерах». Осот, с аппетитом отужинав, улегся спать. Перспектива расстрела, похоже, ничуть его не волновала — я сильно сомневался, что «долги» выведут наемника на «аукцион», скорее тихо «уберут» в одном из многочисленных закутков и тупичков «Ростока». То же самое, кстати, могут сделать и со мной — тебе ли не знать, Лунь, что информация для общественности зачастую кардинально отличается от информации для внутреннего пользования? А вдруг Седой отлично знает, кто положил его бойцов в той перестрелке, но для «общественности» придумал красивую сказку о совместной героической гибели одиночки и славного «долговского» отряда? Ведь, как ни крути, новость о том, что Лунь пострелял «долгов» и смотался, вызвала бы далеко идущие последствия, испортила немало налаженных контактов, поставила пятно на репутации... уф. Дурак ты, Лунь. И не лечишься, кстати. Надо было сдать долги и оказаться в клетке, чтоб эта интересная мысль пришла в твою абсолютно седую, но при этом совсем пустую голову. Вот и объясняется поведение начальника первого поста, без размышлений тебя на мушку взявшего. Наверняка командирам отрядов, в том числе и постовым, даны приметы людей, которыми очень интересуется Седой. И если так, то завтра хлопнут меня так же тихо и мирно, как и наемника. Может, в одну яму ляжем, а на мой тайник в валунах набредет со временем какой-нибудь счастливчик. «Героем долга», кстати, скорее всего останусь — оно идеологически полезно и способствует укреплению дружбы между группировками. Вот черт, а... И Хип весточку никак не передашь, чтоб тщательно береглась от «долговцев», а лучше просто бросила Зону как можно быстрее, девка она умная, сообразит, с кем поговорить и как выйти. Хип... блин горелый. Почему же в душе, кроме остатков тепла, к тебе совсем ничего не осталось? Только сожаление да легкая грусть по тем временам, когда мы командой были, отличной командой. Что-то нехорошее случилось с нами тогда, в ненастоящем мире Координатора. Новое знание, полученное там? Нет, вряд ли... То, что я узнал о Монолите и «О-сознании», в моем нынешнем положении было сродни новостям о революции в каком-нибудь Гондурасе. Да, интересно, важно для мира, влияет на множество жителей этого самого Гондураса и пограничных государств, реакция ООН, ввод войск НАТО... но лично мне, сталкеру, озабоченному не судьбами человечества, а наличием тушенки и патронов в рюкзаке, плоско и параллельно на этот самый Гондурас. Тем более сейчас мои проблемы были куда ощутимее, чем обычные заботы о провианте и боеприпасах. Завтра меня очень даже могут поставить к стенке. Лунь, «долгами» дважды убиенный по собственной глупости... какая, однако, ирония.

* * *

Чику вывели под утро, так рано, что еще даже не рассвело, в серой, густой темноте. Бандит жалобно заверещал при звуке засова в железной двери — до этого он, как-то разом

растеряв свою показную лихость, тихонько ныл несколько ночных часов и зачем-то дергал прутья решетки. Когда два «долговца» подошли к его клетке, Чика свалился на пол, начал биться, и его сбивчивые мольбы о пощаде сорвались на визг, в котором я различал только «дяденьки... дяденьки... не надо, дяденьки». «Долги» несколько раз пытались поставить бандита на подкашивающиеся ноги, но Чика не мог стоять, и тогда его просто поволокли мимо моего «загона» во двор, где уже стояли десятка полтора сталкеров, пришедших на «аукцион». Дверь с лязгом закрылась, но с улицы хорошо были слышны басовитый голос «долга», зачитывающего приговор, и громкие, отчаянные завывания Чики.

— Мародер, бандит и садист Чика из банды Горца...

— Я не буду больше, мужики-и... н-не н-на-адо...

— ...виновный в нанесении телесных повреждений, в условиях Зоны несовместимых с жизнью, приговаривается...

— ...пасаны... не надо... вы че... я все сделаю, пасаны, возьмите...

— ...к расстрелу. Нужен кому такой?

Наступила короткая тишина, затем захлебывающийся вопль, тут же забитый сухим щелчком пистолетного выстрела.

— Следующий.

Мимо меня провели Осота, и я впервые его рассмотрел в слабом свете, проникавшем через открытую дверь. Достаточно высокий, худощавый, судя по жестам и походке, бывший военный. Запястья ему сразу по выходу из камеры перехватили наручниками, поэтому он просто пожал плечами, проходя мимо.

— Ну... бывай, сталкер. — Осот нашел в себе силы улыбнуться. — Ежели не сгожусь никому и шлепнут, то лихом не поминай. Я ваших не трогал, если что.

— Бывай, Осот.

— Если жив будешь и наших встретишь, ты это, скажи им, как я помер. — Осот задержался у решетки. — Чтоб это... ну, не стыдно, в общем.

— Давай, иди... — один из «долговцев» беззлобно подтолкнул наемника в спину.

— Договорились. — Сказал я вслед уходящему Осоту, и тот кивнул.

Тот же басок зачитал обвинения: мол, подозрительно шатался вокруг «Ростока», возможно, причастен, так как наемник, опасный элемент, который, несмотря на и вопреки всему, нарушил правила...

Выстрела не последовало — значит, кто-то из вольных бродяг, а то и «долговцев» поручился за наемника, принял в команду на свой страх и риск, но на то он и «аукцион», такая вот «долговская» справедливость...

Запоздало подумал, ну, как всегда, что ежели дойдет когда Осот до Армейских и Хип встретит, передал бы пару слов. Да видно, уже не судьба. Сейчас, наверно, моя очередь — конечно, к народу не выведут, грохнут здесь. Не надо сталкерам видеть живого Луня. Пусть он героем останется.

Но дверь закрылась, снова прогрохотал засов, и через несколько секунд на высоких потолках с треньканьем загорелись две лампы дневного света. Знакомый мне уже Егерь притащил кружку воды, кусок хлеба и открытую банку «квасолі з м'ясом». Никакой враждебности от него я не ощутил, но, с другой стороны, может, и не все «долги» в курсе моих подвигов.

— Слушай, сталкер, ты особо не шугайся. Клетки крепкие, да и тварюги относительно смирные. Однако как их за ночь разукрасило... ладно хоть эти не воняют. В общем, не пугайся, сиди смирененько, и к обеду с тобой понятно все будет.

— Что понятно? — переспросил я.

— Все понятно. — «Долговец» взглянул на часы. — Да, аккуратно к обеду должны признаки проявиться. Ну, может, еще «ботаники» на тебя глянут, а то ты, болезный, по базам в двухсотых числишься вот уж скоро год как. Все, давай, некогда мне с тобой... когда точно человеком будешь, в Ангарице посидим, поболтаем, Лунь вроде на хорошем счету. Профессура освободится и тебя посмотрит, а пока не скучай.

Вот как... держат меня здесь, значит, не как преступника, а как потенциальное порождение Зоны. Еще двоих, тех, что в клетках остались, тоже ведь к стенке не вывели. И, присмотревшись, я понял почему.

В свете двух дневных ламп я рассмотрел первого соседа. Сгорбленный, с оплывшим, как свечка, лицом темного, землистого цвета, он сидел ко мне вполоборота, немного покачиваясь и изредка сильно вздрагивая. Тусклые, словно нарисованные на грязной, мятой бумаге глаза его были открыты, хотя и глубоко ввалились в глазницы, на распухших белых руках видны были синеватые разводы. Явно зомби, причем скорее всего посмертный... но характерного уксусного или прогорклого, падального запаха не было. Да и не стали бы «долги» держать зомби в клетке, с бродячими трупами у них разговор короткий — из автоматов в упор, и по возможности в ближайший «кисель», чтобы уж точно во второй раз не поднялись. Что было во второй клетке, я не рассмотрел точно, мешала тень от лестницы, но напоминало это небольшой холмик черного тряпья, в котором с трудом можно было опознать «долговский» комбинезон. И, что самое отвратительное, по обоим заключенным ползали десятки каких-то полусонных, заторможенных мух, и в спутанных волосах серолицего возились мелкие, светлые не то клещи, не то личинки, и они же редкой россыпью покрывали доски пола в клетке. М-да... вот тебе и соседи.

Рассматривать зомби, а я все-таки решил, что в клетках именно они, желания не было. Аппетит, которого, собственно, и так не ощущалось, появляться не спешил, и я, отложив принесенный Егерем завтрак, начал ходить по загону, разминая затекшие за ночь суставы. Тянулись часы, судя по свету, проникавшему в несколько грязных окон у самого потолка, уже приближался полдень. Один из зомби, тот, что в «долговском» комбезе, не поднимаясь с пола, начал хрипло, протяжно завывать, с клохтаньем втягивая в себя воздух, второй отлепил щеку от решетки и стал часто покашливать, брызгая на комбез темной жидкостью. Вспугнутые мухи, жужжа, начали виться вокруг него, и я вдруг начал чувствовать запах — приторно-сладковатый, тяжелый, отчего даже сам вид нетронутого завтрака начал вызывать тошноту. Да уж, братцы-долговцы, не есть гут вот так поступать. Можно подумать, у вас других надежных помещений не нашлось для сталкера, кроме как бывший звериный загон, провонявший плесенью и мочой, да плюс к тому соседство двух не самых приятных персонажей. Человеку, если уж на то пошло, вообще нежелательно рядом с зомби находиться — ядовиты они бывают до такой степени, что целыми группами сталкеры травились в схронах, где подобная тварь побывала. Не все они токсичны, конечно, да и смертельных отравлений пока вроде не было, но лучше не рисковать — зомби и сам понемногу гниет, да еще и разную заразу из Зоны в себя собирает, так как жрет все, до чего доберется, будь то падаль, тряпье или просто земля. Поэтому я, немного походив взад-вперед, перетащил лавку в самый дальний угол загона, чтобы быть как можно дальше от перхающего мертвеца. Вонь от этого, правда, меньше не стало, и я вздохнул с облегчением только когда открылась дверь «тюрьмы», пропуская десяток ученых в костюмах биологической защиты «Рубеж-9», предназначенных специально для работы с разным аномальным зверьем, — на толстой прорезиненной ткани тускло поблескивали кольчужные накладки. За темной тонировкой гладких, овальных шлемов из сверхпрочной пластмассы не было видно лиц — кто-то из «научников» решил, что мутантам-«псионикам» значительно сложнее воздействовать на разум человека, если те не могут видеть его глаз. Версия, насколько я знаю, провалилась, контролеры и даже черномыльские псевдособаки без особого труда преодолевали подобную «защиту», но комбезы переделывать уже никто не стал.

— Ну что, коллеги, ваши версии, — пробубнила одна из оранжевых фигур, указывая шупом на кашляющего зомби.

— Все тот же новый тип псевдожизни. Явно не матрица, обычный бывший труп... обратите внимание на, хм, фауну — на матричных копиях ее никогда не бывает, они обычно стерильны.

— Не соглашусь. — К клетке подошел один из ученых, заметно более рослый. — Еще вчера этот образец почти ничем не отличался от обычного живого человека...

— Почти?

— Замедленные реакции, неадекватные ответы на вопросы, необычная молчаливость, заторможенность. Все выражено в незначительной степени и поэтому легко списывается на сильную усталость. Ну, а температурными датчиками и сканерами торсионных возмущений ворота «Ростока», сами знаете, не оборудованы.

— Значит, пятый тип?

— Безусловно.

— Профессор, вы нам лучше скажите, как этих... пятых типов еще на подходах определять? — В дверях показался Егерь. — Они же, заразы, всю базу потравят. Прут и прут...

— Мы работаем над этим, господин Марченко. Есть только два способа, к сожалению, мало применимых. «Пятерки» достоверно определяются только при помощи анализа тканей и торсионного сканера. Первое мало возможно в условиях контрольно-пропускного пункта, второе может соврать, если живой, обычный сталкер находился в Зоне больше трех суток или же в его рюкзаке имеются артефакты. Пока что внимательно проверяйте базы данных — любой, кто числится БВП или двухсотым, уже подозрителен, поэтому пусть побудет в карантине до проявившихся изменений или результатов анализа.

— Ну, это мы как бы и сами в курсе. — Буркнул «долговец». — Так знаете, сколько людей периодически из сетей выпадает? Тут же Зона, связь даже на ваших оптимизированных волнах скачет, как бешеный козел, особенно после Выбросов. Разберись, гикнулся сталкер и уже замертво к нам пришел или же просто в глубоком схроне пересидел, где сетка не накрывает.

— Уважаемый, это все, что пока могу предложить, — ученый развел руками. — Вы же сами предоставляете нам образцы не первой свежести. Кто это, кстати?

— Сеня Табачок... — Егерь вздохнул. — Пришел позавчера и на вид живее всех живых был, единственно, старинного дружка в нашем баре не признал и каким-то печальным, что ли, выглядел. Пропустили его без вопросов, он-то ни пропавшим, ни двухсотым не числился. Посидел, со сталкерами поболтал, выпил, артефакт Банзаю сдал, а наутро народ и увидел, что у Табачка глаза провалились и зубы почернели. И те, с кем он за одним столом в Ангарыче сидел, отравились — из одной кружки водочку пили, Зону обсуждали.

— Значит, говорил?

— Ну, говорил... даже смеялся. Утром уже, правда, все, молчок, кислятиной несет, черный. И в это же время узнали мы, что архаровцы одни Табачка четыре дня назад на границе Свалки подловили и грохнули, перестрелка была, а свидетели, гады такие, даже в сеть инфу не забросили. Кстати, вон... в загоне тоже товарищ сидит, по всем базам мертвый уже год как. Может, он и есть тот самый свежий, что вам нужен.

— Внесите корректировки по данным, сделайте снимки. — Распорядился рослый ученый, указывая на бывшего Табачка. — Потом в лабораторию, на комплексный анализ. Да, и привлечите к работе Миткевича, пока он еще на базе. Думаю, этот случай его заинтересует. Дальше что?

— Дальше наш... бывший. Пропал чуть больше месяца назад, на Янтаре. Позавчера вернулся... ну, уже такой вот. Короче, плесень на нем была, в волосах, по ней только и поняли, ну, и потому еще, что изо рта несло у него тухлым, очень крепко несло. А так... глаза блестящие, всех узнавал, разговаривал, руки теплые, пульс точно был. Орал, что мы совсем с ума посходили, что его в клетку сажаем, грозился Седому рапорт подать, ногами топал. А через час молча сел, язык вывалил и сукровицу из носа пустил... Зона, тварь...

— Это Выброс... точно, тот, месячной давности, — негромко сказал один из ученых. — Мало нам головной боли. Честно, надоело ничего не понимать.

— Вы бы это... близко не подходили, — предупредил «долговец» ученого. — Он бросается.

— Пусть бросается. — «Ботаник» хлопнул толстой перчаткой по кольчужному покрытию костюма и направился к дальней клетке.

Когда это произошло, я даже вздрогнул от неожиданности. Куча черного тряпья разом подхватила с пола клетки и прыгнула на решетку, издав совершенно дикий, утробный вой.

Нечто, облаченное в покоробившийся «долговский» комбинезон, даже не было похоже на зомби — скорее на гротескную карикатуру человека. Раздутое лицо темно-зеленого оттенка, живые, блестящие глаза в глубоких кратерах разбухших век и ряд черных зубов за отвалившейся щекой. Существо просунуло руки сквозь решетку, и, стараясь достать ученого ненормально вздутыми, пузырящимися пальцами, пронзительно заблеяло, тут же захлебнувшись криком. «Ботаник», охнув, резво отскочил от клетки, после чего тихонько, но вполне разборчиво выругался.

— М-да... неужели тоже пятый тип? Не похож, уж больно подвижный, прыгучий, не хуже снарка. Впрочем вы его, уважаемые, изолировали. Вот зараза... агрессивен. Надо будет заказать ловчее полотно и носилки с фиксацией...

— По мне так лучше здесь его прибить. — Егерь положил руку на автомат. — Если тварюга из вашего полотна выскочит, как тот снарк, да по базе скакать начнет, то обязательно кого-нибудь да цапнет. А мне отвечай потом.

— Ни в коем случае. Закроем здание, пришлю нескольких опытных сотрудников, установим полотно, и никуда он не денется. Уникальный экземпляр в активной форме...

— Проф, — Егерь покривился. — Это для вас он уникальный экземпляр, а для нас это Зона, осквернившая останки нашего боевого товарища, брата, воина «Долга». Уж простите за высокий штиль, но имейте уважение... он был человеком. Мы не для мировой науки его тут держим, а для того, чтоб вы способ нашли, как с этой пакостью бороться.

— Уважаемый, пока мы его не изучим как следует для мировой науки, то мы и способ не найдем. — Ответил ученый, немного повысив голос. — А то я знаю, как ваши бойцы нам местную фауну приносят... это ладно, если в кусковом исполнении, а то и вообще в виде фарша напололам с пулями. Знали бы вы, сколько ценнейших образцов загублено таким вот образом. Что там с третьим?

Я поднялся и подошел к решетке навстречу ученому.

— Это вольный сталкер, по базе данных погиб почти год назад в аномалии, а вчера под вечер пришел к пропускнику. Задержан на карантин.

— Лунь. — Уверенно сказал ученый.

— Да, по виду он, и сам себя так называет. Знакомы?

— Само собой, — донеслось из-за непрозрачного забрала. — Более чем.

— Здравствуйте, Проф. — Мне даже не нужно было видеть лицо, чтобы узнать походку, тембр голоса, манеру говорить. — Давно вас не видел.

— Приветствую, сталкер. Аналогично... знаете, я по вам уже и тризну справить успел. Как узнали о такой беде, то весь НИИ вас добрым словом поминал. Жаль, что вот так встретились. Обидно даже.

— Понятно, — я пожал плечами. — Еще спросите, человек ли я...

— Спрашиваю. — На полном серьезе сказал Проф, точнее, профессор Игорь Андреевич Зотов, биолог, с которым после одной совместной экспедиции установились по-настоящему дружеские отношения... да, запоминающаяся тогда была вылазка на Агропром, вопросов нет. — Да, спрашиваю. Человек ли вы, Лунь?

— Если честно, то уже не в курсе, — я улыбнулся. — В свете последних событий на сей счет у меня появились весьма серьезные сомнения. Почти не шучу. Хотелось бы узнать ваше мнение по этому поводу.

— Узнаете. — Ученый не поддержал полушутливого тона, и я вдруг почувствовал, как Зотов внимательно осматривает меня, но уже не как человека, а как одного из этих, сидящих в клетках. — И поверьте, мне бы очень хотелось ошибиться в своих предположениях. Пятый отсек, карантин на три дня, установить наблюдение, взять все анализы.

Зотов отвернулся и очень тихо проговорил:

— С тобой была...

— Хип? Да. Она ушла.

— Почему?

— Окончилась стажировка. Научил всему, что знал. А команды у нас как-то не сложилось.

— Хм... действительно, ты ли это, Лунь? Жаль. Очень жаль.

* * *

— Почему не доложил сразу? — негромко поинтересовался Седой, и Егерь, откашлявшись, вытянул руки по швам.

— Виноват. Выполнял ваш приказ, товарищ генерал. Согласно распоряжению, докладывал ученым обо всех подозрительных людях, вернувшихся...

— Ясно. Свободен.

Егерь кивнул и быстро покинул бокс, а Седой, подхватив алюминиевый табурет, сел немного ближе ко мне и, ничего не спрашивая, долго рассматривал, словно диковинного зверя.

— Ну, рассказывай, — буркнул он, холодно глядя мне прямо в глаза.

— Все уже «ботаникам» продиктовал раз десять, наверно. — Я устало вздохнул. — Почитай в отчетах.

— Хамишь, значит. — Во взгляде генерала появился лед. — Зря.

— Просто чертовски устал, веришь, Седой? — Я не отвел своего взгляда, прямо, и даже, наверное, нагло глядя главному «долгу» в глаза. — От вопросов уже тошнит, все, что знал, рассказал.

— Видишь ли, Лунь... отчего так получилось, что из моих ребят никто не вернулся, даже Бер, не просто отличный командир, но и сталкер ничуть не хуже тебя, а вот тебя где-то восемь месяцев носило, и возвращаешься после серии Выбросов живой, здоровый, без единой царапины. В почти новом комбезе. Один.

— По поводу «живой и здоровый» «ботаники» еще не определились, так что выводы делать рано. Да и поверишь ли ты тому, что со мной случилось?

— Ты расскажи, а там посмотрим.

И я рассказал. О том, как решил вместе с Хип смотаться в затяжную ходку за артефактами. О том, как по дороге вынужденно положил контролера со свитой. Как отстреливался от псевдогиганта. Как встретился с отрядом «долговцев» и вместе с ними попытался взять еще одного матерого «контру», неудачно попытался, захомутал он и нас с Хип, и «долгам» мозги выжег, в аномалию их загнал. Что «под контролером» прошли мы весь Сухостой считай что до границы Красного леса, сознания я не терял, это помню... и лесничество, и «монолитовский отряд» который нас у контролера перехватил. Еще одна перестрелка, в которой мы не участвовали, затем, уже в полусне, странный зов, Припять, «Монолит», и где я был все это время, что делал — понятия не имею, ощущения такие, что прошло не больше нескольких дней. Очухался уже, когда обратно к лесничеству вышел, Хип рядом была, там мы с ней и распрощались. Ничего не помню, больше ничего не знаю, ничем помочь не смогу. Знаю только, что группировка «Монолит» скорее всего развалилась окончательно, да в Саркофаге наверняка какая-нибудь интересная штука случилась, но это уже предположения.

Высказал я все это Седому усталым, равнодушным тоном, обдуманная, отрепетированная ложь уже и мне казалась почти правдой — факты, наверняка известные генералу «Долга», удачно вписались в легенду. Все остальное — «помрачение» без мелких подробностей, чтобы не поймали.

— Лихо сходил ты в Красный лес, сталкер. И то ли ты врешь очень складно, то ли и впрямь под зов камешка попал. — Седой вздохнул. — Если бы не знал я тебя как облупленного, видит небо, поставил бы где-нибудь в тупичке да лично хлопнул. Не потому, что зуб имею, не подумай, ну, или не доверяю. Просто не понимаю я тебя, Лунь. Совсем. То ли от природы ты такой дурной, то ли Зоной жестоко трехнутый. До такой степени тебя не понимаю временами, что аж страшно делается.

«Долговец» какое-то время молчал, и я заметил, что за последний год он крепко постарел и осунулся. Жесткие складки от носа, тонкогубый рот, колючий, всегда очень внимательный взгляд остались прежними, еще с тех пор, когда был Седой моим знакомым,

простым командиром одной из «долговских» боевых четверок. И прическа та же — ершистый, короткий ежик седеющих волос. Но кое-что изменилось со сменой нашивок на комбезе... усталость во взгляде появилась, морщин добавилось, обрюзгшие, мелкие складочки у подбородка... да, сдал Седой. Шутка ли — группировкой командовать...

— Никогда не забуду, как ты миротворцем в схроне работал, тушенкой монолитовца-доходягу кормил. «Свободовскую» девку грудью выгораживал, а потом с ней же по всей Зоне лазил. Мало того, бандита подобрал за каким-то чертом и к его же нам на базу притащил, подлец ты этакий — эта история до сих пор притча во языцех. Дурак, не дурак... наши парни предложили вместе на контролера поохотиться, причем не за так, ясное дело, так Лунь отказывается и сам в Темную долину идет урода валить, серьезно рискуя жизнью, — с этим делом отряд не всегда справляется. Смысл? Потом пропадает считай на год, выживая в страшном замесе. Пока пропадает, похоже, у «монолитовцев», их группировка ко всем чертям разваливается, так что предположение твое верное, да, теперь точно хана «Монолиту». Мать твою, да я готов на собственную башку поспорить, что это ты там чего-то натворил, ты это можешь. И возвращается без единой царапины — здрасте, мол, я ваша тетя. Охренеть не встать. Кстати, а зазноба твоя где? Вы же неразлучны.

— Разбежались мы. Ушла она к своим.

Седой от этой последней новости совсем потерялся. Он долго молчал, покачивая головой, хмыкал, покусывал губу...

— Вот что, братец. «Ботаники» тебя посмотрят, изучат, офигеют и, скорее всего, отпустят. Так вот, когда это знаменательное событие случится, вали отсюда вприпрыжку, и чтоб на нашей базе я тебя больше не видел. Ничего личного, но... просто не появляйся ближе первого блок-поста.

Седой развернулся и покинул бокс. Рифленая металлическая дверца, тихонько скрипнув в пазах, закрылась за ним, некоторое время было тихо, затем я услышал быстрые удаляющиеся шаги. Ну, что ж... я Седого понимаю. А вот он меня, похоже, нет, хотя и очень старается.

Я поднялся с обитой дерматином кушетки и прошелся по маленькому, два на три, лабораторному боксу. Небольшая камера, светя красным глазком, начала слегка поворачиваться, следя за моими передвижениями. Белые сводчатые стены, откидной столик, кушетка и постоянно запертая дверь с круглым окошком-иллюминатором — один из не то жилых, не то лабораторных боксов научного комплекса отличался просто-таки спартанскими условиями — даже выпрямиться в полный рост не получалось. «Кольчугу-2М» и рюкзак у меня изъяли, выдав взамен комплект тонкой хлопчатобумажной одежды, более всего напоминавшей больничную пижаму, накормили безвкусным пюре да и посадили вот сюда, ничего не объяснив и проигнорировав все вопросы. Сопротивляться я не стал — все короткие просьбы ученых подкреплялись красноречивым молчанием «долговского» бойца, вооруженного АКСУ. Нужно ли говорить, что ствол короткого автомата все время ненавязчиво смотрел мне в живот, а боец очень внимательно следил за всеми моими движениями. Я, решив не искушать судьбу, покорно расстался с вещами и позволил себя запереть. Кроме Седого зашел ко мне «в гости» один лаборант, прикрепивший на стену несколько датчиков и установивший камеру, Зотова я не видел, и в голове, помимо воли, начали всплывать воспоминания о подопытных «мишенях» Координатора, и с какой легкостью предоставлялся для опытов «О-сознания» «живой материал». Не исключено, что, буде обнаружится во мне какая-нибудь любопытная аномалия, тот же Зотов разберет на суставы бывшего сталкера Луня. Исключительно в интересах науки, так сказать. Но если такое и приключится, то уж извините, уважаемая профессура, задам я вам копоты, мало не покажется. Не для того я на «Росток» приходил, чтобы подопытной крысой стать.

Примерно через час после ухода Седого дверь бокса с тихим шипением отъехала в сторону, и в помещение вошла невысокая, оранжево-кольчужная фигура с металлическим саквояжем в руках. Из нутра саквояжа на переносной столик начали выкладываться одноразовые шприцы, какие-то цветастые коробочки с множеством кнопок, штатив с

пластиковыми пробирками. И все это немного суетливо, нервно даже, ни здрасте тебе, ни как живешь. Значит, и впрямь за зомбака держат... обидно, товарищи «ботаники».

— Бу! — гаркнул я не так, чтоб уж очень громко, но сердито и с хрипотцой.

Мое хулиганство возымело совершенно неожиданный эффект. Оранжевое безликое нечто дернулось, свернув столик со всеми принадлежностями, сдавленно взвыло высоким голосом и ломанулось из бокса, по дороге громко стукнувшись пластиковым шлемом о низкую притолоку. Дверь сразу же закрылась, а вой, быстро набирающий тональность, под частый топот уплыл куда-то вдаль по коридору. Вот тебе на... пошутил, называется. Я вздохнул, подобрал с пола шприцы и датчики, аккуратно сложил их на столик и приготовился ждать.

Зотов пришел через двадцать минут. Он спокойно открыл дверь, дождался, пока бокс герметизируется, пододвинул табурет. В отличие от предыдущего визитера, профессор был без защитного комбеза, в обычном сером костюме и лабораторном халате, наброшенном на плечи.

— Между прочим, Антонину Васильевну пришлось отпаивать валерьянкой. Нехорошо, товарищ Лунь. — Проф разорвал упаковку одноразового шприца. — Что же это вы...

— А то, что после допроса, учиненного похлеще иных следаков, вы меня тут как зверька заперли, профессор. И словно с мутантом — костюмы защитные, лишнего слова не скажут.

— Ну-ну, сталкер... ваше негодование понятно. — Зотов с короткими щелчками начал откидывать пробки с пластиковых пробирок. — Но и нас поймите. Пока ничего с вами непонятно, естественно, карантин до выяснения полной картины. Сами понимаете.

— Ничего не понимаю, если честно, — признался я.

Зотов быстро взглянул на меня поверх очков.

— Вы, Лунь, можете говорить сколь угодно о том, что ничего не помните и не понимаете. Для Седого, несмотря на всю его проницательность, ваше вранье, быть может, и сгодится. Но мне-то вы можете сказки не рассказывать. Я более чем уверен, что последние события в Зоне и вы каким-то образом взаимосвязаны. И вы почему-то не горите желанием рассказать о том, что на самом деле с вами произошло. Я не настаиваю на откровенности, понятно... но то, что вы изволили врать, уважаемый, для меня очевидно.

Зотов вскрыл упаковку с медицинскими иглами, приладил одну из них на шприц.

— И как вы собираетесь... добыть якобы правду? — Я начал следить за руками профессора, готовясь, в случае чего, к быстрой и решительной обороне. Наслышан я был о препаратах, под которыми человек все как на духу выкладывает, даже и просить не надо.

— Никак не собираюсь, Лунь. От вида крови не млеете? Ах, ну да... нашел чего спросить у сталкера. В общем, мне нужно сделать анализ. Не волнуйтесь, шприц, как вы видите, пуст.

Еще немного сомневаясь, я протянул руку. Зотов перехватил ее резиновым жгутом, аккуратно проколол вену, и шприц начал наполняться темно-вишневой жидкостью.

— Я допускаю мысль, что вы и в самом деле можете не знать того, что произошло в Зоне за время вашего отсутствия. — Проф извлек иглу из вены, вручив мне взамен ватный тампон, резко пахнувший спиртом. — Приложите... да, вот так. А событий действительно произошло немало.

Кровь из шприца была разлита в десяток пластиковых пробирок, и Проф взялся за небольшой осциллограф, подключенный к мудреному на вид приборчику. По темному экрану забегала светящаяся зеленая нитка. Из саквояжа, оброненного при бегстве Антонины Васильевны, появился еще один прибор, напоминавший полевой детектор, отличавшийся разве что размером и наличием небольшого монитора. Защелкали клавиши — Зотов сосредоточенно набирал какие-то команды, прибор попискивал, давал короткие трели и выводил на монитор диаграммы и графики.

— Ух... хм... м-да... — Проф удивленно хмыкал. — Торсионное поле исключительной плотности... да уж. Регистрируются также пространственно-временные искажения и что-то не так с гравитацией. Готов поверить, Лунь, что ты в Зоне сидел безвылазно... уровень

аномальной активности такой, словно ты все это время как минимум обитал в Припяти или... хм...

— Или? — переспросил я.

— Ты был знаком с Доктором, не так ли?

— Да, приходилось.

— Твой уровень активности лишь немногим меньше, чем был у него. — Проф закрыл монитор. — Делай выводы. До анализа крови сказать пока ничего не могу, да и УЗИ на очереди, но я уже даю девяносто девять из ста, что ты человек. По крайней мере точно не пятый тип псевдоживых организмов. Сегодня посиди пока на карантине, а завтра я уже оформлю бумаженцию о выходе на базу. С возвращением, сталкер. И... наш разговор не окончен. Отдыхай пока.

Дверь закрылась, с тихим шипением произошла герметизация, и свет вдруг разом потускнел — похоже, освещение переключилось на режим «ночника». Я, скатав в пальцах шарик из пропахшей спиртом ваты, зашвырнул его в угол, глубоко вздохнул и растянулся на приятно прохладной кушетке. Рядом с изголовьем в стене оказалась небольшая выемка с клавишей, я нажал на нее, и одна из стенных панелей с негромким щелчком приоткрылась. В нише за ней оказалась синтепоновая подушка и тонкое одеяло — значит, бокс все-таки жилой, не лабораторный, как мне показалось вначале. Усталость насыщенного дня и почти бессонная ночь на заброшенном хуторе сделали свое дело. Я начал проваливаться в сон...

«— Вали его, — коротко распорядился Бер.

Думал ли ты, Лунь, что придется подышать от долговской пули? Что будут стрелять по тебе люди, с которыми пять минут назад ты дружелюбно беседовал? Один против пятерых — все... сволочь я все-таки. Хип. Прости меня, девочка. А ведь мог спокойно развернуться и позволить им расстрелять Пенку. Мог. Так какого черта, Лунь?

Я быстро осмотрелся. Прямо передо мной лежал гнилой стул с отвалившейся спинкой. Пойдет.

Стул полетел в то окно, в которое я только что запрыгнул. Тут же раздался грохот автоматных очередей. Белые фонтаны осколков, яростный визг пуль, и от остатков стула полетела щепка. Что-то больно хлестнуло по щеке, но уже через долю секунды я выставил ствол „сайги“ во второе окно, под которое успел отползти. Стрелять пришлось вслепую, высадил я весь магазин, но вязаная картечь все-таки нашла цель. Кто-то сдавленно, жутко закричал. Наверное, это был Клец... и стреляют по мне, пули влетают в окно, вспухают клубы пыли и отлетают брызги мелких осколков от стен, на гнилом подоконнике торчком поднимаются щепки, остатки рамы падают на пол. А сквозь грохот стрельбы звучит в ушах тонкий, почти на ультразвуке, писк. Пси-атака. Пенка начала „глушить“ „долговцев“.

— Собаки, Бер, собаки сзади! А-а-а!

И снова грохот очередей, громкий визг смертельно раненного пса, зашелся в жалобном вопле еще один, но лютый рык и лязганье челюстей оставшихся были хорошо слышны даже сквозь шум стрельбы.

— За Че! — Яростно и весело прозвучал молодой девичий голос. — Свободу не остановить!

И гулко, раскатисто грохнули пять выстрелов. Хип! Нет!!!

— С-сука! — Рывкнул Бер. — Бей гнид!

И я, уже не прячась, встал напротив окна. Приложился. Рядом, совсем рядом Бер. Вот он, его черно-красный комбез. Залегли „долги“, только он приподнялся, отводя руку с гранатой. Навскидку. Три раза. И граната вываливается из разбитой в лохмотья руки. Не стрелял я раньше вязаной картечью в людей. До этого дня не стрелял...

— М-мать! — с ужасом в голосе крикнул кто-то из залегших в бурьяне „долговцев“.

И время вдруг потекло так медленно и тихо, что даже грохот автоматов и визг пуль стали какими-то ватными, мягкими, пыль и мелкая щепка поплыли в воздухе, словно в чистой, прохладной воде. Я видел, как плавно падает на землю рубчатое, зеленое тельце гранаты, как отлетает от запала рычаг, вращаясь в облаке кровавых шариков. И один из

„долговцев“, молодой, ясноглазый парень с искаженным от страха лицом, медленно наводит в мою сторону автоматный ствол.

И еще до того, как из дымящегося черного зрачка показалась первая тусклая вспышка, я понимал, что это все, что под защиту стены укрыться уже не выйдет. Поздно. Слишком поздно. Автомат начал размеренно, гулко стучать, заметно отдавая в плечо молодого „долговца“, быстрые, размытые языки порохового пламени оставляли в воздухе клубы прозрачного сизого чада. Первая пуля прошла прямо над ухом — я почувствовал на виске волну теплого воздуха. Вторая жестко хлестнула в плечо, оставив мгновенное онемение, еще два... нет, уже три тугих удара в грудь. Тоже не больно, пока не больно, но я очень хорошо слышу, как на спине с коротким, сухим треском полопалась материя „Кольчуги“, сквозь которую прошли пули, да еще странно горячее, какое-то гулкое чувство в груди. Медленный, не мой выдох, и из носа вылетает красный парок, тяжело, очень тяжело отдается в ребра, огнем растекается в легких первая боль. А парень все стреляет, высаживая остаток магазина, но пули уходят вверх, потому что Хип попадает в него тугим снопом крупной дроби... и сразу вспышка взрыва, горячий воздух толкает мое тело назад, но я каким-то непостижимым образом раздваиваюсь — один из нас падает на гнилой пол дома, захлебываясь кровью и почти обезумев от боли, другой остается у окна. В побагровевшем, странно контрастном мире один из нас видит, как Хип тяжело вздрагивает от попадания осколка, роняет „сайгу“ и опускается на колени, прижимая ладони к животу, и одновременно с этим на спину валится „долговец“ — вместо лица у него появился кровавый провал, обрамленный отдельными темными пятнами от попаданий картечи. А мимо Хип на широких махах вылетают четыре крупных слепых пса, мир неуловимо ускоряется, и я уже слышу не ватные, басовитые звуки, а оглушительный грохот выстрелов, рев и стоны. Громкий, отчаянный крик еще одного „долговского“ бойца, которого в прыжке сшибает пятнистая, в клочьях слезающей шерсти псина, часто и звонко лязгают челюсти, покрытые хлопьями желтой пены, и на горле сбитого „долговца“ разом появляется широкая, безобразная рана. Псы хватают за ноги последнего оставшегося в живых „долгана“, валят на землю и рвут под захлебывающийся крик. Отдельные, короткие выстрелы, долгий, жалобный вопль подыхающего пса — „долг“ дерется до последнего, но подтягиваются остальные собаки, в пестрое месиво шкур и хвостов вливаются несколько злобно верещащих тушканов...

„Не бойся“.

„Теперь не будет больно“.

Пенка... слышу ее голос, и тут же крик Хип, страшный, отчаянный, она бросается ко мне...

„Рука, только рука“, — пытаюсь я сказать, но ничего не выходит, девушка поднимает меня и снова, снова кричит... и я не могу ее успокоить. У одного меня, до сих пор стоящего у окна, совсем нет голоса, у другого, лежащего на полу и с хрипом пускающего кровавые пузыри, чернеет в глазах от боли, и сил говорить уже просто нет. Мне хочется только одного — дышать, Но вместо воздуха в легких бурлит тягучая, соленая жидкость, в груди все сжимается в твердый, обжигающий ком. Прости, родная. Так получилось.

И Хип вдруг как-то разом замолкает, проводя окровавленной рукой мне по лицу, и тот, второй я исчезаю в кромешной тьме, в странном „ничто“, уходит в холодную пустоту, забирая с собой боль и страх.

„Я буду тебя вести, — снова голос Пенки. — Теперь бояться не нужно“.

Я вижу, как на полу сидит Хип... ей очень больно, между пальцами сочится кровь, она кивает каким-то своим мыслям и достает пистолет.

„Не нужно делать это, Хип“, — Пенка делает шаг вперед, но поздно...

А мир вдруг начинает кружиться, теряя форму, смазываясь и разрываясь в клочья, свет закручивается в воронку вокруг треугольного, хищного лика Пенки, она что-то делает с нами... и все кажется сном... ничего не было... мы победили...

„Теперь вести двоих. Это трудно“.

И я уже не вижу крови на комбинезоне Хип. Я забываю о маленьком, темном пятне на ее виске и о том, как слиплась в красную, блестящую сосульку ее непослушная русая прядь. Нет крови на полу заброшенного дома... разве что несерьезная рана на плече, да это пустяки...

— ХИП!

— Да, Лунь!

— Жива?

— А че нам сделается? — И смех, страшный, громкий, со всхлипываниями, аж заходится Хип. А выстрелы стихли, только пахнет пороховым дымом, да отнимается почему-то левая рука. А по запястью кровь бежит, красная, теплая, и рукав уже намок. И начинает припекать чуть выше локтя, уже жжжет... задели-таки. Ух, черт, как больно-то, блин... и трясет меня. Колотит просто. Неужели все? Неужели живой? Пол покачнулся, ушел из под ног, и я хлопнулся на гнилые половицы. Шок, понятное дело.

— Рука, только рука... — успел я сказать, но Хип, увидев кровь, все равно взвыла и кинулась ко мне.

— Рука, Хип, — пытался я объяснить, но, похоже, безрезультатно. У стажера была истерика. А за окном рык слепого пса, короткий подавленный стон и хруст терзаемой плоти.

Живы. Да, конечно же мы живы... не было ничего страшного, отбились, только что ранен я немного, да Хип уже накладывает повязку, пытается даже улыбнуться, хотя от пережитого дрожат губы... ничего, милая. Прорвемся... главное, выжили...

„Забывай... не смотри... не думай... — тихий шепот Пенки. — Забывай, что ты мертв... ты опять живой. Вставай, Лунь, мы идем. Монолит ждет“.

Проснулся я, похоже, без крика, и то хорошо... надо же, я уже забывать начал, что это такое — сны. В мире Координатора не было сновидений, и я как-то сразу отвык от них, забыл, с радостью отбросив от себя эти назойливые и страшные ночные видения. Везет же кому-то... нет, не видеть снов. Доктор говорил, что нет людей, которым бы не снились сны... я завидую тем, которые своих видений не помнят. Эта же гадость, я уверен, будет сниться мне каждую ночь.

Рука привычно поискала справа, я повернулся, удивляясь, куда ж это подевалась Хип...

Потом все вспомнил.

И проснулся окончательно.

Эх, Хип, березка ты моя, сталкерша... кольнуло, больно кольнуло в сердце от того, что у нас не срослось, не получилось. Будь он неладен, этот проклятый поход, как чувствовал я тогда, что не нужно нам с ней топтать к Монолиту, ни к чему работать пешками в чужой шахматной партии, на своем горбу тащить ненужные желания. Ведь почти отвела судьба от того похода, уже назад мы повернули, а вот поди ж ты... везет тебе, Лунь, в разную гадость влипать. Все ведь, уже тогда решил с Зоной завязывать, сколько можно испытывать судьбу, но... сталкер из Зоны не уходит. А если и уходит, то возвращается. Но с меня точно хватит. Одиночка я, все долги выплатил, все, что Доктор просил, — сделал. Теперь ни за что не подпишусь на сомнительное, мало того, в самом прямом смысле самоубийственное дело, буду, как и раньше, тихонько Зону топтать. На наш век хабара хватит... одиночка я. Сам по себе. Пока есть артефакты, НИИ, барыги и заказчики, жить можно, да не просто так, а даже денежку копить — ведь получается у некоторых, у того же Сиониста. С любыми авантюрами завязываем. А там, может, и с Зоной, когда нормальная, весомая сумма наберется. Будет деньга — будут и документы намного лучше настоящих, будет и домик, может быть, даже у моря, и старость тоже будет. А уж воспоминаний-то... заскучать не придется. Да, домик. Обязательно.

И я вдруг почти увидел его... небольшой, аккуратный такой, из белого камня, с широкой террасой и двухэтажной круглой башенкой. Сад, тоже небольшой, с цветами, нестриженными, запущенными кустами сирени и выложенными ракушечником дорожками. Пруд, сонный, тихий, кувшинки, и по берегам зеленая осока с куртинами тростника. А в доме — широкие окна... да, обязательно широкие, чтоб было много света. Чтобы солнце

заглядывало в комнаты, и я, сидя в плетеном кресле, мог видеть закат, не выходя из дома. А в пяти минутах ходьбы — теплое море, галечниковый пляж, жара... да, я хочу на юг, туда, где тепло, где вокруг солнце, свет, зелень. Туда, где жизнь. Жаль только, что эта мысль не пришла ко мне раньше... ведь случалось же находить редкие, ценные артефакты. Доктор отдал десяток ампул с «жизнью». Все эти «пружины», «узлы», «светляки» — сколько тысяч в импортной валюте спущено на новый дорогой детектор, хотя старый, в сущности, уступал совсем незначительно? Сколько денег всякий раз уходило на обновление гардероба, оружие и боеприпасы, непременно самые дорогие, лучшие, сколько бездарно просажено в Баре? Ух-х... не думает ведь сталкер о завтрашнем дне — сегодня жив, и слава Зоне. Ну уж нет... если и рисковать жизнью, то лучше не даром. Пройдусь я по Зоне, да по самым гадостным местам, и дешеветь не буду. Или грудь в крестах, или башка в кустах, по-другому теперь никак. Или сдохну, или все-таки добьюсь. И юга, и домика, и моря, и закатов добьюсь, зубами выгрызу Только... одно погано, по-настоящему. И цель вот появилась, и вроде все так радужно, есть, к чему стремиться, но... одному ведь придется в том домике жить. Факт, одному — никаких «веселых вдовушек», «хозяек» и прочих подруг на порог даже не пушу. На фиг. Попробую пожить только для себя, так же, как и до встречи с Хип... ведь получалось же?

Хип... ну почему мы с тобой раньше из Зоны не ушли? Почему до этого гадостного похода не сообразили, что не в Большой земле дело, а в нас одних, и что не Зона нам «родиной» стала, а мы ее таковой для нас же и сделали. Задним умом ты силен, Лунь. Помнишь ведь, как Хип тебе говорила, что лучше здесь ярко и быстро прожить, чем там гнить десятилетиями, начиная медленно, но необратимо остывать друг к другу. И ты соглашался. Дурак, вопросов нет...

И домик в моих мыслях немного потускнел. Нет, отказываться от него я, конечно, не собирался, цель — она нужна, надо, обязательно надо к чему-то стремиться. Иначе перегоришь, опустишься, привыкнешь не к жизни, а к существованию, чтоб не было так — день прожил, и ладно. Ничего. Прорвемся. Знаю теперь, что и как делать. И главное — зачем.

* * *

Наутро меня выпустили из бокса. Видимо, все анализы показали мою человеческую сущность, разве что справку не выдали, а от дальнейших исследований я попросту отказался. Зотов, впрочем, и не настаивал. Я немного погулял по кольцевым коридорчикам и переходам станции, через круглые окна любовался на «Росток», отобедал в столовой вместе с несколькими научными сотрудниками, заметно притихшими в моем присутствии. После обеда мне вернули «Кольчугу-2М» и рюкзак, в котором я обнаружил помимо своих вещей еще и два научных «рациона № 5», которые были ничуть не хуже натовских сухпайков, шесть банок хорошей тушенки, упаковку сухарей и большую пачку чая. Лаборант, притащивший вещи прямо ко мне в «номер», буркнул, что «сайгу», патроны и нож получу перед уходом, потому что сейчас «не положено». Он же оставил на столике новый ПМК улучшенной модели, уже полностью оформленный на мое имя, а также детектор аномалий, пусть и не особенно «умелый» и уже устаревший, но достаточно неплохой. Скорее всего дары эти были не случайны: Зотов или чувствовал определенную вину, или же решил помочь просто так, по старой дружбе. Камеру и детекторы из бокса убрали — видимо, наблюдение и карантин закончились для меня досрочно. Дождавшись, пока лаборант уйдет, я включил ПМК и набрал запрос по платной сталкерской сети о самых важных новостях. В Зоне явно что-то произошло за время моего отсутствия, а обрывочные, куцые данные, полученные мной через старый, «покалеченный» ПМК картинки нисколько не прояснял. Мини-компьютер выдал текст почти сразу, автоматически выделив в нем самые важные новости с независимых «свободовских» и «долговских» серверов. Из них я узнал много нового...

Приход и довольно быстрый уход с многочисленными «посадками» нового «начальства» Зоны, успевшего за семь месяцев натворить действительно серьезных дел — за это время только официально погибли в Зоне полторы тысячи военнослужащих, значит, цифру эту можно смело умножать на три. Сотни сталкеров, в основном новичков — военные, как и в старые недобрые времена, получили приказ отстреливать всех «неучтенных лиц». Военная конфронтация с «Долгом» — новые генералы-штабники умудрились одним махом сломать ту негласную дружбу, которую предыдущее руководство долго и трудно налаживало годами. Естественно, без поддержки «долговцев» все военные посты в Зоне вымерли меньше чем за две недели — солдаты срочной службы гибли целыми взводами если не в аномалиях, то в зубах мутантов. Потери были лицемерно списаны на дезертирство и БВП, и взамен погибших новое командование отправляло на смерть других бойцов, не знающих даже, что такое Зона. «Специалисты» — контрактники, призванные заменить военсталов, оказались полностью беспомощны — «полигоны, имитирующие условия Зоны», на которых они проходили двухмесячную подготовку, даже рядом не стояли с реальной Зоной. Научные экспедиции с поддержкой таких вот новоиспеченных «военсталов» провалились все до одной, притом со страшными потерями — из семнадцати групп ученых вернулись только шесть, и то не в полном составе. Работа Института остановилась — НИИАЗ начал терять миллионы и миллиарды не полученных грантов и инвестиций. Зато пышным цветом распустилась совершенно дикая коррупция на дальних блокпостах-пропускниках Периметра. Не особенно чистоплотные офицеры стремительно жирели на потоках артефактов, уходящих куда угодно, но только не ученым НИИ. Из-за случаев стрельбы в спину сталкеры научились не доверять и мстить некоторым воякам — не раз и не два из ночной Зоны прилетали гранаты РПГ, легко пробивавшие бронированные кабины вышек, на головы патрулям падали бутылки с «киселем» и начиненные «жгучим пухом» взрывпакеты, размятые «жорни» насмерть убивали технику. Новое командование не нашло ничего лучше, как отрядить в глубь Зоны колонну бронетехники в сопровождении одной мотострелковой части с поддержкой вертолетов. Что из этого вышло, было понятно и так — в ПМК просто стояло выразительное многоточие... Техника и вертолеты остались в Зоне в виде куч обгорелого и смятого металла, выжившие бойцы частью вернулись, частью вступили в ряды «Долга», и, говорят, смерть одного из штабников-генералов на совести одного такого выжившего офицера. По крайней мере меткая пуля, прилетевшая из окон заброшенного дома прямо в окошко УАЗа одного из таких горе-командиров, была явно выпущена из особо точной немецкой винтовки, которыми недавно вооружились российские военные снайперы. Кроме военных и ученых, страдали и «неучтенные лица» — сталкерам становилось очень туго без налаженного обмена и нормального снабжения. Перед лицом угрозы со стороны военных, а также совсем озверевшего «Монолита» «Свобода» и «Долг» были вынуждены заключить временное перемирие — ну, об этом мы уже знаем, неясны были только причины...

Зона тоже подкинула несколько сюрпризов, словно людям мало было искусственных проблем. Полтора месяца назад случился странный Выброс, названный «Мерцающим» — при невысокой интенсивности он длился почти девять часов, и вместо одного активного пика он «мерцал» множеством слабых скачков аномальной энергии. Сила его была настолько незначительна, что сталкеры, оказавшиеся «на улице», не погибли, хотя и серьезно пострадали здоровьем. Однако только за одну неделю после «Мерцания» было зарегистрировано семь принципиально новых типов аномалий и несколько дюжин «модификаций» старых. По факту изменений флоры и фауны были свернуты последние попытки классификации растений — новые виды зачастую появлялись и исчезали быстрее, чем их успевали изучить. В то же время в районе ЧАЭС произошел сильный взрыв, вспышку от которого видели на полсотни километров, и от Саркофага, по данным беспилотников, вообще ничего не осталось. Полосатая труба каким-то образом устояла, но при этом заметно накренилась, а в небе над Припятью до сих пор осталось странное, серебристое сияние. В это же время начали поступать сведения о том, что к постам «Долга» и «Свободы» поодиночке или целыми группами выходили бойцы «Монолита». Сдавались они по первому требованию,

зачастую появлялись даже без оружия, голодные, вымотанные до предела. Никто из них не помнил, как, когда и при каких обстоятельствах попал в Зону, кто ими руководил. Все они утверждали, что «проснулись», «очнулись» или даже «протрезвели» почти одновременно, сразу после сильной тошноты, какого-то «громкого звона в голове» и «вспышек» за закрытыми веками. Кто-то из них впоследствии погиб, беспечно выйдя к постам, кто-то сдался, и впоследствии даже влился в ряды «Свободы» — навыки обращения с оружием и мастерского выживания в Зоне никуда не исчезли, а те же «фримены» получили в свое полное распоряжение несколько тайных «монолитовских» складов с оружием, боеприпасами и провизией. «Долг» к сдающимся в плен «фанатикам» отнесся более настороженно, даже держал «военнопленных» под замком но, когда из Красного леса вышли несколько бывших «долгов», тоже начал принимать «монолитовцев» в свои ряды. Как ни странно, в одиночки никто из бывших защитников Камня не подался — наверное, сказались привычки работы в командах... но группировка «Монолит» все же не исчезла окончательно. Хотя и говорил мне Координатор о том, что его группировка с его уходом сама собой распадется, однако этого не случилось. В «активных новостях» выделенным красным шрифтом мерцало предупреждение — отдельные отряды «Монолита» продолжали стеречь Припять, мало того, их нападения после «Мерцания» стали особенно опасны. «Фанатики» в составе небольших групп стали действовать хитрее, их боевики уже не так смело шли на смерть, как раньше, напротив, они избрали тактику партизанской войны, чем серьезно досаждали всем группировкам. Взятые в плен, они утверждали, что «голос Монолита ушел, покинул нас за наши грехи», «это испытание нашей верности Великому» и «к по-настоящему верным братьям Он вернется». В отличие от «монолитовцев» прошлого, молчавших на допросах и убивавших себя при первой же возможности, эти, новые фанатики были на редкость болтливы, проповедовали охране «Слово Мудрого», охотно отвечали на любые вопросы. Толку, правда, от этих ответов не было... пленные, все как один, тоже жаловались на амнезию, но помнили «Мудрого», которому, похоже, продолжали поклоняться уже по собственной воле. Не все ты рассчитал в «своих» людях, профессор Прохоров, Координатор. И тебя уже нет, и Монолита тоже, по крайней мере на нашей страничке мира — я в этом уверен, просто знаю, хотя и не могу сказать откуда. А фанатики, рабы, которым ты, тайный лидер «Монолита», дал свободу, отпустил на все четыре стороны, все равно предпочли остаться рабами. Не знаю, профессор... ты был невероятно умен и от этого очень жесток, но, как мне кажется, все равно слишком хорошо думал о людях.

Задумавшись, я не сразу заметил, как в бокс зашел Зотов, и потому его вопрос застал меня врасплох:

— Чему вы так... улыбаетесь, Лунь?

Я поднял глаза, и ученый заметно вздрогнул, встретившись с моим взглядом.

— М-да... однако... сталкер. Вы не были таким, как бы это сказать... а, ладно. Не люблю разводить метафизику. И... да. Я убеждаюсь в том, что вы наверняка кое-что знаете. Мне хотелось бы с вами побеседовать. Не здесь, нет. Не желаете ли дойти до «Ангарыча»?

Я не возражал. В любом случае я не хотел бы говорить здесь — не было уверенности в том, что в боксе нет скрытого микрофона. И еще мне действительно хотелось покинуть тесные помещения лаборатории. Профессор довольно грамотно выбрал место для разговора — в «Ангарыче» всегда было достаточнолюдно, «долговцы» и те из сталкеров, которым позволялось пройти на территорию базы не были любопытны до чужих разговоров. Меня это устраивало, Профа, видимо, тоже. Оставалось одно «но».

— Профессор, Седой недвусмысленно запретил мне появляться на базе. Его терпение испытывать, честно говоря, не очень хочется.

— Не беспокойтесь об этом. Мы с генералом по-настоящему хорошие друзья, и я уж как-нибудь договорюсь с ним в случае чего.

Я пожал плечами, собрал вещи и вышел вслед за профессором.

* * *

В «Ангарыче» сегодня не было многолюдно. Два сталкера, мне не знакомых, усталый, смурной «долговец», занявший место у самой стойки, да еще, как ни странно, то ли «фримен», то ли просто обладатель «свободовского» комбинезона. Сталкеры тихо обсуждали что-то, склонившись над мятой «километровкой», «долг» ковырялся пластиковой вилкой в открытой банке тушенки, субъект в пятнистом комбинезоне угощался пивом. Почувствовав мой взгляд, он махнул рукой, улыбнулся, буркнул «здорова, мэнь!».

— Не удивляйтесь... этот парень что-то вроде посла от враждующей группировки. — Зотов приветственно кивнул «свободовцу». — Пока длится перемирие, он присутствует на базе... доверенное лицо Фельдшера, нового атамана «Свободы». Неплохой, я вам скажу, дипломат.

— Что вы хотели у меня спросить, Проф? — я постарался перейти прямо к делу.

— Хм... да. Конечно. — Зотов смущенно потер нос. — Вы и в самом деле очень изменились, Лунь.

Я промолчал.

— Полагаю, это не мешает разговору? Извините, но чем богат...

На столе появились пузатая бутылка армянского коньяка, извлеченная из портфеля ловким, почти цирковым движением, две чеканных серебряных стопки и большой апельсин.

— Да-да... понимаю. По-студенчески, если можно так сказать. — Зотов улыбнулся. — Конечно, вот так потреблять сей нектар, стопками, совсем не комильфо, но что поделаешь. Первый вопрос... да нет, скорее, любопытство. Где ваша спутница?

Странно, но успевший надоесть еще в разговоре с Седым вопрос не вызвал раздражения. Мне почему-то захотелось рассказать Профу все... по крайней мере из тех ученых, которых я знал в Зоне лично, Зотов был, пожалуй, самым человечным. Большинство «ботаников» сводило общение с «уголовным элементом» к минимуму — пойди туда, принеси то, поймай это. Причем не считалось зазорным отправить сталкера на почти верную смерть — и «ботаник» прекрасно знал, что такое Зона, а сталкер знал это тем более, понимал, куда идет за щедрые «премиальные» и чем при этом рискует. Поэтому никто не винил ученого, посылающего сталкеров одного за другим на смерть — ни коллеги, ни сами вольные бродяги. Никто ведь силком в Зону не тянет, сам идешь на свой же страх и риск. Потому что если вернешься — деньга от благодарного человечества, которую ты вряд ли когда заработаешь на Большой земле, честно горбатясь на нелюбимой работе. А если не вернешься — отчетов не составлять, статистику не портить, гнев начальства не навлекать. Хотя бы потому, что документально сталкера в Зоне нет, ни в каких бумагах он не значится, ибо «элемент неучтенный», и как его самого эта самая «неучтенность» устраивает, так и всех остальных, кто так или иначе с Зоной связан. Всем хорошо, все довольны... правда, с каждым годом все больше тряпья и костей по оврагам да заброшкам рассыпано. Единственно, негласно запрещались прямые «подлянки» — не предупредил «ботаник» сталкера, что до него уже народ на задание ходил и не вернулся, значит, с этим «ботаником» никто больше дел иметь не будет. Это в лучшем случае... о худших принято помалкивать. Бывало, что некоторые особенно нечистоплотные «научники» даже ПМК у сталкеров блокировали на предмет Выбросов, чтобы уж точно «мясо» до нужного участка дошло и необходимые приборы установило. Знаем, на собственной шкуре проходили одну такую сволочь как раз в тот день, когда вместе с Хип первую ходку делали. Не знаю, почему я ее, в смысле «ботаничку», а не Хип, Барину не сдал сразу по возвращении, благо все доказательства были. Наверно, потому, что еще по инерции считал ее другом или даже больше, чем другом... «самоцвет» редкий ее припер из Зоны, дурак...

Зотов из всей компании ученых поначалу даже удивил меня — сталкеры рассказывали, что по-настоящему опасные рейды Проф элементарно запрещал, даже в том случае, если от полученных данных зависела судьба очередного научного открытия. Ни в подвалы шестого корпуса на Агропроме, ни в Коржино, ни в Сказочную Рощу Зотов никогда и никого не отправлял. И говорят, устроил страшную взбучку одному старшему научному, пославшему на Янтарь большую группу новичков. Что ж, очень может быть, Зотов всегда был человеком, что в Зоне большая редкость.

— Так получилось, Проф. После... после всего мы разошлись. Стажировка Хип закончилась, всему, что знал, я ее научил. И... и еще мы очень долго были мертвыми, профессор. Мне до сих пор кажется, что я не совсем жив... многое умерло вот здесь. В том числе и... ну, вы понимаете.

— Продолжайте. — Очень серьезно сказал Зотов, поправляя очки.

— Вам знакома фамилия Прохоров?

Проф закрыл глаза, сжал губы, после чего, выдержав долгую паузу, тихо выдохнул:

— Конечно же, мне знакома эта фамилия. Профессор Прохоров был ведущим специалистом по экспериментальной медицине и... да, и еще изобретателем по-настоящему эффективного психотронного оружия. Деятельность его группы была строжайше засекречена после первых же удачных опытов, мало того, все данные об экспериментах, в том числе и те, которые находились в специальных ведомствах, были почему-то целенаправленно уничтожены. Чем занималась его группа, к каким результатам пришла, никто не знает. Нет, в том смысле, что буквально никто в мире, в том числе и те люди, которые обязаны быть в курсе этих исследований. Доходило до совершенной чертовщины — цепи нелепых случайностей уничтожили несколько архивов, охрана одного из секретных хранилищ особо важной информации лично уничтожила все носители, причем никто из сотрудников не смог объяснить, почему они это сделали. Люди, которые знали суть проводившихся работ, скоропостижно скончались во сне. И я не верю в цепь случайностей, Лунь. Доктор говорил мне, что Зона не могла появиться в результате научного эксперимента, но... я уверен, что Прохоров как-то причастен к ее появлению.

— Это верное предположение, профессор.

И я, умолчав только о перестрелке с «Долгом», подробно рассказал Зотову все, что знал. И о Монолите, и о группе «О-сознание», и о версиях самого Прохорова о возникновении Зоны. Зотов слушал очень внимательно, временами покачивая головой.

— Слишком... фантастично все это, Лунь. Настолько странно и необычно, что... мне просто ничего не остается, как поверить в ваш рассказ, так как, к сожалению, проверить его не представляется возможным, а сочинять вы бы не стали. Тем более что это действительно Прохоров, я хорошо узнал его по вашему описанию. Но я не думал, что все так серьезно и... теперь бесполезно для нас. — Проф выглядел потрясенным. — И я не знаю даже, что теперь делать с этим знанием. Ни доказательств, ни какой-либо практической пользы... теперь никакой.

— Потому что исчез Монолит?

— Да. — Зотов кивнул.

— Значит, по-вашему, он все-таки существовал?

— Безусловно, существовал. — Снова согласился Проф.

— Удивительно это слышать от вас, профессор, — я усмехнулся. — Ведь ученые особенно рьяно отрицали существование Исполнителя Желаний, мол, сказки все это, бред для новичков.

— Приказано было отрицать — и отрицали, — спокойно ответил Проф. — Я распорядился, чтобы коллектив официально объявил существование Монолита сказкой, администрация НИИ поддержала мою инициативу. К счастью, некоторые сталкеры, умудрившиеся дойти до Исполнителя и вернуться обратно, помогли мне в распространении этой легенды. Представьте, Лунь, сколько жизней было сохранено этой ложью.

Зотов сорвал с бутылки пластиковую обертку, с сочным звуком вынул пробку, и в серебряные стаканчики с частым бульканьем полился коньяк.

— Мало того... эта моя неправда, сталкер, похоже, спасла намного больше людей, чем я предполагал. Ведь если исполнение желания имело такие последствия, то мне даже страшно представить, какими узлами завязал бы нашу реальность Монолит. За это следует выпить, Лунь. Нет, правда, за это следует выпить.

Коньяк оказался тягучим, сладким, с почти шоколадным, теплым привкусом, — я уже и забыл, когда в последний раз пробовал хорошее, качественное спиртное в Зоне. Профессор

проглотил свою порцию разом, даже не поморщившись — похоже, коньяк для него был сейчас просто как вода.

— Я предполагал, Лунь... да, я действительно предполагал, что Зона — это просто сломанный мир. Земля, на которой законы природы начинают давать сбои... потому что кто-то или что-то нарушило их. Впрочем, что такое эти самые законы природы, как не соглашение между людьми относительно наблюдаемых явлений. А соглашение — это отнюдь не понимание, мой друг. Знаете, я ведь начал с недавнего времени ненавидеть Зону, да, именно так...

Проф уверенно налил еще по одной, на этот раз до краев, и свой стаканчик выпил сразу же, не чокаясь, без тостов, после чего неловко поставил его на столик. Затем, коротко выдохнув, продолжил:

— Ненавидеть так, как это может делать только ученый. Не понимать вообще ничего — это страшно, Лунь. Осознание того, что ты топчешься на месте, несмотря на все свои усилия, угнетает. Не потому, что ты глуп, нет, а просто потому, что скудным человеческим разумом, своими примитивными, слабыми органами чувств, несовершенными приборами мы просто не в состоянии увидеть подлинную картину мира и осознать ее. Не судьба лишь по той причине, что я прежде всего человек, а только потом ученый. И как бы ни старался слепой от рождения понять рассказ зрячего о синеве неба, он никогда этого сделать не сможет. Поэтому я сейчас очень завидую Прохорову... вы сказали, что он осознанно не захотел оставаться человеком в погоне за знанием? Да, насколько я его знаю, он всегда был способен на поступок. И кстати, его затея, похоже, удалась — на месте Монолита и бывшего Саркофага сейчас находится глубокая оплавленная воронка, кишашая аномалиями. Но данные беспилотников точно указывают, что ни Монолита, ни характерных для него пространственно-временных искажений больше нет. И эта сектантская группировка теперь уже точно никем не управляется, информация проверенная.

— Что с Аналитиком и Рэй, профессор? — я вспомнил помощника Профа, которого когда-то неплохо знал. Совместная ходка, даже одна, людей или сближает, или же, напротив, делает почти врагами. Особой дружбы, конечно, не случилось, но...

— Илья погиб. — Зотов помрачнел еще больше. — Почти сразу, как были введены эти новые идиотские порядки. «Специалисты», из тех, что пришли вам на замену, завели группу в Чертов хутор, и... в общем, просьбы о помощи приходили на институтский сервер еще пять дней. Две спасательных экспедиции... и, знаете, Лунь? Впервые за все время наше начальство сподобилось установить памятник ребятам. Десять ученых и семнадцать солдат, которые конечно же никого, в том числе и себя, не спасли. Да, чуть не забыл, орден вручили командиру той части, из которой он лично отбирал смертников для «почетной миссии спасения». Хоть убейте, но я до сих пор не понимаю, в чем именно заключается героизм этого человека. Помянем Илью Даниловича, сталкер. Он был действительно хорошим человеком.

Коньяк снова наполнил серебряные стопки. Выпили не чокаясь.

— И... да. Они ведь почти успели пожениться, Лунь. Ну, пусть пока неофициально, там возникли некоторые сложности с визами, документами, но заявка уже была оформлена. Сьюзен... простите, Рэй уже была готова сменить фамилию Кимски на Мирошенко. И за неделю до оформления... вы понимаете. Она сразу же уехала домой, в Штаты, бросив научную работу. Что с ней и как, не знаю, переписки у нас не получилось. Ну, а вы? Что планируете?

— Не знаю пока. — Я пожал плечами. — Освоюсь немного, прощупаю почву, начну ходить в Зону — чем еще сталкеру заниматься? А вообще, в планах завязать, если честно. Раньше как-то все равно было. Знал я четко, что сталкер от старости не мрет, а вот побывал мертвым, и... больше не хочется, если честно. Побуду, пока Зона не отпустит или пока денег не зашибу, а там попробую пожить. Как человек. Устал я немного, Проф. Не годится ведь в тридцать пять с белой башкой ходить, вам не кажется?

— Что верно, то верно, Лунь. Действительно, совсем на шевелюру белый. Я-то думал, в аномалии какой вас так разукрасило.

— Может, и в аномалии. — Я сам разлил остатки коньяка по стаканчикам. — Есть ведь жизнь за Периметром, как думаете?

— Да, наверно, есть. — Проф улыбнулся. — Послушайте, сталкер. Я так понимаю, вам нужны будут деньги и документы.

— Весь внимание.

— Видите ли... из-за последних неприятностей с нашим, к счастью, уже бывшим начальством все нормальные связи с опытными сталкерами были разорваны. Я могу понять вашего брата — после стрельбы с вышек и арестов очень сложно доверять, скажем так, официальным властям. Не спорю, мы крепко виноваты... только посадка нескольких идиотов, успевших устроить в Зоне хаос, к сожалению, не может вернуть былые взаимоотношения. Сломать — оно ведь гораздо проще, чем построить. Достаточно стабильные отношения у нас пока только с «Долгом», это хорошие, надежные ребята, умеющие выживать в Зоне и, мало того, способные грамотно защитить экспедицию ученых, но... они прежде всего бойцы, и только потом сталкеры. До одиночек в плане наблюдательности, мобильности и опыта поиска артефактов им очень и очень далеко. Я обратил внимание, что одаренный, опытный сталкер не стремится вступать в «Долг» по многим причинам. Он не враждует с Зоной, он в ней просто живет, и даже по-своему любит. И... для этого нужно призвание, что ли, определенный талант. Поэтому целый полк «долговцев» не заменит нам одного Сиониста, Фреона или Луны.

— В чем же дело, Проф? Сионист, Лихо, Фреон грамотные мужики, все поймут в лучшем виде, и я думаю, вернутся. Тот же Гопстоп всегда охотно подписывался на ваши задания.

— Я тоже так думал, сталкер. Но видите ли, НИИ фактически их предал, не просто бросив на произвол судьбы, но и молчаливо разрешив военным отстреливать сталкеров, как зверей. Ученые не предупредили вас, когда в Чернобыле-7 готовилась облава на «неучтенных лиц»... хорошо что об этом проболтался бармен и большая часть сталкеров успела уйти. Неужели вы думаете, что таких специалистов, как Сионист, не перехватили другие заказчики? Или он стал бы сидеть сложа руки, в ожидании, пока администрация НИИ снова не позовет его домой? Естественно, нет. Мы, конечно, звали опытных внештатников вернуться. Обещали деньги, льготы, извинялись... но у них давно другие заказчики, другие каналы, интересы. Да и какой резон им возвращаться к ненадежным «ботаникам», к которым у них больше нет доверия, да и вряд ли когда будет. Сионист вежливо отказал нам, Фреон нашел новые каналы сбыта артефактов, Лихо работает на «Свободу». А мы остались, простите за выражение, с голой задницей да во чистом поле. Есть, конечно, перспективные новички, но они совсем зеленые, а кабинетного лаборанта, сами понимаете, в Зону не пошлешь. НИИ благодаря нескольким бюрократам на грани научного и финансового банкротства, а охрана Периметра теперь разложилась настолько, что границы Зоны давно стали прозрачны для любого человека с деньгами... вы не представляете, сколько развелось в Зоне бандитов. В две тысячи шестом, честное слово, их было меньше. Один такой субчик обнаглел настолько, что объявил Седому ультиматум. Вы подумайте: бандит угрожает генералу «Долга», слуханное ли дело...

— Ну, в «Свободе», я даю гарантию, есть толковые искатели. Не пробовали наладить связи?

— Кхе... «Свобода». Не забывайте, Лунь, на чьей базе мы находимся. Да и... как-то сложилось уже сотрудничество с «Долгом», потому к «свободовцам» у нас имеется некоторое предубеждение. Точно могу сказать, что со стороны науки не было даже попыток выйти с анархистами на связь. Сегодня у «Долга» с ними перемирие, но можете ли вы ручаться, что завтра они не сцепятся опять? И, в случае войны, мы будем рисковать потерей лояльности «долговцев», а это, поверьте, самое последнее, чего бы нам хотелось. НИИ можно будет тогда смело распускать и отдавать Зону европейским и американским институтам в полное владение. Учитывая, какую роль играют для нашей страны эти исследования, потерять Зону означает заработать многолетнее отставание от зарубежной науки. Знали бы вы, какие прорывы сделаны в энергетике, биологии, медицине, какие

компьютеры созданы на свойствах артефактов... Зона уже продвинула науку на тридцать лет вперед, несмотря даже на то, что мы до сих пор не понимаем ее природы. Благодаря артефактам не за горами отказ от нефтяной энергетики и антигравитационные движки для космических кораблей, уже разработана совершенно новая отрасль медицины, и, хотя она пока еще на экспериментальном уровне, ее успехи поражают воображение. Мы не имеем права потерять Зону сейчас, Лунь. Просто не имеем права.

Зотов уверенно опрокинул в себя стаканчик, хмыкнул.

— Да... действительно отменный коньяк... Так вот, Лунь, мое предложение такое. Занимайся тем же, чем и раньше — ходи в Зону, ищи этот... хм, как его... хабар. Если будет желание, да, именно желание, а не обязанность, сопровождай экспедиции. Просто не продавай сомнительным дельцам то, что найдешь, не подписывайся на их задания и просьбы. А я, со стороны НИИ, гарантирую, что цены на найденные артефакты будут ничуть не меньше, чем у местных дельцов, а за уникальные образцы ты будешь получать хорошие премии — государство, наученное горьким опытом, скупиться не собирается, поверь. Также за сопровождение экспедиций и доставку приборов в интересующие точки Зоны ты опять-таки получишь немалые по нынешним временам суммы. А со временем мы сделаем тебе все необходимые документы, поспособствуем с жильем и трудоустройством, будешь хотя бы тем же самым консультантом в московском отделении Института, это работа достаточно интересная, для тебя не сложная и денежная.

— Добро, — я кивнул, прикинув, что предложение Зотова для начала может оказаться неплохим заделом, шагом к тому самому домику. — Но у меня будет одно условие.

— Да?

— Хип. Пусть она получит те же привилегии, «белые» документы и возможность нормальной жизни, если решит покинуть Зону.

— Но... она ведь не будет работать на НИИ?

— Скорее всего не будет. Но ведь оформить ее работающей не так уж и сложно, верно?

— Хм, Лунь... Хорошо. Пусть будет так. Я согласен.

— Тогда по рукам, — я протянул ладонь, и Зотов охотно ее пожал.

— По рукам, старший научный сотрудник Лунь. — Проф улыбнулся. — За вами, кстати, отныне сохранена ведомственная квартирка в Чернобыле-7... Но, к сожалению, после известия о вашей смерти оттуда все вынесли, осталась только мебель, да и та в не очень хорошем состоянии.

— Я туда, если честно, возвращаться уже и не планировал, так что не страшно. Есть где спать и сготовить чего-нибудь горячего — уже хорошо, большего и не надо.

— В таком случае я оформляю пропуск на ваше имя. — Зотов поднялся. — И постараюсь договориться с Седым, чтоб не препятствовал вам свободно входить если не на весь «Росток», то хотя бы на нашу научную станцию.

* * *

«Жизнь налаживается», — подумал я, найдя свой тайник нетронутым. И «алмаз», и дистиллятор, и пистолет с детектором были на месте. «Прошитый» ПМК я, после некоторых раздумий, все же положил в рюкзак. Пусть компьютер за счет особенной, встроенной в схему платы уже не мог отправлять сообщения и подключаться к платным сетям, однако все прочие функции он сохранил, не исключая и полезной дополнительной — оставаться неузнанным при любых запросах с серверов. Машинка крепкая, очень надежная, практически «неубиваемая», а дополнительный ПМК, насколько я знаю, таскали с собой многие сталкеры, в основном забывая всю память второго мини-компьютера «игрушками», музыкой и даже фильмами. Оно и понятно — в случае «глушняка» или затяжного Выброса в хроне приходится сидеть подолгу, когда даже не часы — минуты считаешь после того, как и выспался, и наелся, и занять себя нечем, а «глушняк» еще даже за половину не перевалил. Единственно, перед тем как упаковать старый ПМК в рюкзак, я вынул из него «убитый» блок питания и вставил новый, на «вспышке» — Зотов позволил взять несколько полезных

вещиц на складе станции. Естественно, я не скромничал — к дополнительному блоку питания набрал сменных фильтров для дистиллятора, солевых таблеток, упаковку нейростимуляторов и исключительно полезных в Зоне «медицинских наборов № 7», в которых были и аппликаторы, и антибиотики, и заживляющие средства, — несмотря на небольшой вес и компактность, набор этот был отличным дополнением к «штатной» походной аптечке сталкера. Кроме этих приобретений в нагрудном кармане комбеза лежали зеленая пластиковая карта-удостоверение «внештатного полевого научного сотрудника» с моим портретом и паспортной фамилией. Неожданное повышение из «внештатных лаборантов» до «старших научных» давало приятные возможности не отчитываться у пропускников и не шараться от военных патрулей. Естественно, за роскошь обладания такой картой придется отрабатывать на НИИ, но игра определенно стоила свеч. Тем более что к скромным требованиям сталкера, а по совместительству «старшего научного» НИИ придется прислушиваться немного внимательнее, чем раньше. Главное — не нагнеть.

Проф выполнил условие договора. Хип конечно же не досталось звания «старшего научного», а в остальном ее пропуск полностью соответствовал моему. Зеленая карточка «полевого научного сотрудника Архиповой Алены Андреевны» с когда-то родным, таким знакомым лицом на цветной фотографии, залитой в прозрачный пластик. Надо же, даже веснушки видны... Хип. Я поймал себя на том, что внимательно рассматриваю фото на пропуске. Зотов оформил ее как моего непосредственного помощника, но уровень доступа вполне позволял ей находиться в Зоне и без сопровождения. Надо бы дойти до Армейских складов — в ПМК на мой запрос уже пришел ответ, что Хип дошла до своих, жива-здоровая, хотя и необычно замкнута, молчалива, даже не явилась на небольшой «междусобойчик», устроенный Фельдшером по факту «воскрешения» и возвращения девушки в свою группировку. Немного обидно было от факта, что сообщение, отправленное на ПМК Хип, осталось без ответа, поэтому пришлось узнавать о ее возвращении из обычного сетевого трепа «Свободы». Больше писать я ей не стал, но в одну из ходок решил дойти до Армейских — передать пропуск, ну и... поговорить, что ли. Ведь не ссорились, расстались не врагами, так отчего бы не посидеть где-нибудь в баре, в том же «Старом Жмоте», открытом «свободовцами» в бункере бывшего Кордона. Не то чтобы скучаю, нет, но... а, ладно.

Я сунул пропуск Хип в карман, затянул завязки рюкзака, проверил «сайгу», думая над маршрутом до Чернобыля-7. Через Свалку на бывший Кордон идти не хотелось, тем более Проф предупредил о том, что у развалин депо периодически появляются банды. Можно было попробовать пройти по Гнилой балке, там сейчас должно быть достаточно чисто — дождей, судя по сухим ямам у гигантской горы из бетонных обломков, ржавых балок и глинистой земли, давно не было. Исследовав склоны ближнего террикона на предмет скатившихся вниз артефактов, я пошел через чахлую рощицу на юг — к Кордону и дальше, по «новым» землям к научному городку.

Найти что-то в пересохших, в крупных квадратах потрескавшейся глины впадинах и небольших горках ржавого мусора было сложно. Во-первых, не водилось здесь серьезного товара, во-вторых, все сколь-нибудь пригодное для обмена подметалось сразу после Выбросов местными «мусорщиками» — обитателями развалин у ворот «Ростока». Обычный улов здесь — «трубки», «жгучая слизь», «русалочьи слезы», иногда «самоцветы» довольно низкого качества. Если повезет — «медуза» или даже «выверт», но обычно за день блужданий между кучами набирает местный сталкер хабара на банку тушенки, бутылку скверной водки и полбатона серого хлеба. Вон, кстати, ходит один такой, в шитом-перешитом комбине зоне, ворошит длинной палкой кучи гнилой листвы, заглядывает под обломки. Увидел меня, мазнул равнодушным взглядом заплывших глаз на испитом, синюшном лице и снова начал бродить по склонам фонающихся гор, наплевав и на радиацию, и, похоже, на собственную жизнь. Нет... ловить здесь точно нечего.

Успел я подзабыть Зону, даже немного отвыкнуть от нее, и потому шел не торопясь, стараясь держаться в стороне от провешенных тропинок. Правило здесь простое: по «чистым» тропам ходить компанией хорошо, в идеале — с группой бойцов «Долга», для которых, собственно, эти самые тропинки и провешены. А одному лучше не рисковать —

засад на Свалке и в спокойные времена хватало, а уж теперь и подавно. Места здесь «грязные», счетчик потрескивает постоянно, и не сказать, чтоб фон был серьезный, но эти тихие хрустящие звуки уюта совсем не создавали. И — крохотные болотца по пути, или пересохшие до первых затяжных дождей, или заполненные лоснящейся черной грязью. Хрящеватый, грязный песок, куртины желтой травы, широкие проплешины, которые желательно обходить стороной. И — лес. Ну, это, конечно, громко сказано, так, редкие чахлые деревца, которые сталкеры почему-то называли «карандашником», — с красноватой корой, ломкими веточками и прыщеватыми, изъязвленными листьями непонятной формы. Или осинки, обреченные засохнуть после очередного ядовитого дождя, или мутированные березки, обожженные «кислотным туманом», не поймешь. И посреди вот такого «карандашника», сгущающегося временами в непроходимые кусты, растут отдельные мощные деревья, из тех, чьи мутации оказались полезными для выживания в Зоне. Дуплистые, закрученные винтовыми колоннами, изломанные невероятными углами, эти бывшие сосны и рябины уже ничем не напоминали своих предков. На границе Свалки и Кордона лес становился заметно гуще и темней, под кронами деревьев частенько попадалась местная «дичь», в основном слепые псы, реже псевдособаки или кабаны — в особо тоскливые в плане заработков времена я захаживал в эти перелески. Копыта кабанов скупали ученые, при удаче случалось добыть крупную, здоровую псевдособаку — удивительное дело, но ее внешне неказистый, грубый мех почему-то пользовался огромным спросом, особенно ценными были хвосты. Буроватый, пятнистый, с длинным ворсом и коротким серым подшерстком, он стал почему-то очень моден среди миллионеров — возможно, по причине особенной редкости. В кустах у заброшенной дороги я видел пару ободранных туш псевдособак, до которых еще не добрались падальщики — следовательно, спрос на мех сохранился. На мою долю трофеев, правда, не нашлось — из всей живности я встретил пока только пару плотей, да и те поспешно скрылись за развалинами фермы. Но это, как оказалось, пока...

Зона, поганка, устроена по максимально подлой схеме: когда идешь осторожно, внимательно исследуя дорогу, — никаких неожиданностей не будет. Спокойно доберешься до схрона или Периметра — проблем нет. Но стоит только чуть отвлечься, расслабиться — получите, что называется, и распишитесь.

Первый невидимый кулак, словно сотканный из разом сгустившегося воздуха, с коротким, гулким звуком стукнул в грудь так, что я не просто свалился, но и пролетел по воздуху метра два точно. При падении в рюкзаке что-то громко хрустнуло, сверху на меня навалилась невидимая, но при этом плотная, ощутимая тяжесть. Та же сила, что придавливала меня к земле, попыталась выдернуть из рук «сайгу», но я вцепился в нее намертво. Незримый враг, обдав меня смесью запахов озона, гнилого мяса и какой-то пронзительной кислотины, безуспешно подергал оружие, после чего я почувствовал, как на поясе щелкнули застежки кобуры. Мой «глок», несколько секунд повисев в воздухе, улетел в канаву, а возле уха, больно кольнув осколками щеку, об асфальт разбился камень. Я разглядел на фоне длинной покосившейся стены фермы нечто прозрачное, заметно преломляющее воздух, под тихое «трансформаторное» гудение уплывшее в сторону кустов. Тяжесть немного свалилась, и мне удалось, правда, не без труда, подняться на ноги. И кстати, я это сделал вовремя — гудение немного усилилось, затем раздался короткий, переливчатый свист, и еще один камень раскололся на дороге десятком стремительных светлых брызг. Молодец, Лунь. Без приключений ты не можешь.

Нарваться на полтергейста здесь, у границы Кордона, было неслыханным делом, так как даже на Диких территориях и в Припятских домах эти твари считались редкостью. Такой редкостью, что некоторые сталкеры считали их выдумками, обычными байками у костра, а ученые только пожимали плечами — трупов полтергейстов или хоть каких-нибудь документальных свидетельств их существования у науки не было. Признаться, я и сам не доверял рассказам некоторых бродяг о встречах с тварью, но тот же Сионист вполне серьезно говорил, что, мол, да, есть такие, встречал.

«Не шевелись... встань, как столб, и дыши через раз, — вспомнил я его слова, — оно слепое и глухое, понимаешь... ты его не видишь, и он тебя видеть тоже не может. И пока стоишь, не двигаешься, ты для него элемент пейзажа. Начнешь шевелиться — хана».

И я не шевелился. Потому что в воздухе совсем недалеко от меня висела острая железная скоба, с поразительной легкостью выдернутая из поваленного телеграфного столба. Большая такая, ржавая буква «С» с острыми рогами, замершая на фоне серого неба, даже не покачивается, зараза, а в кустах да за стенами изредка слышалось электрическое гудение, потрескивание и странные сильные вздохи. Похоже, прав Сионист... не двигаться. Может, уйдет тварь.

Но полтергейст никуда не уходил. Я видел, как в воздухе кружит временами не то сгусток синеватого газа, не то нечто прозрачное, преломляющее свет, словно через большую линзу, — тварь, потеряв меня, убираться не спешила, видимо, ожидая момента, когда я пошевелюсь. Должно быть, в курсе, что здесь я, никуда не утек, и потому стерегла то самое движение, которое могло бы стать для меня последним.

Через полчаса начали ощутимо затекать ноги, на запястьях, как назло, забегали мураши от которых начала сильно чесаться кожа. Полтергейст затих, однако скоба все еще висела в небе, очень неприятно целясь в мое лицо двумя ржавыми остриями. Вот ведь проклятие... настырная попалась тварюга. Странно, почему ее не видно совсем, только пахнет странной, тошнотворной смесью прокисшего мяса и грозовой свежести, да изредка блеснет в кустах синяя ниточка разряда. Сколько вот так, интересно, придется простоять? Знал бы, лучше б и не поднимался с асфальта, лежать оно всяко проще. Полтергейст все не уходил...

И тут из-за стены заброшенной фермы показалась огромная, уродливая морда с треугольным провалом на месте носа. Вздутый шар глаза, вылезший далеко за пределы тесной для него глазницы, после нескольких быстрых движений остановился на мне, проваленный, морщинистый рот на неровной багровой харе удивленно приоткрылся. Псевдоплоть, одна из, наверное, самых глуповатых мутантов Зоны, рассматривала странного сталкера, который торчал столбом посреди дороги, не делая никаких попыток напасть или скрыться. Глухо хрюкнув, мутировавшая свинья гулко топнула заостренным копытом в асфальт и немного присела на длинных, тонких ногах, так мало подходивших к вздутому, грушевидному телу. Реакции с моей стороны, по понятным причинам, не последовало, хотя псевдоплоть уже готовилась отскочить в кусты. Зато отреагировал полтергейст — железная скоба плавно повернулась остриями в сторону мутанта.

Псевдоплоть, еще шире раскрыв запавшую, слюнявую пасть, топнула намного громче, издав дополнительно короткий, громкий взвизг, и снова приседая, готовясь отскочить при первом моем движении. Вздутый глаз с маленьким, серебристо поблескивающим зрачком начал быстрые, короткие движения, изучающие меня с ног до головы. Тварь осмелела, вышла на дорогу и начала заходить со спины... погано. Чертовски погано... знал я о подлой повадке плотей, подкрадывающихся сзади и одним мощным ударом вонзавших передние копыта в почки сталкера. Выжить шансов при таком ударе нет никаких — на ногах твари настоящие роговые копыта с зазубренными краями. Даже если выдержит бронированная ткань комбеза, силы удара все равно будет достаточно, чтоб сломать ребра и разбить почки — а это гарантированная, мучительная смерть. Слышу, подходит, скотина, цокает копытами по асфальту, все ближе, а над головой медленно поворачивается железяка — полтергейст явно почувствовал новое движение, он, похоже, озадачен и не торопится швырнуть в псевдоплоть свое «оружие». А та уже рядом, слышу даже, как натужно, с хлюпаньем сопит дырой носа, нюхает возможную добычу. Все... ждать нельзя, иначе сейчас получу в почки два роговых копыта. Э-э-эх...

Плавно присев, я кувыркнулся вперед, болезненно приземлившись на правое плечо, перекатился, не выпуская из рук дробовика. И в тот же момент напуганная неожиданным движением плоть, взвизгнув, с топотом отскочила. Вопль твари слился с сочным, ледяным звуком расколотого черепа — полтергейст все-таки выбрал более крупную цель. Скоба не просто вонзилась в широкую башку псевдоплоти — она развалила ее почти пополам, отчего мутант сразу грохнулся на брюхо, подогнув клешнятые ноги. Из разрубленной головы на

асфальт плеснуло темной, дымящейся кровью вперемешку с белыми прожилками мозговой кашицы, плоть в короткой агонии часто заскребла копытами, пару раз гулко булькнула и завалилась на бок. «Трансформаторное» гудение усилилось, и прямо над моей головой проплыло светящееся синее облачко в тусклой сетке молний. Сверху пахло теплой вонью, шевельнулись волоски на руках, но полтергейст, не обращая на меня никакого внимания, подлетел к мелко вздрагивающей туше. Светящийся сгусток замер, несколько раз ярко вспыхнул и погас. На месте синего «электрического» облачка появилось бледное, оплывшее тельце с короткими обрубками вместо ног, конической головой и двумя необычайно длинными, костлявыми руками, напоминавшими паучьи лапки. Существо, поведив по сторонам крошечной головой на складчатой, треугольной шее, повернулось в мою сторону — два выпученных бельма на слепом, вполне человеческом лице непрерывно двигались, кукольный рот расплылся в широкой, слюнявой улыбке, тварь хрипло мяукнула и начала копошиться в раскроенном черепе псевдоплоти. Тонкие, длинные руки, сложенные «лодочкой», сноровисто вычерпывали кровь и мозг, полтергейст сопел, хлюпал и чавкал, временами урча, словно голодный кот.

У меня возникла совершенно сумасшедшая мысль... ПМК последних моделей оборудовались весьма неплохой камерой, позволявшей снимать даже короткие ролики. Расстояние до питающегося полтергейста было пустяковым, меньше двух метров, было еще совсем светло, и я, вместо того чтоб воспользоваться моментом и пристрелить опасную тварь, начал его снимать на встроенную камеру. Полтергейст самозабвенно жрал еще несколько минут, совершенно не замечая меня, распластавшегося на асфальте с ПМК в одной руке и дробовиком — в другой. Выстрел последовал только тогда, когда тварь, округлившись от плотно набитого брюха, начала неспешно окружать себя дрожащим электрическим облаком. Заряд картечи практически в упор разорвал полтергейста пополам, и я понял, почему до сих пор у ученых нет ни одного доказательства существования этих тварей — куски, шипя и брызгая темной жижой, разлагались с совершенно непостижимой скоростью, на глазах превращаясь в мутные лужицы. Тонкие, хрупкие кости разваливались под собственным весом, от мокрых пятен поднимался смрадный парок... естественно, весь процесс тоже был заснят. Пожалуй, эти материалы принесут доход больший, чем какой-нибудь редкий артефакт — продешевить я не собирался. Раньше по крайней мере такие съемки, даже не особенно качественные, запросто могли покрыть расходы на неудачную недельную ходку в Зону, а в случае по-настоящему редких кадров — и весьма существенный навар. Жаль только, что не прихватил я с собой очень полезных в Зоне контейнеров для биологических образцов — дельная мысль, как всегда, пришла немного позже, чем следовало. Мне ничего не оставалось, как, стараясь держаться к ветру боком, наскрести немного чудовищно зловонной слизи в пузырек из-под лекарств. Надеюсь, этого «ботаникам» хватит для начала... и только когда в магазин «сайги» был вложен недостающий патрон, пузырек упакован в полиэтиленовую пленку, а ПМК с отснятым материалом отправился в карман, я почувствовал адреналин в крови. Ощущения, кстати, не самые приятные — долбит сердце, мелко дрожат руки, подташнивает — а то страшно ведь по-настоящему, нешуточно. И тот сталкер, кто говорит, что не боится, или врет, или же в Зоне ни разу не бывал. Зараза... а если бы мне промеж глаз этой скобой прилетело? Или оглушило дикой болью от пробитых почек — ведь уже примеривалась плоть, как бы половчее копыта вонзить, я это спиной чувствовал... и что самое интересное, пока стоял и мутанта фотографировал — почти не страшно было. Когда вперед кувыркался, уворачиваясь от удара псевдоплоти, — тоже. Но теперь, когда уже все вроде, колотит. Для этого и держу во внутреннем кармане «Кольчуги» небольшую стальную фляжку с «допингом». Удивительное дело, но кто-то из «долговских» умельцев сохранил рецепт покойного Барина, и потому крепкая, вышибающая дух анисово-полынная настойка не случайно называлась «слезой контролера» — с непривычки заплачешь, факт. Но и от нервного колотуна напиток в самый раз — и много, при всем желании, не выпьешь, и в голову хорошо дает, хотя и не отупляет, и на координации движений не сказывается. Водка в этом плане намного паршивее, хотя, за неимением других снадобий, в Зону лучше без нее не ходить. Бред,

действительно бред, что спиртное радиацию выводит, так, предлог благовидный, чтоб под флагом заботы о здоровье невозбранно нажраться после ходки. И польза от выпивки, в общем, сомнительна, если за Периметром в тепле да уюте ее глушить. Если чуть дал сталкер слабинку, увлекся бутылкой — все. Здесь народ спивается страшно, мгновенно, без возврата, и пьянь в Зоне живет до первой аномалии. Был всего один пьющий по-черному сталкер, которого, видно, сама Зона берегла, да и тот, наверно, до сих пор где-нибудь бродит в виде зомби. Но и совсем без спиртного здесь на самом деле никак нельзя. Не от радиации оно спасает, а от не вовремя съехавшей крыши, от паники, от ужаса Зоны. Не то чтобы лекарство от этих напастей, нет, но что с водкой в Зоне намного легче, чем без нее, это факт. Даже Сионист, строгий трезвенник в Баре, никогда не заказывавший ничего крепче минеральной воды, в Зону брал маленькую плоскую фляжку. Ух... хорошо... огненная горечь прокатилась по пищеводу, тут же мягкое, ласковое тепло толкнуло в голову, заставило размеренно, спокойно биться сердце. Сделав еще один маленький глоток, я завернул пробку, в последний раз посмотрел на пенистое, дымящееся пятно на асфальте и направился к старому Кордону. К вечеру можно было вполне рассчитывать на ночевку в баре «Старый Жмот», открытом «свободовцами» в бункере, где когда-то торговал известный на всю Зону барыга.

* * *

«Мелочевку» сдавать любым встречным барыгам «инструкциями» ученых, на которых я теперь фактически работал, не возбранялось. Зона кроме по-настоящему ценных, интересующих науку артефактов производила и «бижутерию» — множество мелочи, свойства которой были давно изучены или же вовсе не обладавшей никакими аномальными характеристиками. «Черные кораллы» из «жарок», «русалочьи слезы», «самоцветы», «трубки», «вдовьи глазки» — эти и еще с полсотни как минимум других разновидностей местного мелкого хабара науку вообще не интересовали, и если ученые покупали «ляльки», то уже на свои деньги, в коллекцию, либо для перепродажи. Ассортимент «бижутерии» обновлялся после каждого Выброса, и сталкер, притащивший «ботаникам» какую-нибудь невиданную вещицу, мог сорвать неплохой куш, однако уже очень скоро цена нового артефакта, буде тот оказывался пустяковым, падала с нескольких десятков тысяч до стоимости пачки патронов или пары банок тушенки. Зато «бижутерия» всегда пользовалась стабильным спросом как среди барыг, так и среди посредников. Словно сговорившись, эти две группы местных торговцев предлагали за мелочевку зачастую просто смешные цены — не раз бывало, что за десяток неплохих «самоцветов» я получал всего тридцать-сорок зеленых рублей. В то же время, и я точно это знал, на Большой земле один такой «самоцвет» покупался коллекционерами и ювелирами уже за сотни и даже тысячи долларов. Впрочем, при находке особенно красивого камня можно было и поторговаться — барыги легко шли на уступки, увидев редкую расцветку или размер. Сегодня, собственно, на «самоцветы» я разжился — мощная знакомая «плешь» на склоне песчаного холма заметно сместилась за время моего отсутствия, и в покрасневшем, пылеватом песке я отыскал несколько мелких камешков насыщенного кровавого цвета с ярким стеклянным блеском на гранях. Чуть дальше, уже в зоне действия аномалии, виднелось еще пять отличных «самоцветов», но ползти за ними я уже не рискнул — «плешь» обманчиво мягко потянула за руку, поднялся слабый ветерок, а в пальцах начало неприятно покалывать от прилившей крови. Палку, которой я попытался достать камешки, с громким хлопком затянуло в центр аномалии, в тугой, мутно-радужный слой сжатого страшной тяжестью воздуха, где и превратило в тонкий серый блин под глухой, утробный рокот потревоженной «плеши». Решив не искушать судьбу, я быстро убрался от гравитационной аномалии. На небольшой свалке строительного мусора, оставшегося с незапамятных времен у заросшей асфальтированной дороги, я нашел две маленькие «трубки» и «трутовик» — тоже не ахти что, но на ужин в Баре хватит точно. Место было интересное, по ходу, не особенно изученное. Полазить в кучах битых кирпичей, разбухшего гипсолита и проржавевших панцирных коек следовало бы внимательнее — как ни странно, именно вот в таких горках разнородного мусора иногда

появляются вещи, которые вполне могут обеспечить пару-тройку лет безбедного существования. Горик Сипатый на такой вот заброшенной свалке нашел свинцовую оболочку от кабеля... точнее, эта оболочка была когда-то свинцовой. Ученые так и сказали — свинец, мол, с золотом совсем рядом стоит, вот и произошла спонтанная трансмутация элементов. Сказать — сказали, а вот отчего оно так получилось и почему, это уже, извините, не к нам, сами догадайтесь. Спрашивали Горика, где, мол, и как нашел, а он от счастья и выпитой на радостях бутылки еле языком ворочает. Ну, допытались, когда протрезвел, что в яме и что земля там была совсем черная, пережженная, словно от мощной «жарки», сыпалась как зола. И оболочка от кабеля густым, желтым светом отблескивала аккуратно из середины выгоревшей ямины, и внутри нее даже остатки проводов были, тоже сгоревшие, в оплавленной изоляции. И еще, говорил, фонило из ямы как надо, хотя сама шестикилограммовая золотая труба чистой оказалась. И в плане радиации, и в плане самого золота. Отсыпали ему ботаники за нее богато... не столько за сам металл, сколько за научную ценность находки. Понятно, что гонорар в десятки раз меньше положенного был, однако и снарягой Сипатый закупились самой лучшей, и ствол недешевый приобрел, и заначку большую сделал, не считая того, что неделю весь Бар за свой счет угощал. Плохо, правда, история эта закончилась — подловили Горика бандиты. Кто труп нашел, рассказали, что живого места на сталкере не осталось. И комбез отличнейший, и оружие, и, видать, тайник с деньгами Корольку отошли, что лютовал когда-то на Свалке со своими отморозками. Не от большого ума — удачей хвалиться... а сталкеры с тех пор начали в «жарки» свинец кидать, старые аккумуляторы курочить, такие же «выгоревшие» ямы искали, да толку не было. Не хотела больше Зона никого так одаривать.

С сожалением вздохнув, я посмотрел на небо — смеркаться еще не начало, но время уже было предвечернее, легкий намек на сумерки обозначился под кронами небольшой рощицы, где, собственно, и виднелись пестрые, просевшие мусорные холмы. Местечко скорее всего уловистое, но спешки оно терпеть не станет, чувствую, что гробануться тут можно на счет раз: и деревца местами враскоряку, и травка на холмиках не растет совсем, и еще боковым зрением вижу, как что-то в воздухе сереет узкой такой, косой полоской, словно дымок от костра тянется над кучами. Вернусь. Обязательно вернусь на это место на весь день, чтоб очень медленно, аккуратно полазить между горок. Можно было бы и сейчас, но... Эх, Хип, не хватает мне твоей помощи. На пару с тобой щелкали мы такие участки не сказать что просто, не как орешки, но щелкали. Ты на подстраховке, смотришь, пока я в перспективный, хабаристый участок лезу — со стороны многие бяки лучше видно, да и две пары опытных глаз куда лучше одной. И за спину я был спокоен и... и легче мне с тобой было, факт. Тяжеловато заново привыкать в одиночку по Зоне лазить...

И вдруг накатило к горлу шерстяным, колючим комом. Я просто встал, не совсем понимая, отчего бы это, давно уже все спокойно, нейтрально даже воспринимаю, правильно Зотов подметил, что я каким-то заторможенным, серым вернулся. А вот поди ж ты. Не скучаю, не жалею, а погано так, что хоть вой. И не в аномалиях дело, не в свалочке этой интересной, и не в необычной, прохладной пустоте там, где раньше я чувствовал твое плечо. Просто погано. Жжет в сердце непонятной, слепой тоской, нехватка чего-то, острая, сильная, а чего именно — пока не пойму сам. Тоска.

Не в моих привычках так делать, но... рука уже тянется к карману с фляжкой. Глоток. Еще один. Третий. Ну, вроде полегчало на душе от жаркой, крепкой горечи, и посудинка стала еще немного легче, уже наполовину где-то в ней плещется. Ладно, антистрессовый препарат переводить не буду, пригодится на более острые случаи. А вот в баре этом «Свободовском», в «Жмоте», видит Зона, я сегодня накушаюсь. «Самоцветов» и прочей мелочи вполне хватит не только на патроны, но и на пару емкостей более-менее крепкого алкоголя, того же коньяка, пусть не пяти звезд, но все же... должен быть у «фрименов» некоторый ассортимент, на то они и «фримены». По крайней мере слышал я от Зотова, что снабжение «Свободы» с некоторых пор наладилось. Все, на фиг, настроения нет совсем. Пора топать к бункеру на Кордоне.

Когда я вышел к низкому, заросшему травой холму, на котором не сразу даже можно было разглядеть толстую стальную дверь, уже заметно стемнело. Не настолько, правда, чтоб не рассмотреть большой лист из покрашенной ДСП, на котором довольно талантливо был изображен толстяк с недовольным, кислым выражением лица. «Хабар принес?» — вопрошал он через облачко, вылетающее изо рта, а на втором облачке, изображенном над головой, можно было разобрать надпись: «Бар Старый Жмот» и помельче — «территория Свободы».

То, что здесь действительно территория «Свободы», я понял еще на подходе к бывшей «Деревне Новичков». Заброшенный поселок снова «ожил» — бурьян, густые заросли кустов, мелкие деревца были вырублены как в самом бывшем селении, так и вокруг него — нужен обзор. Мало ли, бандиты пожалуют или из «Монолита» какой отряд — нельзя, чтоб враг незаметно подобрался. По этой же причине на коньке одной из крепких крыш совершенно непостижимым образом было закреплено кресло — и в нем, вольготно развалившись, сидел, похоже, «свободовец» в пятнистом комбезе. Ленивая, расслабленная поза, впрочем, вовсе не означала, что «фримен» бездельничает — меня он заметил издалека, даже рукой помахал, передвинув, впрочем, мощную немецкую винтовку с оптикой поближе к себе. Кто бы что ни говорил, что «свободные», мол, раздолбай, пьяницы и наркоты, а на деле оказалось, что группировка очень даже грамотная, сильная и в общем и целом серьезная. Идеологическая работа «Долгов» приносила свои плоды, черно-красные активно занимались пропагандой и информационной войной, а «Свобода», напротив, в агрессивной рекламе своей группировки замечена не была. И кстати, сам я в свое время был уверен, что «свободовцы» — разновидность бандитов, и их базу всегда обходил десятой дорогой. Стреляли они по мне как-то раз, причем до сих пор не знаю за что и, вообще, были ли это «свободные» или же отряд мародеров в их характерной, зелено-пятнистой снаряге. И Лихо, и Гопстоп, да и Сионист с «фрименами» нормальные отношения всегда имели, почему и встречали этих сталкеров на Росток, мягко говоря, прохладно. А вот у меня как-то больше с «долговцами» дружба была, ну, до той перестрелки. Хип, молодчина, все мне популярно объяснила тогда, что есть такое «Свобода», чем живет, почему с «Долгом» не дружит и отчего столько гадостей про эту группировку говорят, а все равно народ к ним шел, идет и скорее всего будет идти. Бывало, очень тяжело приходилось «фрименам», теснили их и армейцы, и «Долг», и снабжение накрывалось не раз, и «Монолит» крепко портил кровь — ничего, выжила группировка. А во время трудностей, когда иной день и есть нечего было, все, кто слаб оказался, разбежались, но костяк оставался у «фрименов» крепкий, и мясо на нем нарастало быстро. Наверно, потому и не справился со «Свободой» «Долг», несмотря на всю свою немалую силу, опыт и идейную крепость. Хватило, видно, у Седого ума понять, что от войны устали все, и пользы от нее нет, и лучших людей она, война эта, забирает. Что драка между группировками выгодна была прежде всего тем, кто с Зоны жиреет, но никак не самим сталкерам, главный «долган» понимал тогда еще, когда был командиром боевой «долговской» четверки. Правда, зная его, уверен, что ненавидит Седой «фрименов» так же, как и раньше, холодной, спокойной ненавистью, но при этом понятно ему, что с враждой пора завязывать. У «Долга» и без того хватает головной боли, да и на бывших друзей армейцев надежды больше нет, если раз предали, где гарантия, что не будет второго. Слышал я из разговоров на Росток, что играли у Седого скулы, колюче блестели глаза и с хрустом сжимались кулаки, когда он, собрав группировку, приказал прекратить войну с «фрименами». Как громко, с ревом и гневными криками отреагировали его бойцы на эту речь, и даже камень полетел в лицо генерала, рассек скулу, но Седой просто вытер кровь и спокойно повторил приказ. Дисциплина все-таки взяла свое, несмотря даже на брошенный кем-то в сердцах камень, матерщину и волну возмущения, генерала своего бойцы уважали, умел Седой, хорошо умел это самое уважение внушать. После того спокойного, негромкого повтора приказа несколько минут стояла тишина, генерал смотрел на своих людей, время от времени вытирая ладонью кровь со щеки, и вдруг как-то разом все «долговцы» хором гаркнули: «Есть прекратить боевые действия со „Свободой!“» И разошлись после команды «вольно!». Не будет между группировками дружбы. Мир скорее всего какое-то время сохранится, но друзьями им не бывать точно. Впрочем, как говорит старинная мудрость,

худой мир лучше доброй войны. Не все с этим согласились, и ушел с Востока большой отряд, не меньше полусотни бойцов. Говорят, увел их тот самый, кто камень в генерала швырнул, помощник его, которого звали просто Майор, с большой буквы... вроде, и в самом деле майор бывший. Ушли они на Дикую территорию, отыскиали там чистую «палестинку», с которой вышибли группу мародеров, и тоже «Долгом» назвались. Чтоб не путать, стали эту, вторую группировку «Диким Долгом» именовать, по той территории, где они осели. Майор Седого заочно лишил звания, низложил за «предательство» и даже хотел напасть, но «дикие долги» этой инициативы не поддержали. Впрочем, «дикие» бандитов били и мутантов тоже шерстили, с военными и учеными сотрудничали, однако сталкеру-одиночке и уж тем паче «свободовцу» лучше было им не попадаться: и те, и другие по их новому уставу попадали под определение бандитов. Седой тоже официально открестился от Майора, исключил его из группировки, но при этом не осудил его бойцов, разрешив даже вернуться обратно, если захотят. Слышал, некоторые уже вернулись...

Да, поселок изменился... постояв немного у бункера, я решил пройти по единственной улочке, расчищенной от растительности. На старых кострищах снова горел огонь, рядом на ящиках, грубых лавках, а то и просто на земле сидели сталкеры. И в простеньких кожаных куртках с кустарной пропиткой и подшитыми кевларовыми подкладками, и в самодельных комбезах, даже в «Кольчугах» не самых старых моделей — публика подобралась пестрая. Кое-кто косился в мою сторону, иногда слышалось: «Тот самый... Лунь... вишь, башка седая, он, точняк... думали, сгинул, ага...», разговоры немного стихали, и я спиной чувствовал щеколку взглядов. Сталкеры, впрочем, народ к всяко-разным чудесам привыкший и удивляться почти разучившийся, поэтому гитарный звон, хохоток и тихое бряканье стеклотары у костров скоро возобновлялись. Знакомых никого не было, хотя какой-то угрюмый, мрачный на вид сталкер, одиноко сидевший в стороне от общих костров за своим маленьким огоньком, приветственно кивнул мне, поднял руку, после чего снова начал ворошить угли тонкой веткой, потеряв ко мне интерес. Точно так же, как знакомому, кивнули мне «свободовцы», один даже сказал: «Здорова, Лунь! Ты это, подходи, когда хабар сбросишь, посидим».

Я ответил, что, мол, всенепременно приду, походил по деревне еще немного, но так никого и не встретив из знакомых, отправился к «Старому Жмоту» в гости.

Бункер с тех пор, как я видел его в последний раз, сильно изменился. Не в смысле планировки, конечно, — ага, попробуй перестрой железобетонное подземелье метровой толщины, со всегда немного прохладными стенами со следами опалубки, сводчатые, низкие потолки и коридоры. Но вот расширить и благоустроить «фрименам» бункер очень даже получилось — когда-то заваренные двери были вскрыты, лестницы, ведущие на нижние уровни, расчищены, даже проведено электрическое освещение, видимо, от генераторов на «вспышках». Не один год сталкеры считали, что бункер на самом деле крошечный, едва одному торговцу с его запасами можно разместиться. Когда барыга или сгинул, что вряд ли, или, накопив достаточно денег, удалился в теплые края лечить ревматизм Зоны где-нибудь на горячих источниках под шум моря, что скорее всего, сталкеры обустроили бункер под убежище от Выбросов, удивившись, что помещений, оказывается, несколько и они не такие уж и маленькие. Заваренные двери в углублениях пола никто трогать не стал — в Зоне просто так заделывать проходы никто не станет, значит, причина была серьезная, кто знает, какая дрянь водится уровнем ниже. Да и никому, собственно, не было дела, что там, внизу, — возиться с намертво приваренными пластинами толстой стали охотников не нашлось. А потом какой-то сталкер разведкал, что бункер барыги на самом деле вход в настоящий подземный комплекс, к стратегическим заводам, упрятанным под грунт на случай ядерной войны, и комплекс этот в разы больше подземелий даже Агропрома. Что есть железнодорожные ветки, ведущие на километры, в том числе и за пределы Периметра, что официальным властям, почти одновременно со сталкерами «вспомнившим» про подземные пути, пришлось пойти на значительные уступки. Наломав хороших дров, администрация НИИ и военное командование уже не рисковало закручивать гайки, а просто попыталось взять под контроль новые выходы из Зоны. Попытка провалилась с треском, и об этом самом

провале принято было молчать — официальные власти были пока не в том положении, чтоб диктовать свою волю. Поэтому «Свобода» легко наладила снабжение по этим новым путям — у «фрименов» нашлись спонсоры и такие покровители, с желаниями которых были вынуждены считаться не только официальные власти Зоны, но также и далеко не последние лица государств, не исключая даже министров. Был слух, что «Свобода» вышла на богатые европейские институты, которые с радостью согласились на сотрудничество — НИИ в результате последних событий не был способен продолжать исследования и открытия так, как и раньше. Артефакты, документы, опыт «свободовцев» нашли признание у заинтересованных лиц. Получилось так, что «Долг» все еще пытался сотрудничать с международным, но на деле отечественным НИИ. «Свобода» же, ранее работавшая с десятками, если не с сотнями сомнительных заказчиков, почему-то резко порвала все старые связи и начала поднимать зарубежную науку, естественно, не безвозмездно. Оттуда, наверное, и взялись сильные покровители у «свободных»... а в мыслях сталкеров, выраженных в ПМК-переписке, появились предположения, что последний жестокий крах полузаконной, но такой стройной и взаимовыгодной системы, которую грубо сломали под флагом «законности и порядка», был не случаен. Или чья-то великая глупость, так неудачно сыгравшая во вред НИИ, или хорошо спланированная диверсия привели к тому, что Институт, по меткому выражению Зотова, остался «без штанов в чистом поле». По крайней мере так представлялось мне, и, похоже, правильно представлялось — старой системы больше нет, и надо как-то выживать в нынешней. Задел у меня, впрочем, был неплохой — НИИ, прижатый отсутствием перспектив, станет намного сговорчивее со сталкерами, в том числе и в финансовых вопросах — затраты на наши скромные услуги по сравнению с теми деньжищами, что делаются с Зоны, выглядят каплей в море. Если бы не предложение Зотова, то даже не знаю... пришлось бы самому искать надежных барыг и заказчиков, а это долго, муторно и весьма опасно — известны случаи, когда со сталкером расплачивались не денежной суммой, а пулей в затылок. НИИ, с которым я всегда работал, приносил, конечно, несколько меньше дохода, но по крайней мере выдавал документы, стабильно, без обманов платил за артефакты, и для меня всегда имелись вакансии на задания. Да и... не знаю, как бы это сказать. Может, это кому и безразлично или даже смешно, но мне было на самом деле приятно работать с «ботаниками». Чувство правильности того, что ты делаешь, для меня лично многого стоит. Знаешь, что арты найденные, пусть и за меньшие деньги, но в правильные руки уйдут, науке пользу сделают, что не только за бабки ты рубишься, но и как бы за идею. И сами «ботаники» народ очень приятный, положительный за редким исключением, есть в них, правда, убежденность, искра какая-то, которой не найдешь у местных барыг. Даже торговцы-посредники, что от «ботаников» со сталкером работают, словно заражаются этой самой искоркой. Сами душевнее становятся. Эх, Барин... самым лучшим ты был торговцем во всей Зоне. После тебя как-то и не очень тянет с другими торгашами, и уж тем более барыгами общаться.

— Чего задумался, сталкер? — мимо по лестнице пробежал «свободовец» — Заходи, не стесняйся, но... только вон стенку почитай сначала.

Я посмотрел на большой лист фанеры, где был нарисован, видно тем же художником, довольный «фримен» с дредами, указывающий на размашистую надпись:

«Привет, Мэн! Тебя всегда рады здесь видеть, будь ты честным одиноким бродягой, умным, начитанным ученым, неопределившимся, новым новичком или хотя бы даже должником. У нас тепло, светло, сытно, недорого — тебе понравится. Единственно, Мэн, в ответ на наше к тебе уважение как к гостю, уважай и хозяев — пушку запри в сейфе, тут ни врагов, ни мутантов нет, и стрелять никого не нужно. В ресторации, буде накушаешься как пороса, сверх разумной нормы, то не глумствуй, мебель и соседей не ломай, иначе выкинем на мороз, а то и сами побьем больно и унижительно в воспитательных целях. Удобства оборудованы во дворе на северо-запад от бункера, а уж никак не за дверями — помни это, сталкер. Дудка, если что, не возбраняется, но и не поощряется — выбирай время и место.

У нас ты можешь поторговать — отсюда по коридору направо, и спроси Румына, он этими делами заведует.

У нас можно выпить и поесть горячего — это по лестнице вниз, в зал, где шум и вкусно пахнет. Короче, не ошибешься.

Еще у нас можно дрыхнуть и даже не очень хорошо, но жить — недорогая общая гостиница тоже по лестнице вниз, но в другую сторону — туда, где тихо и вкусно не пахнет. В общем, мимо не пройдешь. Удачи, друг!»

Под плакатом в ряд стояли десятки узких, стальных шкафчиков. В скважинах некоторых замков торчали ключи с номерными пластиковыми табличками. Я открыл один из них, аккуратно положил туда «сайгу» и пистолет. Немного подумав, отстегнул от пояса ножны «обсидиана» и, уже полностью разоружившись, запер сейф. Ладно, посмотрим, чем этот самый Румын дышит и сколько мне сегодня светит за мелочевку, которую в НИИ точно не возьмут.

Или я подзабыл, как эти самые румыны выглядят, или мне просто казалось, что они должны быть смугловаты, темноволосы, и поэтому при виде торговца я немного опешил. Волосы, как и у меня, были у Румына почти чисто-белого цвета, хотя сединой это назвать было сложно за счет слегка выраженного желтоватого оттенка. Бело-розовая кожа на тощем, почти костлявом лице, с хорошо заметной сетью вен, крупные глаза с красноватой радужкой смотрелись тоже очень странно, даже непривычно.

— Выброс две тыщи седьмого. Стойкое нарушение синтеза меланина, приобретенный альбинизм. — Устало произнес торговец, даже не глядя на меня. — Вопросы есть еще или так и будем разглядывать?

— Выброс две тысячи седьмого. Необратимая генерализованная амнезия, вызванная пси-резонансом. — Парировал я, протягивая руку.

— Тоже причастился от тех щедрот Зоны, да, сталкер? — Румын улыбнулся уже намного приветливей. — Ты, случайно, не Лунь будешь?

— Ну, почему же не? Он самый и есть.

— Значит, молодец. Наслышан... похоронили вас уже давно, если ты не в курсе. В общем, это... без обид. Ежели в какого страшилищу надумаешь превращаться, делай это лучше за пределами бара. Я тут самый главный товарищ теперь, и мне за репутацией заведения следить надо.

— Договорились, — я рассмеялся вместе с Румыном, наверно, в первый раз, когда действительно захотелось улыбнуться. — Превращаться не буду.

— Есть чего? — Румын, все еще улыбаясь, кивнул на рюкзак.

— Мелочевка только. Принимаешь?

— А давай. Мы не гордые. — И торговец выложил на стол пару контейнеров, дозиметр и датчик аномальной активности.

То, что мои «самоцветы» не фонят, я уже знал — померил прямо на месте. Камешек, каким бы красивым он ни был, в случае «грязи» не принимался и даром — ни коллекционер, ни ювелир не станут даже прикасаться к радиоактивному камню. И хоть бывал в Зоне закон подлости — самые красивые «самоцветы» излучали порой не хуже графитовых стержней из четвертого энергоблока, эти же были чистенькие. Мало того, и расцветка была хороша — совершенно непрозрачные, плотные, они имели сочный рубиновый блеск, напоминая четыре капли свежей крови. Румын поцокал языком.

— Не из «плеши», случайно, выцепил?

— Верно, из нее.

— За все дам шестьдесят зеленых, по двадцатке за штуку. Идет?

Я внутренне выдохнул с некоторым облегчением. Спрос на камни не упал, скорее, наоборот. За непрозрачные «самоцветы», пусть даже и красивого окраса, год назад я бы получил те же двадцать долларов, но уже за все. Недурно. Шестьдесят баксов — нормальный вечер в местном баре, если без излишеств. По крайней мере на хороший по местным меркам

алкоголь точно хватит — не зря, ох не зря посетил «знакомую» плешь на самом краю бывшего Кордона.

— Идет.

Три двадцатки с приятным хрустом исчезли в нагрудном кармане. Первый удачный хабар сдан, однако. Снова здравствуй, сталкерская жизнь.

«Трутовик» — волокнистое, плотное образование в форме не то копыта, не то большого, вздутого носа, — Румын взял за пятнадцать долларов. Артефакт этот был полезен при каких-то укрепляющих процедурах и потому востребован медициной, однако сталкер при удаче мог принести целый мешок «трутовиков», а заказчик брал обычно всего несколько штук. Но и пятнадцать — тоже финансы, и торговаться я не стал. Зато две «трубки», при первом же постукивании о стол весело заигравшие синими вспышками и лучами насыщенной зелени, без лишних разговоров ушли каждая по пятьдесят. Бестолковая штукенция — «трубка», похожая не то на кусок трубчатой кости, не то на обрезок изоляции. Издалека даже перепутать несложно, но если в руки взять, видно, что вся она состоит из тонких ромбиков и фасеток, слегка пальцы пощипывает и изредка огоньками играет. Ученые этими «трубками» давно интересоваться перестали, хоть до сих пор и не поняли, что это такое и почему так себя ведет, но зато в качестве «бижутерии» расходились эти артефакты на ура — богатых коллекционеров, помешанных на Зоне, становилось все больше.

— На этом все. — Я закрыл свои контейнеры и затянул горловину рюкзака.

— Не густо, — Румын хмыкнул, сгребая мое «добро» в полотняный мешочек. — Есть надежда, что дельный хабар ко мне принесешь если что?

— Надежда есть всегда, — ответил я уклончиво, так как и в самом деле это было не исключено, если не заладится сотрудничество с «ботаниками», а знакомый торговец будет нужен.

— Беру еще информацию. Если что интересное в Зоне найдешь, документы там, записи, тащи, посмотрим, сторгуемся. — «Свободовец» пожал мне руку. — Бывай.

Собственно, бар «Старый Жмот» был оборудован этажом ниже, в просторной, длинной комнате, напоминавшей бомбоубежище. Низкий потолок поддерживался толстыми бетонными столбами, между которыми были расставлены столики, сбитые из посеревших от времени, но еще достаточно крепких досок. Возле столов стояли древние «конторские» стулья, которые явно были принесены со старой АЗС — сидеть на них, пожалуй, можно было, но вот раскачиваться или слишком резко садиться на них я бы не рискнул. Пахло в баре и в самом деле вкусно — теплыми «хлебными» котлетами, пшенной кашей, разогретой тушенкой. Даже в скверные времена «Свобода» следила за нормальным питанием своих бойцов, конечно, настолько, насколько оно может быть нормальным в Зоне, а горячая пища здесь, в спокойствии и относительной тишине значит очень много. Бар не пустовал — половина из почти тридцати столиков была занята, к своему крайнему изумлению, я даже заметил четверку «долгов», угощающихся яичницей с салом и беззлобно переругивающихся с группой «фрименов» за соседним столом. Однако... впрямь сильно изменилась Зона.

Ассортимент бара почти не уступал таковому в легендарном заведении Барина. Не без удовольствия я рассмотрел на стеллаже бутылку со «слезой контролера» и несколько емкостей с коньяком и водкой. Цены, конечно, немного кусались, но по прикидкам заработанных за одни только «самоцветы» денег хватит не на одно, а даже на пару-тройку посещений.

— Здравова, мэн! Рад тебя видеть. Отдохни, посиди, если че надо, сготовим. — К стойке подошел улыбочивый парень в странном сочетании камуфляжа и белого передника. — Меня Кацо зовут, и я тут, значит, за повара.

— Из горячего что есть, друг?

— Ну, пшенка, куда ж без нее? — улыбнулся Кацо. — Точили ее, и точить будем, ибо полезно и недорого. Масло к ней, правда, только растительное, да все равно ништяк идет. Есть еще хрючево, еще горячее, только сварили.

— Чего есть?

— А... фирменное свободовское. Типа рагу такого с консервированными овощами, сосисками, капустой, тушенкой — короче, все из банок в одну кастрюлю и варишь. Под водку идет легко и красиво, штука сытная и знаменитая, типа праздничного блюда. Можно его и с макаронками. Отвечаю, ништяк штукенция. Берешь?

— Давай... одну хрючева, попробую. Пшенки тоже. И... вон тот коньяк в какую цену?

— Не, это вискарь, паря. Оно дороговато будет.

— И как это самый... вискарь?

— Это... на самогонку похож. — «Свободовец» хмыкнул. — На любителя поило. По мне так лучше водочки тяпнуть. А с коньяком, увы, напряженка, разобрали еще вчера, заходи через три денька, будет. Водка у нас нынче хорошая, хохляцкая, народ хвалит.

— Ну, тащи пару пузырьков, Кацо.

— Это мигом. Слышь, мэн, а ты реально... Лунь, да?

— Реально.

— Поздравляю, чувак. Про тебя и Хип вся Зона нынче судачит. Знаменитость, е.

— В пень ее, эту знаменитость, до добра оно не доводит. — Я вздохнул, принимая глубокую тарелку с вкусно дымящимся хрючевом. — Что там про Хип судачат?

— Это... к нам она вернулась. Мировая герла, конкретно прошаренная насчет Зоны. С ней Фельдшер, главный наш, переговорил с глазу на глаз и сразу отряд ей выделил. Ну этих, поисковиков. Сегодня по нашим новостям передали, что группа ее на базу с хорошим хабаром вернулась, никого из бойцов не потеряли. Тот пипл, что с ней на запад Складов ходил, сказал, что реально девка соображает как и что, вообще без вопросов. Из наших искателей даже Хрыч и Полевик никогда туда не лазили, боялись, черные там места.

— И?..

— А она, короче, отряд туда и обратно провела. Богато артов взяли, Фельдшер сам офигел, такого не ожидал, чтоб на тех гнилых полянках человек мог пройти. Только... какая-то она мрачная очень. Народ говорит, как подменили девку — молчаливая все особнячком держится, и на раздачу стала скорая. Один из ее команды не то в шутку, не то всерьез с лямурами подкатил и по заднице слеганца хлопнул. Ну... не просто из команды вылетел, так еще и ходит враскоряку. Впрочем, не возникает, в курсе, что за дело получил.

Хип... приятно знать, что ты теперь настоящий, опытный сталкер — радуется, что не зря мы с тобой столько километров по Зоне отмахали. И втройне приятно, даже согревает сердце, что это моя школа, что неплох еще Лунь как сталкер, может ведь стажера обучить. Да, определенно, гордость за Хип... теплое, приятное, хотя и немного горьковатое чувство, и снова этот ком, снова тяжелее дышать.

— Лады. Пойду я, посижу малек. Находился за день, пора и отдохнуть.

— Добро, это надо. — Кацо кивнул. — Слышь, а ведь это ты ее учил, да? Ништяк, Лунь. Может, кореша моего в команду возьмешь? Пацан грамотный, перспективный, да вот с напарниками ему не фартит — или падлы какие-то попадают, или долбодуи на понтах.

— Благодарствую. — Я взял столовский пластиковый поднос с заказом, положил пару двадцаток на стойку, взял сдачу. — Но больше стажеров не беру, уж извиняй.

— Ну... дело хозяйское. Если надумаешь, обращайся. Пацан с тобой даже отмычкой ходить согласен, наслышан о тебе, да и про Хип в курсе.

— Слово «отмычка» забудь, мой тебе совет. Последнее дело живым человеком дорогу проверять.

— Не скажи. Тут из одиночек многие так ходят... — Кацо пожал плечами.

Хрючево оказалось вполне себе приятным блюдом. Дикое ассорти из овощных, мясных консервов с добавлением крупно нарезанных баночных сосисок действительно хорошо пошло под первую рюмку. Так же, как и под вторую. Эх, Лунь... не к добру тебя так к бутылке потянуло, зря ты хочешь напиться. И непонятно, с чего такая пустота, тоска в душе, словно ты до сих пор медленно, тихо умираешь в иллюзорном мире Координатора. Все ведь на мази — и стажер на совесть выучен, стыдно за него никогда не будет, впереди вольная жизнь под протекцией НИИ, Зона, привычное ремесло, а в перспективе тот самый домик у моря. В Москву я никаким консультантом, конечно, не поеду, ну его. Море и одиночество —

все, что мне хочется получить в будущем. Странно только, что даже появившаяся мечта выглядит тусклой и какой-то ненастоящей. Уныло все.

Я, подчистив тарелку хлебной коркой, налил еще один стаканчик и долго сидел, глядя на спиртное. Водка уже ударила в голову, но на сегодня, и я это чувствовал, просто-таки суждено по-настоящему напиться, до самозабвения и утренней дурноты. Эх-х... понеслась...

Вскоре бар поплыл куда-то вверх и в сторону, под стол закатилась пустая бутылка, а я отвернул крышку со второй. Мир вокруг стал гулким, медленным, каким-то успокаивающим, но горечь в душе никак не хотела перебиваться горечью спиртного.

«Эх... зря я, наверно, так напился». — Последняя связная мысль промелькнула в голове сразу перед тем, как я нырнул в тяжелый глубокий сон прямо на столе.

* * *

Состояние было, прямо скажем, не ахти. Во рту словно хорошо повозили куском мыла, горло пересохло, неприятно кружилась голова, пульс ощутимо бил в виски. Я приоткрыл глаза, и пару минут пытался понять, где я. Серое, низкое помещение, ряды железных коек, на некоторых похрапывали незнакомые люди. Приподнявшись на локтях, я осмотрелся. Память, хоть и крепко поврежденная во время Третьей, меня никогда не подводила, в том числе даже после редких, но весьма метких «пике», в которые время от времени уходили почти все сталкеры. И сейчас я без проблем вспомнил и процесс утоления душевной тоски, и разговоры с Кацо и Румыном, и даже плакатик «навигации» по бывшему бункеру. Тут же, словно калейдоскопом, пошли другие воспоминания: опустевшая вторая бутылка, сон, пробуждение среди ночи, покупка фляжки «вискаря», выход «на воздух», где банкет продолжился возле «свободовского» костра. Разделив между несколькими «фрименами» бутылку виски, вкус которого совсем не запомнился, мы, уже компанией, начали потреблять водку, пуская открытую бутылку по кругу и по очереди из нее причащаясь. Потом были песни — начиная от «Мамы Анархии» и «Батьки Махно», заканчивая традиционной «Ой, мороз, мороз». Затем снова была водка под здоровенную пятилитровую банку маслин из «гуманитарной помощи», опять пели песни, не в лад брэнча на гитарах, и я тоже пел, смеялся, брал протянутую бутылку, пил и снова орал незатейливый мотив вместе со всеми. И еще хорошо помню, что внутренняя тоска почему-то никак не хотела отпускать, что было все так же погано, пусто на сердце, хотя я искренне хотел веселиться вместе со «Свободой», празднующей продление мира и новую жизнь своей группировки. Ну, или просто празднующей, радостной, веселой до помрачения, так как Зона вокруг, и нужно успеть порадоваться, отпраздновать, повеселиться сегодня, не откладывая это на завтрашний день. И когда выпитое окончательно уложило меня на землю, я помню, что спать улегся там, у костра, под утро. Как же оказался здесь, в «гостинице», понятия не имею.

Вдруг немного бросило в холодок. Я опустил руку, нашарив рюкзак, заранее холодея сердцем, открыл горловину. Все было на месте. И дорогой водяной дистиллятор, и аптечки, и завернутый в микрофибровый лоскут «алмаз», и ключ с номером от оружейного сейфа. А под клапан рюкзака была сунута небольшая записка на желтом тетрадном листке:

«Классно отжег, чувак! Спасибо за то, что присоединился к нам, ценим, такие мэны нам по душе. Короче, мы с ребятами тебя оттащили в гостиницу. Румыну за ночлег утром отдай, ну, или если все на фиг прогулял, расписку оставь. Пост скрипт — ты, если че, заходи на Армейские, Лунь. Будем рады. И баул свой больше не теряй.

Ф. Ф.»

— Спасибо, парни. — Прошептал я еще крепко заплетающимся языком — вчерашний хмель если и выветрился, то совсем незначительно. Голова снова начала кружиться. Водички бы сейчас... фляга, как назло, оказалась пуста, и я, покачиваясь, направился в бар.

Кацо, посмеявшись над моим вчерашним загулом, выдал полуторалитровую пластиковую бутылку питьевой воды, отмахнувшись от денег:

— За счет заведения, Лунь. Ты, по ходу, все наличные бабки вчера спустил...

— Не все. — Я выудил из кармана последнюю мятую двадцатку.

— Забей, сказал же. У нас стационарный дистиллятор стоит, европейская штукавина. Вода, считай, вволю, — повторно отмахнулся Кацо. — Тем более ты вчера, считай, сотню зелени на общий праздник спустил, так что лучше побереги. Или, вон, за ночлег Румыну отдай. Да, и если на Чернобыль-7 намылился — поторопись. Вездеход с «ботаниками» на холме у села, они, вроде, из твоей компании, может, возьмут на борт.

— Почему знаешь, что я с «ботаниками», Кацо?

Кацо подбросил на ладони ПМК.

— Старший научный сотрудник вне штата. Еще вчера новость прошла по сети. — Бармен пожал плечами. — Сейчас вместо одного сервака, что с НИИ работал, целых три — ботанический, наш и у «долганов». «Ботаники» в момент сориентировались и на все три сети раззвонили, что, мол, не кто-нибудь, а сам Лунь с ними. Делайте, мол, выводы.

— Ай да Зотов, — я усмехнулся. — Догадываюсь, к чему это он новость продвинул.

— Пиар. — Кацо важно поднял палец и рассмеялся.

— Пи... чего?

— А, проехали. Ты, короче, заходи, ежели мимо Кордона будешь гулять. Тут у нас, может, скоро полноценная база будет, подземка перспективная очень. И... еще раз, с возвращением тебя, друг. Смотри, не пропадай больше.

— Спасибо. Бывай.

И я, по пути заглянув к Румыну и отдав ему последнюю двадцатку за ночлег, побежал к вездеходу ученых настолько быстро, насколько позволял не выветрившийся еще хмель. Всю дорогу до Чернобыля-7 я элементарно проспал, вырубившись сразу после малосодержательного разговора с парой пожилых «ботаников» и солдата охраны, долго и придирчиво изучавшего мой пропуск. Да уж... не есть гут так напиваться, Лунь. В Зону после такого загула заново можно выйти только дня через три, не раньше, в таком состоянии не рискну. А что денег совсем нет, так на ПМК видеозапись имеется, причем не дешевая — это точно. Ну, или небольшой гонорар потребуем у профессуры — за рекламу НИИ в среде «неучтенных лиц». В общем, не пропадем... но три дня никакой Зоны. Это уже точно.

Разбудили меня уже на территории научного городка. Пожилой ученый вежливо, кончиками пальцев постучал в плечо и, сказав: «Все, все, уважаемый, прибыли на место», вышел из вездехода. Как ни странно, за время неторопливой, плавной поездки по тщательно провешенному маршруту я успел неплохо выспаться. Поэтому, уже достаточно отойдя от последствий «праздника», я выбрался из вездехода и, потянувшись, осмотрелся.

Чернобыль-7 изменился за время моего отсутствия не так уж и сильно. Разве что стройка нового корпуса Института, видимо, была заморожена, да еще было закрыто на замок здание Бара, потускневшее, какое-то сиротливое, с широким, светлым пятном на месте сорванного со стены щита с надписью. А так все, как и раньше — военные патрули на улочках, стайки лаборантов, ларек на углу, громадина Института, стена Периметра в отдалении, серое небо Зоны, накрывающее заодно и этот краешек чистой земли. И естественно, любопытство патрулирующего офицера, не просто проверившего документы, но даже и отправившего запрос в администрацию в то время, как его бойцы сноровисто меня разоружили. Я не сопротивлялся — документы были «железные», самые что ни на есть реальные карточки-пропуска не кого-нибудь, а старшего полевого научного сотрудника, поэтому через несколько минут и «сайгу» и «глок» мне вернули, не забыв, правда, отчитать за то, что на территории НИИ шатаюсь с незачехленными стволами. Замечание тоже было знакомым, и я так же знакомо с ним согласился, пообещав всенепременно зачехлять еще за километр до городка. На самом деле полевые сотрудники давно и невозбранно ходили с оружием по городку — после одного момента, когда из вольеров вырвались два кровососа и разорвали на улице нескольких солдат, сталкеры, выскочившие из Бара, в течение десяти минут выцепили и сказнили обоих мутантов. С тех пор на нарушение некоторых инструкций

комендатура Чернобыля-7 посматривала сквозь пальцы — благо, опытный, грамотный бродяга с оружием обращаться умел, и стрельбы между сталкерами ни в Баре, ни на территории никогда еще не случалось. Да и близость Зоны хоть и не приводила к появлению аномалий прямо на улицах, но все же была очень рискованной — те же зомби могли выкопаться даже на «чистых» кладбищах.

Ткнув разряженный «глок» в кобуру и закинув на плечо «сайгу» с вынутым магазином, я отправился прямо к Институту — затягивать со сдачей видеосъемки не следовало, да и пузырек с остатками полтергейста вполне мог окончательно испортиться. И еще мне хотелось заняться хоть чем-нибудь — проклятая тоска так никуда и не делась, разгрызая душу пуще прежнего. Знать бы, отчего оно так со мной... ведь не скучаю я по Хип, не жалею, что разбежались, точно не жалею, но... здесь вот мы после посиделок в Баре прогуливались вечером по аллее из молодых, относительно недавно посаженных деревьев. А вон там, за гаражными сводчатыми ангарами — местная свалка в старом карьере, где я учил ее стрелять. И... а, ч-черт. Понимаю я четко, что все, ни мне, ни ей не нужна больше единая команда, не о чем даже разговаривать с Хип, но давит горло, и снова тянет выпить. Нет уж, шиш — проходили недавно, не помогает выпивка, только башка от нее болит. И спиваться мне совсем неохота, ну его. Пьяница в Зоне далеко не уйдет. И курить бросил, как назло, а заново начинать глупо будет. Ладно. Уйдем в работу, в ходки, нагружу себя как надо — вся эта дурь из головы и выйдет. Наверно, просто еще от приключений не очухался, вот и гнобит, давит душу непонятной тоской. Поговорить бы с кем, просто так, отвлечься, но... в принципе сейчас и поговорим. «Ботаники» народ словоохотливый в большинстве своем, внимательный, да и кино у меня для них интересное есть. Обсудим.

Карточка доступа легко нырнула в приемник, выскочила обратно, и дверь НИИ гостеприимно раскрылась.

— Куда? — сонно спросил охранник за столом у входа.

— В биологический, с материалами.

— Добро. Сейчас у них перерыв, обожди чуток здесь. И как только — так сразу. Внештатникам, извиняй, без сопровождения не положено.

Ждать, впрочем, и в самом деле пришлось недолго. Минут через пять я уже демонстрировал ролик про полтергейста молодому ученому, после чего тот унесся, как ошпаренный. Затем засуетился весь корпус — профессора, старшие научные и даже лаборанты сбежались в конференц-зал, ПМК у меня буквально вырвали из рук, и с полсотни ученой братии пересматривали мое «кино» раз десять. Я отметил, что съемка и впрямь удалась — и электрическое «облако», и безногая, цилиндрическая туша уродца, и взгляд слепых, бельмастых глаз были замечательно хороши. Как и выстрел и съемки стремительного разложения убитого полтергейста, и сбор его слизистых останков в пузырек от лекарств. Один из ученых, по-моему, кто-то из команды Зотова, позвал меня в кабинет, где я и передал ему из рук в руки «биоматериал», а в зале, где на большом экране через проектор снова и снова питался полтергейст, разгорелся шум голосов и споры.

— Спасибо вам, коллега. — Он пожал мне руку. — Огромное вам спасибо.

— Коллега? — Я немного удивился. — Разве внештатник стал ученым?

— Вы... да, я понимаю. — Ученый немного смутился. — И тем не менее вы для меня... для всех нас теперь коллега, уважаемый...

— Лунь, — подсказал я.

— Уважаемый Лунь. Вы такой же ученый, как и мы, причем не только по документам, как раньше. Профессор Зотов уже сообщил нам о вашей согласии работать с Институтом. Мы... мы очень признательны.

— Давайте, для начала, познакомимся.

— Мирошенко Дмитрий, биолог. — Ученый снова пожал мне руку, и я вдруг понял, отчего я принял его за сотрудника Зотова. Мирошенко... знакомые черты лица.

— Случайно, не брат ли вы Аналитику?

— Да-да, конечно. Аналитик — действительно, он так себя иногда называл, говорил, что это его имя для Зоны. Вы знали его?

— Я был проводником группы с его участием. Давно...

— Да, он рассказывал. Где же вы раньше были, Лунь... как он сетовал, что приходится рассчитывать не на профессионалов, а на дилетантов, которых прислали официальные власти. Какая, в сущности, глупость — доверить жизни экспедиции ряженым шутам с автоматами, никогда не видевшим настоящую Зону. Где же вы были раньше, Лунь...

«Раньше я был мертв».

— Был далеко... и сам не могу объяснить, где и как. Может, временная аномалия или влияние пси-излучения. Вернулся живой — все, что мне пока известно.

— Приятно, что хоть кто-то, — буркнул Мирошенко. — НИИ будет за вас держаться, Лунь. Вы сейчас фактически единственный настоящий сталкер, согласившийся на сотрудничество, и мы это ценим. Кроме нашей устной признательности я похлопочу и о достойном материальном вознаграждении, коллега.

— Спасибо. Кстати, вопрос — за мной квартирка числилась в четвертом корпусе, как за лаборантом.

— Хоть сегодня вселяйтесь. Ключи получите в хозблоке, но, боюсь, за время вашего отсутствия квартиру немного подрастасили... вы же знаете, кого прислали на смену, и там, извините, теперь гадюшник с окурками на полу и консервными банками по углам. Мебель, правда, цела, но... в общем, сами увидите. Ваш компьютер мы не успели забрать, пропали и все вещи...

— Ну, думаю, наверняка не все. Персоналку, хоть плохонькую, вы уж мне обеспечьте, хотя бы для связи.

— В лучшем виде сделаем, Лунь. Когда планируете начинать выходы в Зону?

— Через три дня. Нужен отдых.

— Отлично. Подождите здесь, я переговорю о вашем вознаграждении.

Ждать пришлось недолго. Мало того, мне даже принесли чашку кофе и пачку сигарет, хотя я и не курил. Отношение определенно поменялось, и в приятную сторону. Это касалось и «гонорара» — две сотни тысяч рублей в толстом конверте были, пожалуй, самой крупной разовой суммой, полученной от «ботаников» за все то время, что я провел в Зоне. Кроме того, за «образец» была обещана еще одна премия, сразу после того, как им займется биологическая лаборатория. Как я понял, до моих «съемок» не было ни одного документального свидетельства существования полтергейстов. Кроме того, новые данные о Зоне, ролик и образец, которого не было, да и пока быть не могло у конкурирующей европейской станции, серьезно повышали шансы НИИАЗ на новые гранты и субсидии. Важная я теперь птица, похоже. Ну, что ж, и денежно буду не обижен, и совесть спокойна, что хорошим делом занят, и домик у моря пусть на один шагок, но ближе стал. А в работе, в загрузках этих постоянных, глядишь, и дурь из головы вылетит, тоска пройдет. Говорил как-то Сионист, что работа, какое-то постоянное занятие — универсальное лекарство от любой дурости. Что ж, опробуем этот рецепт, глядишь, оно и поможет.

* * *

Четвертый, «сталкерский» корпус в жилом районе Чернобыля-7 пустовал. Я медленно поднялся на третий этаж, удивляясь гулкой тишине на площадках. Давно еще прошлое, грамотное начальство НИИ, прекрасно осознав пользу от «неучтенных лиц», построило пару трехэтажных жилых домов якобы для «лаборантов» и «внештатных сотрудников». Дома построили без вопросов — затраты по сравнению с тем финансовым потоком, что шел в НИИ, выглядели пустяковыми, за строительство подписалась вся без исключения ученая братия Института, и потому в рекордные сроки появились четвертый и шестой корпуса, каждый по тридцать шесть небольших, скромных «двушек». Даже в лучшие времена половина «фатер» пустовала, но те из сталкеров, которые все ж таки решились на обустройство своих главных схронов здесь, в пределах научного городка, меньше чем за год полностью окупили все затраты НИИ на строительство. Ученые в открытую говорили, что «внештатники» — а по сути, нелегалы, «уголовный элемент» — приносили пользы

Институту в десятки раз больше, чем все специально обученные лаборанты и профессионалы-контрактники, которых присылали с Большой земли именно для выходов в Зону. Ну, были, конечно, и среди военных отличные спецы с настоящим талантом к Зоне — сами себя они называли «военсталы», но, учитывая, что их было немного, даже очень немного, погоды они, конечно, не делали. Да и не особенно любили «военсталов» свои же, армейцы — как-то так получилось, что «военные сталкеры» выделились в отдельную, элитную касту, что, конечно, не добавило им популярности среди прочих «специалистов», через одного являвшихся натуральными паразитами. Насмотрелся я на празднующихся, красномордых от пьянки и разжиревших от хороших зарплат «спецов», никогда не приближавшихся к Зоне даже на пушечный выстрел. Однако НИИ был вынужден держать дармоедов: по всем отчетам, именно они ходили в Зону за «материалом» и сопровождали экспедиции. Не последнюю роль сыграло и то, что подавляющее большинство таких «спецов» являлось сыновьями, племянниками, зятьями и прочими «своими» как верхушке администрации НИИ, так и командованию местных военных частей, и даже инспекторам, периодически устраивающим проверки. По этой же причине Институт держал и множество лаборантов с зарплатами поскромнее, чем у «спецов», но тоже неплохими — выходы в Зону и работа с артефактами непосредственно на местности считались очень опасными. Нужно ли говорить, что на местность они никогда не ходили... но НИИ это вполне устраивало. Лаборант — существо учтенное, живое, с документами и родней. Ежели он в Зоне сгинет, то неприятности могут нарисоваться в целом ассортименте: и вопросы ненужные, и суды, и разбирательства, и плохая статистика, и нездоровое внимание общественности. Если смерть отдельных ученых и лаборантов можно было списать на несчастные случаи и повышенную опасность от «объектов невыясненной природы», то в Зоне те же лаборанты и «спецы» гибли бы десятками и сотнями. То ли дело — вольный бродяга... и плевать на то, что из целой толпы людей, незаконно припершихся в Зону за рублем, а в случае отсутствия мозга — и за приключениями, к концу первого года останется три-четыре не человека уже, а сталкера. Потому что от того наивного парня или даже девки, что проплатили сговорчивому сержанту проход через Периметр, через год мало что останется — Зона меняет людей быстро и страшно. А если не меняет, то жрет сотнями и тысячами только потому, что цивилизации очень, позарез нужен тот самый «хабар», без которого уже ни наука, ни медицина, ни промышленность просто не может, что те страны, которые с Зоны получают «светляки», «узлы», «пустышки» будут первыми, а те, кто этой «благодати» лишен, обречены плестись в хвосте. Потому и не трогают офицера на пропускнике, четко знает служивый, что за «содействие в проникновении на территорию особо охраняемого объекта» срока, полагающегося по официальному закону, он никогда не получит — не один год генералы в курсе негласного приказа — не препятствовать. И не препятствуют. Потому, наверно, НИИ так поднялся, подмял под себя в свое время и хиленькую, по понятным причинам, западноевропейскую станцию, и ассимилировал Киевский научно-исследовательский отдел, и заставил европейскую науку на себя работать громадными грантами и отличным оборудованием. Немцы с французами голову ломали, отчего это бедный НИИАЗ настолько эффективно работает, в то время как их оборудованные по последнему слову науки и техники станции месяцами сидят без материала. Просто все оказалось: европейцы со сталкерами принципиально не сотрудничали, потому что незаконно, так как по документам сталкера в Зоне нет, а есть только нелегальные бандиты. Своего же немецкого «ботаника» отправлять на смерть никак не можно, просто не пустят, если есть серьезный риск. Ну, а так как несерьезных рисков в Зоне не бывает по определению, европейцы начали заключать контракты с НИИАЗ, которые сделали Институт очень и очень богатым. Интересно, догадывались ли те самые немцы с французами, на каких холмах костей стоит нынешний Институт... да если и догадывались, то для них-то разницы особой не было. Да, впрочем, грех сталкеру жаловаться — знаешь, на что идешь, знаешь, что Зона не парк аттракционов, знаешь, что померешь не своей смертью, старость и сталкер вещи несовместимые. Жаль только тех пацанов и девок, что в Зону валом перли при понятном попустительстве вояк, Периметр охраняющих, и они-то уж точно не в курсе были, куда и на что идут, зелень,

смертники, расходный материал. Да уж... умеют у нас ценить человеческую жизнь, ничего не скажешь. Надо ли говорить, что всех этих нелегалов, «неучтенных лиц» никто, по понятным причинам, учитывать и не собирался. Ни в одном отчете, ни в одном репортаже из Зоны никто и никогда не упоминал о сталкерах — их просто не было. Не существовало. Воздух, фикция. Потому и не опасно местного бродягу на задание отправлять. Вернется — хорошо, еще одна диссертация или научное открытие в копилку человечества. Ну, а если помер Клим, то, как говорится, и фиг бы с ним — его и так в природе не существовало, отчеты делать не нужно, статистику портить тоже. И это устраивало всех — ученые получали материал и грамотное, хорошее сопровождение для выходов в Зону, НИИ стал самым успешным и богатым на открытия институтом мира, цивилизация за счет этого уверенно двигалась к медицинским, научным, энергетическим и промышленным революциям. В обмен на громадные гранты и премии, на которые, фактически, существовал, НИИ делился с европейцами научными открытиями, организовывал им экспедиции с разными Лунями, Фреонами и прочими бродягами, которые с большой вероятностью сэберегут заграничных гостей от сюрпризов Зоны. И сталкерам тоже неплохо жилось — ненадежные, хитрые, до предела жадные барыги уступили место посредникам Института, платившим пусть и меньше, но зато честно, стабильно, без гнилых «отходных», «штрафов» и «счетчиков». Вместо давно просроченных консервов, сухарей и паленой водки торговцы Института предлагали продуктовые наборы отличного качества, дорогие медикаменты, солдатские сухпайки НАТО. Особенно ценным, доверенным сталкерам НИИ мог и подарить «списанные» приборы и оружие. Другие же просто получали доступ к недешевому, но отменному оборудованию, научным защитным комбинезонам вроде той же «Кольчуги», а с помощью военных — и к щедротам от армейских арсеналов. Командование местных военных частей регулярно выделяло Институту вооружение и боеприпасы для сталкеров, хоть это и не афишировалось. Неглупые и человечные командиры прекрасно понимали, что вовремя списанное оружие и хорошие отношения, например, с «Долгом» означали то, что на Большую землю уйдет намного меньше цинковых гробов и в то же время станет значительно больше внеочередных званий и наград. С тех пор как армейцы перестали стрелять в сталкеров, сталкеры перестали стрелять в армейцев, мало того, одиночки не забывали предупредить «внутренние блок-посты» о надвигающемся Выбросе и замеченных мутантах. «Долг» так и вообще взял шефство над отрядами военных, вынужденных находиться в Зоне, — на самых опасных «опорных точках» люди в черных комбезах не раз спасали солдат от смерти. «Свободе», правда, от всей этой благодати мало что доставалось, скорее наоборот: несколько лет «фримены» едва держались под постоянными атаками заматеревшего, набравшего силу «Долга», с одной стороны, и страшными, всегда неожиданными нападениями фанатиков «Монолита» — с другой. Не знаю уж, чем именно профессору Прохорову досадили «свободовцы», что он так упрямо пытался уничтожить их группировку, но, сдается мне, разницы между сталкерами основатель «Монолита» не замечал, просто истребляя всех потенциальных носителей желаний. Дальше Красного леса проходили только опытные, матерые одиночки, но никак не отряды — да и, в свете последних знаний, думается мне, что некоторым из нас просто позволено было пройти...

Стройная, взаимовыгодная, официально абсолютно незаконная, но при этом единственно возможная и рабочая система, за которую было заплачено очень большой кровью, рухнула. Рухнула примерно в то самое время, как мы с Хип сделали шаг из одной смерти в другую, дойдя наконец, пусть уже в виде зомби, поднятых Пенкой, до Монолита. Видно, слишком важным было желание Болотного Доктора, чтобы такой пустяк, как наша гибель в перестрелке, могла нарушить его планы. Видимо, слишком многое зависело от того, донесу ли я конверт с Желанием до Камня, чтобы сам Координатор послал навстречу мертвецам отряды «Монолита», отбившие нас от «долговцев», а потом и буквально на руках донесшие мое уже начавшее гнить тело к Саркофагу. Зато я теперь знаю, что зомби тоже могут испытывать боль и умеют чувствовать — пожалуй, даже острее и сильнее, чем я сейчас, живой, здоровый человек. И Хип, убитая выстрелом в висок, потемневшая, с серо-пергаментным лицом и засохшей в волосах кровью, улыбалась мне тогда так, как и раньше,

так же берегла от врагов и дежурила рядом со мной, чтобы потом, вернувшись к жизни, спокойно уйти, даже не оглянувшись. Что стало с нами, что стало с миром, с Монолитом и Координатором, был ли наш Поход к Саркофагу причиной того, что схема взаимоотношений властей и «уголовного элемента» рухнула, или, что скорее всего, к этому привели какие-то посторонние, не зависящие от нас причины — этого я не знаю, Но факт остается фактом — система накрылась.

ПМК, с тех пор как Зотов подключил его к общей платной сети, послушно воспроизвел всю хронологию событий. Та самая система, сталкеры — НИИ — военные, конечно же была абсолютно незаконной. Тем не менее ее покрывали все — ученые потому, что можно было работать и работы, благодаря сталкерам, было много. Администрация НИИ потому, что ученые работали, принося огромную прибыль Институту и в то же время повышая их собственный престиж в глазах первых лиц государства. Инспекции, посещавшие Периметр, как правило, направлялись не просто так, а с соответствующей идеологической и финансовой обработкой, посему глаза закрывались и на «сталкерские» корпуса, и на странные отчеты, и на многое-многое другое. Люди, ответственные за НИИ и Зону в целом, имели, как правило, большой денежный интерес в существующем порядке вещей, посему и делали все возможное, чтобы его сохранить. Самые первые лица предположительно были не в курсе творящихся в Зоне дел, но фактически незаконная система давала настолько хорошие результаты, что ничего, кроме похвальных отзывов, от глав правительств не поступало.

Говорят, все началось с большой глупости. Один из верховных чинов, ответственных за работу НИИ, с чего-то решил, что в Зону будет направлена крупная президентская комиссия. Струсив, он за ночь накатал рапорт «с повинной», мол, «это все они, а не я так придумал, а мне угрожали, и я был вынужден согласиться», и эта бумага очень скоро лежала на красно-бархатном столе. Проверка, которая, собственно, и не планировалась, по результатам той трусливой бумажки все же состоялась. В НИИ под видом ученых были направлены сотрудники соответствующих служб, которые за месяц узнали все нюансы истинной работы Института. Мало того, аналитики этих же служб выразили мнение, что, мол, неплохо было бы и сохранить существующий порядок вещей, единственно, вышибить лишних лаборантов, «специалистов», «якобы спасателей» и прочих дармоедов, фактически ничего не делающих и получающих при этом немалые деньги. Спецслужбы сработали на ура и даже дали грамотные рекомендации, но... правительство срочно потребовало «установить законность и порядок». И начали устанавливать...

Разумное начальство НИИ и командиры военных были немедленно смещены с занимаемых должностей и большей частью посажены в СИЗО, не отделившись даже подписками о невыезде. Новое военное командование не нашло ничего умнее, как объявить «Долгу» достаточно наглый ультиматум с требованием сдаться в обмен на обещание ходатайствовать о снижении сроков за «незаконное приобретение и ношение оружия и боеприпасов» и «деятельность в составе незаконного вооруженного формирования». Седой, услышав такие требования, разорвал с военными сотрудничество, предупредив о вооруженном сопротивлении, буде армейцы сунутся на Росток. В этот же день все отряды «Долга» снялись с внутренних армейских блокпостов, а солдаты-контрактники дружно подали рапорты об увольнении — благо, сроки контрактов большинства из них подошли к концу, а самостоятельно выживать в Зоне без поддержки опытного и лояльного «Долга» желающих не нашлось. Прочим сталкерам, не «долговцам», даже ультиматума не объявили, а просто начали готовить облаву, постепенно стягивая полк вэвэшников к Чернобылю-7.

Большинство сталкеров, предупрежденных по своим каналам, заблаговременно утекло в Зону, всех остальных, кто не успел или не внял предупреждениям, повязали. В Чернобыле-7 больше суток грохотали выстрелы и рвались гранаты. Внутренние войска, брошенные в оцепленный научный городок, довольно быстро почувствовали на себе, что такое сталкер, зажатый в угол. Что опыт вялотекущей, но почти бесконечной войны с мародерами и бандитами наложится на страшные, смертоносные знания, вынесенные из Зоны, и что артефакт может быть не только ценным товаром, но иногда еще и оружием. На одного убитого сталкера приходилось по трое-четверо погибших солдат-срочников, бездумно

брошенных в атаку, в ярко-синих, ослепительных вспышках горели бронетранспортеры, а на головы атакующих бойцов падали бутылки с «киселем» и самодельные гранаты, начиненные «жгучим пухом» и фрагментами «жорней». По результатам с большими потерями вольных бродяг перебили всех, а НИИ потерял в пожарах несколько зданий, одного научного сотрудника, задетого шальной пулей, и распрощался с доверием сталкеров. Оставшись без проводников и добытчиков артефактов, НИИ совершенно справедливо потребовал от своих поисковиков-специалистов и полевых лаборантов исполнения их прямых обязанностей, то есть фактически послал в Зону за «материалом». Специалисты и лаборанты, по замечанию одного из очевидцев, «свалили в ужасе», причем так быстро, что стопки увольнительных листов пришлось оформлять уже в отсутствие бывших сотрудников. НИИ остался ни с чем, и очень скоро это понял.

Армейцы, лишившись грамотных, правильных командиров, были вынуждены подчиняться новому командованию и вскоре понесли устрашающие потери на подступах к Росту — новый штабной генерал не нашел ничего лучше, как просто организовать массовую атаку на «бандитов». В результате «Долг» пополнился новыми бойцами, без раздумий перешедшими на его сторону, а генерала нашла снайперская пуля. Вылазок в Зону со стороны военных больше не было, а новый штабник, присланный взамен отстрелянного, приказал задействовать «полигон, максимально соответствующий условиям Зоны, и заняться обучением военных специалистов». Полигон создали еще год назад в северном районе Москвы нашлась подходящая заброшенная больница с участком прилегающей территории, где при помощи разных спецэффектов и голографии были созданы «аномалии» и «мутанты», а стрелковую подготовку будущие «военstalы» должны были пройти уже недалеко от Зоны, на полигонах под Киевом. Денег ушло на эту затею, по признаниям самих военных, просто невозможно как много при том, что сталкеры, тогда еще дружественные официальным властям, предупреждали о глупости самой этой затеи. «Военstalов», впрочем, все равно «подготовили» и прислали в распоряжение ученых. «Спецы», как и следовало ожидать, угробились, прихватив вслед за собой и несколько научных экспедиций. И стало понятно, что это все, конец, или, как говорят сталкеры, «хана со знаком качества». НИИ потерял почти все гранты на исследования из-за простоя, и перспектив получения новых денег не было никаких — ученые держались на последних запасах. Европейцы, потеряв к НИИ интерес, нашли общий язык со «Свободой» и всерьез подумывали оставить Институт на отечественных финансах, которых хватит разве что на пробирки. Установленные «законность и порядок» привели к тому, что ситуация в Зоне вообще перестала поддаваться хоть какому-нибудь контролю. И тогда правительство просто приказало «сделать как раньше, когда было все нормально». Ага. Уже сделали.

По крайней мере прошлых руководителей и командиров из СИЗО выпустили и даже извинились, посадив взамен на те же нары «новое» начальство. Понятно, что лишь часть из бывшего, по-настоящему грамотного руководства вернулась к работе, остальные просто не захотели по понятным причинам. Что за время «законности» толковые сталкеры давно нашли других заказчиков и уже не видели резона возвращаться к ученым. Что многие просто погибли в перестрелках, аномалиях, в когтях мутантов. Что система, так глупо и грубо сломанная, восстанавливаться не спешила, если ей вообще суждено было хоть как-то восстановиться. И может быть, я в этой ситуации — последний шанс НИИ, мизерный, слабый, но все-таки шанс вернуть доверие и доброе имя Институту. Забавно выходит: когда-то один из ученых НИИ послал меня на неминуемую смерть, в интересах своей диссертации отключив мой ПМК от предупреждений о Выбросе — если бы не встреча с Хип, то все, не было бы Луня. А я вот теперь Институт спасаю — вон какой материал отснял, точно знаю, что всем европейским «ботаникам» такие съемки и не снились даже. Есть у меня еще одна штукавина, на черный день припасенная — спрятал я кое-что в тайное место под половицами в спальне, коробочку одну, над которой все годы в Зоне работал. Не надеялся я, конечно, вернуться, но сталкерский инстинкт все же сработал — сделал я на всякий случай захоронку, тайничок, и, уверен, до сих пор лежит там небольшое, но сокровище.

Улыбнувшись, я хмыкнул и наконец поднялся на третий этаж. Дом. Милый дом. Уже и забывать начал, как ты выглядишь, и как в подъезде пахнет, даже треснутое стекло на лестничной площадке осталось таким же. Единственно, на втором этаже стены были в пулевых кратерах, а одна из дверей, явно выломанная, прислонена к дверному проему, и еще в углу площадки третьего этажа валялось несколько гильз. Я щелкнул ключом в замке и вошел в свою теперь уже «двушку».

То, что квартира некоторое время была не моей, я понял сразу: в прихожей на полу валялась банка, доверху набитая окурками, а у стены тускло блестели осколки разбитой бутылки. В комнатах стоял застарелый прогорклый табачный дух — с тех пор как я прекратил курить, запах жженого табака почему-то стал чувствоваться намного острее. Ох, свиньи... чем, интересно, помешала им репродукция «Тихой обители» Левитана, которую я собственноручно припер из мертвой школы, что недалеко от Залесского? Не сказать, чтоб я был большим ценителем картин, нет, какой там... но небо на этой старой, немного потемневшей от близости «жарки» репродукции так меня задело, что на обратном пути я прихватил немаленькую картину вместе с рамой. Да, тащить пришлось издалека, примотав раму к рюкзаку — в баул она не влезала. Потом пришлось еще видеть вытянувшиеся, удивленные лица солдат на пропускнике. Похохатывали и сталкеры в Баре, чуть не пальцем показывали: мол, совсем рехнулся Лунь после Выброса, решил в культурные податься, но вскоре с этим завязали — я просто не реагировал на подколки. А репродукция и впрямь была хороша — оттер я от черноты стекло, подновил лак на покоробившейся раме и повесил в зале. Определенно радовала, успокаивала меня эта вещь, и очень нравилась мне мысль, что не бросил я ее в Зоне, что дома она у меня теперь. Единственный человек, который, похоже, правильно меня понял с этой самой картиной — Хип. Тоже по такому небу тосковала девчонка, по живому, чистому лесу и речной тишине. Не случайно, наверно, Координатор ждал нас у похожей реки и такого же точно леса... Репродукция и теперь висела на стене, но уже без стекла — оно кусками валялось на полу вместе с несколькими погнутыми, с обколотыми ручками кухонными ножами. По всему видать, бросали ими в «Тихую обитель» — метины от попаданий густо покрывали репродукцию, в таких точно же язвочках была и рама. Вот же дурачье... интересно, о чем думали эти субъекты, когда ножами в красоту швырялись? Я вздохнул, снял обезображенную картину и приставил к стене так, чтоб не видеть «художеств» бывших жильцов. Посмотрим, где тут еще разгром учинили...

Как ни странно, и мебель, и стекла, и даже электроплита на кухне были целы, хотя последняя была до невозможности грязна, залита какой-то присохшей дрянью, и опять — окурки, гора одноразовых тарелок-лотков на столе, батарея бутылок под раковиной. И грязь на линолеуме, широкими такими тропинками — одна из прихожей тянется на кухню, вторая ведет в спальню. Красавцы, вопросов нет... Хип за то время, что мы были вместе, создала в казенной квартирке уют настолько, насколько это было возможно, — добыла через НИИ занавески на окна, полочки, набор посуды — и мое серое жилище, или просто основной, главный схрон, благодаря ее упрямым усилиям приобретал скромную красоту и тепло. До сих пор здесь эти занавески, чистые даже, хоть и пропахшие табаком, покрывало на диван тоже она достала, которое теперь измято, в колбасках пепла. Хип... хорошо, что ты сейчас этого всего не видишь — представляю твое негодование. Как ты это обычно делала? Да, конечно, короткий, шипящий выдох сквозь сомкнутые зубы, прищур, и синие глазищи начинают смотреть с колючей такой, жесткой искрой. Помню...

Последний разгром обнаружился в дээспэшном шкафу в спальне — все полки были выломаны «богатырскими» ударами, видно, напоследок, когда «спецов» попросили исчезнуть из пределов Чернобыля-7. Ну, ладно... в случае чего, «обменяю» сломанный шкаф на такой же целый в любой соседней квартире — замки на многих дверях были открыты, а я знал, что в некоторых квартирах при мне не было жильцов. А теперь посмотрим, на месте ли тайничок...

Давно еще, с тех пор как НИИ «вписал» внештатного полевого лаборанта Луня в одну из своих казенных «двушек», начал оный сталкер кроме артефактов таскать из Зоны разную информацию: делал снимки, записывал наблюдения, собирал местный фольклор, по памяти

воспроизводил байки, рассказы бродяг, их советы. Все, что узнавал сам, что слышал от ученых, других сталкеров, «долговцев» заносилось вначале в память, хорошую, надежную после той самой «чистки» две тысячи седьмого года, а потом вместе с фотографиями и видеозаписями выкладывалось на компьютер. Вначале просто из интереса, а потом, постепенно, стали на персоналке выплывать уже и тематические разделы — группировки, аномалии, мутанты, события. И в каждом разделе — фото, видео, наблюдения, тексты от ученых и сталкеров, в особых папках — истории, рассказы, собственные мысли. После каждой ходки садился за персоналку, в обязательном порядке «сливая» на компьютер набранную на ПМК информацию, часами обрабатывая и группируя с уже имеющимися данными. Капитальнейший получался труд... и хобби своеобразное, дань журналистскому прошлому, и задел на будущее — я почему-то не сомневался, что собранная и упорядоченная информация о Зоне может стоить очень недешево. И, перед тем как уйти с Хип в ту самую, смертельную ходку, приобрел я два съемных жестких диска, аккуратно переписал десятки гигабайт Зоны в каждый из них и, нарезав дополнительно третью копию на нескольких DVD, просто отформатировал винчестер. Металлическая коробка, вложенная в герметичный контейнер для артефактов, была спрятана в тайник, доски уложены на место и даже прибиты.

Я оторвал от стены плинтус и поднял лоскут линолеума. Одна из половиц была прибита не особенно крепко, и после некоторого усилия подалась. Тайник и ныне был там. Вот он, мой труд не одного года в Зоне. Если выдадут мне компьютер, а его выдадут, продолжим. Покупатель, и я в этом уверен, найдется обязательно — тут главное не продешевить. Но это все потом, а пока, положив коробку на стол, я, стряхнув на пол сигаретный пепел с покрывала, улегся на диван прямо в комбезе, сняв только ботинки. По-хорошему надо было поставить чайник, хоть немного прибраться, сочинить ужин, но уборку по причине уже полностью холостяцкой жизни я отложил на завтра, есть не хотелось, единственно — я уже успел соскучиться по нормальному продолжительному сну, желательно часов на шестнадцать-восемнадцать, Не меньше.

Сколько я проспал — было неизвестно, однако за окном уже была глубокая, черная ночь, а на стекле поблескивало отражение единственного желтого огонька — кто-то не спал в соседнем доме. Я потянулся, хрустнув суставами, и, еще не пробудившись, привычно хлопнул рукой слева от себя — Хип любила спать у стены... странно. Ни ее, ни даже теплой впадинки на простыне от ее тела. Ах-х-ха... вроде сегодня не планировалось раннего выхода, первая вылазка должна быть не раньше чем через три дня, помню, хотя и немного смутно, что так решил... тогда где она?

— Эй... стажер!.. — позвал я. — Это...

И окончательно проснулся.

Квартира, пустая, темная, ответила прохладной тишиной. Ну, конечно... она же ушла. Черт. Забыл я про это совсем, спросонья еще не сообразив, что все, теперь больше некого звать. Нет ее здесь. Ты один.

Что-то оторвалось в груди. Резко и больно, так, что перехватило дыхание. Хлопнул по карманам в поисках верной фляжки, нащупал ПМК, включил... синее свечение экрана довольно резко ударило по привыкшим к темноте глазам. Половина пятого, должно уже светать, но рядом Зона, а значит, почти неизменная тяжелая облачность, отчего рассветы здесь темно-серые, поздние, а на тучах нет отсвета городов. Предутренняя Зона оттого непроглядно-черная, словно зев пещеры, плохо в такое время заблудившимся сталкерам...

Глаза быстро привыкли к свету, и я в уголке экрана заметил значок сообщения. А, небось, о своевременной оплате напоминает, хотя я на месте НИИ давно сделал бы сталкерам бесплатную сеть. По сотне долларов в месяц трясти за доступ ко всей распространяемой информации — это все-таки перебор. Все понятно, что передатчики, разбросанные по «палестинкам», стоят очень недешево, как и обслуживание полноценной сети на особых, специально для Зоны подобранных частотах, которые тем не менее иногда отчаянно «врали» не только во время Выбросов, но даже и вблизи крупных аномальных полей. Дорого, ясное дело, стоил и сам ПМК — уникальная, нужно сказать, вещь.

Полноценный компьютер размером с ладонь и толщиной в два с половиной сантиметра, он справлялся со всем — со связью, фото- и видеосъемкой на встроенную камеру, через универсальные разъемы подключался к «продвинутому» дозиметру ДСУ и детектору аномалий. Дорого он стоил, это факт, но НИИ еще в те, светлые времена заказал их в избытке и распространял среди сталкеров почти даром — у торговцев ПМК без проблем можно было купить и оформить за двести, максимум за двести пятьдесят зеленых рублей. Ученые получили возможность отслеживать перемещения сталкеров, на расстоянии давать задания, если какой бродяга окажется на подходящей для исследований территории, а также получать большое количество разной полезной информации — за важные фотографии и видеосъемки НИИ платил неплохо. Стакеры соответственно получили еще больше пользы — предупреждения о Выбросах, «глушняках», вливание в сеть общественно полезной информации, можно было и попросить помощи — не одна жизнь была спасена посредством этих маленьких умных машинок. Случался и обмен «любезностями» между группировками, разные объявления, предложения, а то и обычный треп бродяг, вынужденных скучать в схронах, переживая какую-нибудь очередную пакость Зоны. Честно говоря, я бы не решился сделать дальнюю ходку без персонального мини-компьютера, или просто ПМК. Надежная, стойкая к разным воздействиям Зоны, на удивление прочная машинка стала такой же необходимой деталью экипировки, как оружие, защитный комбинезон и приборы.

Я дважды легонько ткнул пальцем в сенсорный экран. ПМК, отреагировав на прикосновение в сочетании с теплом тела, включился в активный режим.

«Есть непрочитанные сообщения. Открыть?»

— Валяй, — проворчал я, нажимая «открыть» и откидываясь на подушку. Надо бы заняться настройками новой машинки, чтоб не цепляла разную служебную ересь с институтских серверов, касающуюся только «кабинетчиков». Не особенно интересны мне расписания заседаний ученых комитетов и списки премированных лаборантов-штатников, которые обязательно будут приходить по пять раз на дню. Я ведь теперь как-никак старший научный. Хех... сто процентов, уже целый пакет новостей...

«Привет. Как ты?»

Я подскочил на диване, прогоняя остатки сна.

Хип?

Ну а кто еще может прислать сообщение со «свободовского» передатчика? Да еще и в три часа ночи? Только она... конечно, она. Как дела, значит? А так, что чихать на запланированный трехдневный отдых, шут с ним, что темно еще на дворе и что как следует не отдохнул. В Зону. На Армейские склады. Сил больше нет, как хочу просто увидеть и поговорить. Оживаю я, родная. Видно, не все еще во мне умерло в том иллюзорном мире.

И невыносимо уже от одиночества. Если и не суждено нам, как раньше, то, может, команда состоится? Все-таки, сработались мы с тобой на славу, стажер, настолько, что без слов друг друга понимали. А значит, на выход.

«Иду. Жди» — короткое сообщение ушло в сеть, я подхватил рюкзак — благо тот был еще не разобран, и, на всякий случай спрятав диски в тайник, через минуту захлопнул дверь.

Когда я проходил через пропускник Периметра и сонный сержант проверял пропуск, в Зоне уже начало светать.

* * *

«Огненный шар» откатился еще дальше, а длинная ветка, которой я пытался его подцепить, густо задымилась и как-то разом полыхнула веселым желтым пламенем. От жара уже начало печь не только открытое лицо, но и руку в защитной перчатке «Кольчуги». За костюм я не опасался — такие температуры ему нипочем, однако находиться так близко к «жарке» — испытание не из приятных. Веет густым теплом, словно из открытой печи, от жара на лбу выступил пот, уже начало жечь, и я, чертыхнувшись, отскочил далеко в сторону от аномалии. Воздух сразу стал приятно-холодным, свежим, я стянул с руки горячую перчатку и вытер пот со лба.

«Жарка» разлеглась на остатках деревянного дома, и она же, видимо, когда-то сожгла его не то что в угли — в золу. Постоянные дожди превратили пепел в плотную, серую землю с крапинами ржавчины от раздутых, полностью расслоившихся на чешуйки гвоздей и кусочками шифера. От дома, собственно, остались только кирпичный фундамент и печь с высокой трубой. От аномальной температуры с нее полностью обвалилась штукатурка, а кирпич пошел крупными трещинами и почернел — «жарка» окружила печь со всех сторон и буквально «облизывала» кирпичную кладку потоками дрожащего, раскаленного воздуха. Центральный канал аномалии скорее всего проходил в трубе, до сих пор, видимо, выдерживающей странный, оранжево-синий огонь такой температуры, на которую, конечно же, печь была не рассчитана. Кирпич, похоже, спекся, сплавился в монолит еще до того, как от жара пошли трещины, но этот вопрос занимал меня сейчас не особенно сильно. У поддувала, возле чугунной заслонки, темно-малиновой от постоянного «подогрева», в дрожании воздуха огромным, жарким углем, переливался «огненный шар» — не особенно редкая в Зоне вещь, но тем не менее три с половиной сотни стабильно стоявший даже в «богатые» времена. Теперь, ясное дело, больше.

Подобрав ржавую оконную ручку, я примерился и запустил ее в открытую печь. Предположение оказалось верным — разбухшая аномалия зарокотала пятиметровым языком переливчатого синего огня, вылетевшим из трубы, словно из ракетного сопла. Высоко в небо полетели яркие желтые искры. Поток воздуха «огненный шар» затащило в поддувало, внутри печи что-то громко лязгнуло, пахло совсем уж обжигающим жаром, и артефакт, подброшенный языком аномального пламени, вылетел из трубы и, упав, откатился далеко в сторону от аномалии.

Естественно, «огненному шару» «жарка» никак повредить не могла. Он даже не нагрелся, несмотря на то что рдел раскаленным углем, играя редкими, яркими искрами, то и дело вспыхивающими на его боках. Довольно крупный, размером с хороший грейпфрут, весил он совсем немного, словно был сделан из пенопласта. Легкий и твердый, артефакт давал обманчивое впечатление хрупкости, но его шершавые, скрипучие бока не пробивались даже винтовочной пулей. Сталкеры, зная об этом, часто выбивали прицельными выстрелами «огненный шар» из скоплений «жарок», правда, обычно тратя на это немалую часть боезапаса. Интересный арт... несмотря на огненный, жаркий вид, он лишь слегка согревал ладони, поскрипывая при трении и рдея точно так же, как громадная головня из костра, по каким-то фантастическим причинам потерявшая весь жар. Долго держать в руках его не следовало — «огненный шар» немного излучал, а в Зоне и без того хватает мест, где можно цапнуть рентген. Значит, в углепластиковый контейнер его со специальной защитой из многослойной освинцованной фольги, снижавшей не только излучение, но и пока необъяснимым для науки образом подавлявшей большинство аномальных свойств артефакта. Уф... ну что ж, день задался.

Я положил контейнер в рюкзак и осмотрелся. Восточная граница Агропрома, за которой, чуть дальше, в серой такой дымке виднелись «курганы» Свалки и едва угадывался белесый треугольник крыши Депо. По левую руку — Гнилая балка, обозначенная густыми зарослями «канатника» — узловатых, закрученных штопором кустов. Если по ней топать, можно выйти к Новым территориям Зоны за Янтарем — Ямам и Сказочной роще. Надо как-нибудь туда заглянуть — нехоженые места, «новые», опасные, конечно, но при этом шансы найти какую-нибудь уникальную штуковину повышаются в разы. Но это все потом... и, надеюсь, уже не один я туда пойду, а с напарником. Со стажером. Понимаю прекрасно, что сталкер она уже, и неплохой, но старая привычка штука прочная. Стажер, и все тут.

«Интересно, что я ей скажу», — думал я, обходя небольшое поле сердито гудящих «трамплинов» и уже на автомате высматривая в облачках летающей грязи признаки хабара. — «Привет... ну, это понятно. Хм, вот дурак-то. И сказать нечего».

А здесь очень и очень осторожно... канава, зараза. Да не простая она, а с какой-то невидимой мерзостью. Выкопали ее еще до Первой, трубы бетонные уложили, но закопать не успели. Края, конечно, оплыли под дождями, отвалы глины по краям давно осели, расчертило их глубокими рубцами от ручейков. И что характерно, ни на отвалах, ни на краях

самой канавы ни одной былинки не выросло — голая глина и камешки. Скверный это знак, хорошо, что заметный сразу. Где ничто не растет, проплешины на земле видны — не вздумай соваться, сталкер. Окатывает спину холодком заранее, хоть и далеко я еще от канавы, да и подходить не собираюсь, но инстинкт все равно протестует, так, на всякий случай. Вон и «сторожа» видны — не спасло стайку слепых собак особенное их чутье на Зону, залезли на холмик, да там и остались — аккуратные такие скелеты лежат, не потревоженные, косточка к косточке, а отвал весь пестрый от налипшей шерсти, теми же дождями к глине прибитой. Хорошо работают «сторожа», только что не лают, издали видны, и поэтому, наверно, ни одного новичка в эту канаву не занесло, надеюсь, и потом они сюда не полезут.

«И правда, что я ей скажу? Ч-черт... хоть и говорят, что язык у Луны хорошо подвешен, однако думается мне, буду торчать столбом и мекать на потеху „свободовцам“. Засада это. Думай, сталкер».

Я хмыкнул своим невольным мыслям и побрел на безопасном расстоянии от глинистых залысин, не забывая при этом внимательно осматривать пейзаж — Свалка недалеко, как бы на бандюков не нарваться. Да и мутантов никто не отменял — в «старой» Зоне редко видели экзотических тварей, но и стая слепцов или случайный снарк были не менее смертоносны, чем «осьминог» или «королевская плоть». И, хоть пока все было тихо, Зона оставалась Зоной — теткой, на сюрпризы весьма щедрой.

«Подлая» канава заканчивалась просевшим в мягкую, жирную глину гусеничным экскаватором. Годы под агрессивными дождями Зоны не оставили на нем даже следа ржавчины, отмытые льющимися с неба осадками траки гусениц и зубья опущенного ковша блестели полированным металлом, с машины не слезла даже краска. Кто-то от нечего делать выбил в кабине все окна, местами на желтых боках виднелись пулевые пробоины, но, если не считать этого, экскаватор выглядел совсем новым. В его кабине сидел еще один «сторож» — года два назад туда забрался зомби. На ожившего мертвеца аномальное поле не оказало никакого влияния — тело несколько месяцев дергало рычаги, «рулило», временами хрипя сгнившими связками и пялясь пустыми глазницами на проходивших мимо сталкеров. В зомби несколько раз стреляли, даже попадали, но «водитель» не обижался и из кабины не вылезал, продолжая «работать» до тех самых пор, пока окончательно не умер и не высох в большую серую куклу с провалившимся лицом. Он в принципе и сейчас работал, отпугивая от «перспективной» канавы любопытную сталкерскую «зелень».

У самого экскаватора следовало немного задержаться — место, конечно, жуткое и очень опасное, но то я и сталкер, чтоб, значит, шкурой рисковать. Тем более, что рисковать мы будем осторожно и грамотно. Не часто, но появлялись возле только этого экскаватора «браслеты» — черные, с ярким блеском антрацитового скола. Тонкое витое кольцо по размеру действительно было похоже на браслет, разве что носить его в качестве украшения нельзя, да и просто голыми руками долго держать не надо. На ощупь чуть пощипывает, почти приятно, щекотно, но если хоть полминуты в руках повертел — вещь и впрямь красивая, — то кожа начинает отмирать небольшими, круглыми участками, волдыри черные вылезают уже на следующий день, а заживает, зараза, долго, шрамы остаются. Пользы сталкеру от «браслета» никакой, скорее один только вред, но посредники НИИ за такой артефакт без вопросов полторы тысячи зеленых рублей выкладывали, а барыги — и того больше. Сегодня, впрочем, не судьба мне заработать на «браслете» — на глинистых отвалах и в тени экскаватора не было даже намеков на артефакты. Не беда... проверю сегодня еще пару мест по пути на Армейские... идти, правда, придется через промзону, непосредственно примыкающую к Росту, и не случайно названную Дикими землями. Звание честно заработанное: и драки случались там между группировками, которые ее все никак поделить не могли, и целыми отрядами сталкеры пропадали, и с наемниками случались там встречи сомнительной полезности. Раньше были земли эти «дикими» а после Третьей — так и вообще «дичайшими» стали. Аномалий там было, как на собаке блох, теперь еще больше. Настолько жуткие, унылые места, что даже и твари там почти повывелись, зато в заводских цехах, гаражах и железнодорожных ветках было море самых разных аномалий. Давно

сталкеры заметили, что как только Зона новыми типами ловушек разродится, то в первую очередь надо их на Диких землях искать, примета верная. Правда, не все рисковали соваться в бывшую промзону — хоть и находились совсем рядом две чистые «палестинки» — Росток и шестой фабричный корпус, где теперь Майор со своими людьми обосновался, однако между ними пролегали земли, по гадостности сравнимые только с Темной долиной или «новыми» территориями. Но рискнувший сталкер или вовсе не возвращался, или же приносил хороший хабар, бывало, что и уникальный. После недолгого раздумья я достал ПМК и вывел на экран карту Диких территорий, составленную на основе аэрофотоснимков. Как на ладони все... вот железнодорожные пути с тупиками, отлично видны цепочки вагонов с щебнем и просто пустых, а рядом со свалившимся на бок составом — три черных крестика. Еще два — у длинной стены завода, как раз под осыпавшимися окнами. Россыпь из десятка чьих-то смертей — в большом цеху и заводских гаражах с провалившимися сводчатыми крышами. Асфальтированные площадки, желтый лесок на севере, дорожки, корпуса завода, полустанок — все в крестиках. И штрихами, разноцветными линиями, серой и красной заливкой — примерные маршруты и особенно паршивые места. По-хорошему, надо бы мне обойти Дикую большущим крюком, не лезть туда, но уже знакомо стукнуло сердце, проснулся азарт — убийца сталкеров, и...

И я вдруг мысленно начертил маршрут, свой, такой же почти безнадежный, как и те, что проложены были до меня удачливыми и не очень бродягами. Определенно, стоит пройти вот у этого цеха с обрушенной стеной, мимо просевших гаражей вот сюда... проверить подвал, а тут, у козлового крана, хорошенько пошуровать у вагонов, затем через заводские окна пересечь основной корпус насквозь и через пару часов добраться к Армейским. Места непопулярные, аномалий море, опасно, конечно, но где в Зоне легко? Да и... не по мне это как-то. Не прятался я от риска, даже к Коржино ходил, да и сейчас, уж коли собрался на домик у моря накопить, будь добр, иначе одну только мелочевку носить и будешь, а оно не солидно. НИИ тоже вряд ли в восторге будет от «капель» и «русалочьих слез», этого барахла им любой новичок натаскает — тебя ведь, если вдуматься, не за красивые глаза в старшие научные приняли и не за них же платить будут — «ботаники» народ в этом плане строгий. Ну и просто нужно мне было глупость свою чем-то оправдать, ибо охота пуще неволи — звала уже, тянула к себе Зона душу сталкера, и никуда ты от этого не денешься.

А вот и местечко знакомое, как раз та граница, что Свалку от бывшей промзоны отделяет. Забор из больших бетонных квадратов с остатками колючки на ржавых штырях, местами поваленный в густые заросли всегда желтоватой травы, в которой сейчас какие-то цветы вылезли, синие, яркие, с кроваво-красной серединкой. Да, грамотно, кстати... на той самой могилке, если ее можно так назвать. При мне угробился в этом проходе Фил, хороший сталкер, но упрямый до невозможности. Нельзя, наверно, некоторым одиночкам хоть в какой компании ходить, даже с попутчиком. Встретились на Свалке, привет-привет... куда, мол?... ну, айда вместе. И до этого забора дошли, будь он не ладен. Я тогда еще молодой был совсем, зеленый, в Зоне год с небольшим, а Фил, говорят, еще до первого Выброса «медузы» барыгам таскал. Что-то меня тормознуло на подходах, а Фил дальше топает, как раз туда, где секция забора завалилась, широкий такой проем получился. Большой, открытый грузовик проедет... открытый, ну, словно пасть, И гайка, Филом брошенная, пролетела в этот проем нормально, только вот сверкнула разок серебряным, чистым блеском, да и то на какую-то долю секунды. «Стой», — говорю. Фил, понятное дело, остановился, спросил, чего я там углядел, выслушал и посмеялся над моим «блеском». Мол, не дури, эта тропа всегда чистая была, только вчера здесь проходил и — шагнул в проем.

Вычистила мне Зона память очень здорово, тот самый Выброс постарался, оттого-то, наверно, все последующие события ярко и сочно запоминались. Потому и сейчас, стоя возле того проема, в деталях я припомнил, как медленно, плавно развалило сталкера на части, словно невидимые руки размяли фигурку из влажной глины, сдавили до глубоких трещин... на полуслове оборвало речь, Фил даже не вскрикнул. А у меня первой, странной мыслью было: почему все так тихо произошло и отчего это крови совсем не видно на бесформенных алых кусках, которые все разминало и рвало в воздухе, и даже крепчайшая ткань комбеза

разлеталась на длинные лоскуты все в той же глухой, ватной тишине. Только вчера, значит, проходил... чистая тропа...

Проем и ныне был здесь, все такой же широкий, открытый, но в желтой, колючей траве уже давно ничего не было видно, даже лоскутов тряпья — все вросло в землю, покрылось слоями жухлой травы. Единственно, россыпь этих странных, ярких цветов с васильковыми лепестками и кровавой росинкой в центре, которых я нигде раньше не видел. Но в любом случае здесь прохода для меня с тех пор не было, нет и не будет, поэтому, щелкнув мутировавшую растительность на ПМК — Может, сгодится «ботаникам», и пинцетом очень осторожно сорвав один цветок — для них же, — я отправился вдоль забора к «своим» проходам.

— Здравствуй, Лунь.

Сознание еще не успело ничего понять, а рефлексы уже сработали: левая рука перехватила ружейный ремень и сильным движением рванула его вперед и вверх. «Сайгу», нырнувшую под плечом, автоматически перехватила правая рука за шейку приклада, в то время как левая уже сомкнулась на пойманном цевье. Разворот к источнику шума и...

— Да. Недурно. — И тихий смешок.

Этого человека я никак не мог встретить. Слишком невероятно даже для Зоны... но это точно был он.

Как всегда, без капюшона или защитного шлема, отчего хорошо видно, как серебрятся коротко стриженные седые волосы. Лицо характерного, светло-бронзового загара, какой бывает только в Зоне, аккуратная борода-эспаньолка, тоже совсем белая, и знакомый прищур крупных серых глаз, острый, пронзительный, но при этом не злой, скорее, любопытный. И знаменитый комбез, уникальный, говорят, даже какой-то особенный, подаренный когда-то командиром «Монолита» за исцеление. Комбинезон впоследствии был доведен до ума при помощи секретных свойств разных штуковин из Зоны, а уж лучше, чем этот человек, в артефактах никто не понимал.

— Доктор?..

— Ну, если вы меня признали, то, может, прекратите целиться, уважаемый?

— Вы же... умерли...

— Хм. Кто вам такое сказал? — Доктор улыбнулся. — Пеночка должна была передать вам, что я ушел, ведь я и впрямь уходил по делам. А уход, тем более временный — это отнюдь не смерть.

— Но...

— Сталкер, после того как вы вернулись от Координатора, думаю, не стоит обращать внимание на некоторые условности. И кстати, как моя воспитанница? Я в курсе, что она вас провела к Саркофагу, но потом я уже не мог за ней наблюдать.

— Была в порядке, — я опустил «сайгу». — У... у Красного леса она уже вполне сносно говорила, да... знаете, в какой-то момент я даже перестал замечать, что она не человек.

— Вот как? Удивительно... не думал, что мое, скажем так, воспитание сохранится на такое длительное время. Она снова удивляет меня... чувствую, что жива, и мало того, какое-то время даже общалась с другими сталкерами, но информация отсюда шла очень тяжело, пока я отсутствовал... м-да. Пойдемте, посидим. Здесь, у одного из корпусов есть подходящее чистое местечко, где я уже развел костерок и собрался отобедать. Составьте компанию.

И Доктор уверенно прошел сквозь «опасный» проем и направился к высоким цилиндрическим бочкам цементного завода, у которых действительно был виден дымок. Я проследовал за ним. Прав Болотник — в другое время и с другим опытом, пожалуй, стоило бы удивиться. Теперь же, после смерти и встречи с Координатором, я вполне мог ожидать такого. Уходил, значит... ну, ладно. Сейчас и поговорим. По душам поговорим и насчет того задания, и обещаний, что мы «выживем», и всего прочего.

— Присаживайтесь. — Доктор передал мне кусок доски. — И, как говорится, чем бог послал... осторожнее, не обожгитесь.

Я принял из рук Доктора дымящуюся банку «гречки с бобами и мясом», которая до этого стояла рядом с костерком. Банку я отставил, немного помолчал, вздохнул и...

Высказал.

Все, что думал о затее Доктора передать желание Монолиту. О том, как здорово использовать людей в качестве пешек в какой-то непонятной шахматной партии. О том, что мы попросту погибли в перестрелке, спасая Пенку от долговцев. Что мертвым быть не очень-то здорово и что, даже будучи зомби с гниющей рукой, я был живее, чем сейчас. Что из-за чьей-то бредовой теории о «конце света» мы со стажером, Хип, просто потеряли друг друга. Что...

Материться при Докторе, впрочем, не хотелось, поэтому я просто тихо выпустил набранный для залпа воздух обратно в атмосферу.

Доктор слушал меня спокойно, даже задумчиво, перемешивая в своей банке горячую кашу одноразовой пластиковой вилкой. Иногда кивал, даже улыбался немного печально, и, когда я закончил, он просто спросил:

— Да, я гарантировал, что вы выживете. Ну а разве вы сейчас мертвы, Лунь? Насколько я помню, из этой... миссии, которую я попросил выполнить, вы вышли живым.

На это сказать было нечего, и я просто кивнул.

— Что касается второго обвинения, Лунь, того, что вы друг друга потеряли из-за моей просьбы, то это зря. Вы ведь на Армейские идете, верно?

— Да, это так.

— И зачем, точнее, за кем вы туда направляетесь, догадаться несложно... видите ли, сталкер, после опыта, скажем так, небытия некоторые грани нашего человеческого существа стираются. Понятно, что прежними нам не быть хотя бы потому, что теперь мы знаем о мире несравненно больше, чем до этого специфического, опасного, но иногда необходимого опыта. И это сильно отражается на личности даже в том случае, если мы не желаем этого признавать. Но то, что мы считаем настоящим, то, что есть в нас, останется неизменным.

Доктор аккуратно подцепил вилкой горку каши, отправил в рот, неторопливо прожевал. Затем покопался в рюкзаке и достал две банки энергетика.

— Держите. С чаем сегодня, увы, ничего не получится — свой термос я забыл дома. Придется попить этой газированной гадости... впрочем, весьма приятной на вкус. Да, о чем это я... называйте меня провинциалом, но после того, как эта девчонка притащила то, что от вас осталось, причем фактически притащила на себе, я был потрясен. Не подумайте, я слышал разные истории, читал много книг, но я академический ученый, Лунь, получивший еще советское атеистическое образование, которое до сих пор небезосновательно считаю лучшим. Для меня любые отношения между полами выглядели исключительно химико-физиологическими процессами. Гормоны, инстинкты, химия мозга — в общем-то все, никакой эзотерики и прочей фантастики. Даже знания, скажем так, обогащенные Зоной, все равно показывали мне справедливость всех основных научных утверждений... ну, из той крохи информации о настоящем положении вещей, которую человек благодаря науке познал, и познал правильно. Но вы меня удивили. Правда. Я понял, как мало, в сущности, я знаю об этих самых отношениях.

— Знаете, Доктор... я уже начинаю сомневаться в том, что мы хоть что-то знаем, если честно.

— И вы правильно сомневаетесь, сталкер. Однако та самая малая толика мира, познанная человеком при помощи науки, познана верно. Правда, это даже не верхушка айсберга, а так, ледяной осколок, тающий в руках, но, однако, и он может многое рассказать о свойствах ледяной горы. Вы, наверное, уже догадались, о чем я попросил Монолит...

— Да, я читал ваши записи. Знание. Вы попросили его о знании.

— Я был первым ученым НИИ, который сам, без проводников и помощников, с одним автоматом и комплектом плохонькой защиты, в нарушение всех инструкций покинул группу в районе Красного леса, после чего через Припять добрался до Саркофага. И знания я получил — Монолит, знаете ли, иногда выполняет просьбы по-своему, так, как только он один и умеет. Дословно — неграмотный дурак попросил волшебника сделать его всезнайкой

— ну, допустим, стремился паренек к знаниям, несмотря на убогий умишко. А волшебник взял да и наколдовал дураку огромную библиотеку с множеством самых умных книг, объясняющих буквально все на свете. А потом ушел, забыв научить дурня грамоте. Тому только и оставалось, что листать тома и смотреть картинки.

Доктор помолчал, затем усмехнулся и поскреб опустевшую банку вилкой.

— Ну... потому и уходил я, Лунь, грамоте учиться. Примерно туда же и почти точно таким же образом, как и вы. А что касается смерти... вот, думаю, вы бы удивились, узнав, как с этой штукой все обстоит на самом деле.

— Да вроде как проходили уже...

— Проходить и понять — вещи разные, сталкер. Скажем так, смерть существует, но не везде и не всегда. И не для всех, если можно так выразиться. Мы ведь живем не в системах координат, не только в том пространстве и времени, что способны воспринимать наши примитивные органы чувств. Ведь, в сущности, мы воспринимаем глазом только узкий, крохотный спектр электромагнитных волн, и ничего, кроме них. Ухо слышит колебания газа — и это все, что ухо может слышать. Обоняние, осязание, вкус при всем его многообразии — еще более узкоспециализированные органы чувств, которые развиты у человека намного хуже, например, зрения. В основном все приборы, изобретенные человеком, лишь усиливали органы чувств или переводили информацию в доступный для нас вид, искажая ее при этом до безобразия. И неужели разум, укомплектованный столь убогими и несовершенными инструментами познания, как наши хиленькие каналы, и способный воспринимать мир только через них, не ограничен уже только этими пределами? Конечно же ограничен, притом очень жестко... в мире, допустим, полностью слепых существ, и при том наделенных разумом, открытие световых волн будет доступно только исключительному гению. И даже он сможет понять их, оперируя не зрительными образами, а какими-нибудь звуками или даже запахами. Если ты попытаешься объяснить такому существу, пусть и невероятно умному, гениальному даже, как выглядит свет или перспектива, что такое картина или фотография, то ты ничего не добьешься. Никогда это существо не поймет тебя так, как ты этого хочешь — оно не видит, и этим все сказано. Поэтому и я сейчас не в состоянии объяснить вам, сталкер, множество тех вещей, что стали мне понятны. Просто потому, что вы не сможете это воспринять, увидеть и, соответственно, понять.

— Постарайтесь. А вдруг?

— Хм... ладно, — Доктор усмехнулся. — Когда я вас лечил, точнее, наблюдал за тем, как вас вытаскивает с того света Пенка, кое-какие ваши особенности привлекли мое внимание. Например, ваша способность видеть сны, непростые сны, которая вас всегда нешуточно раздражала. Это вас пугало, хотя, и вы говорили об этом, вам снились артефакты в знакомых участках Зоны.

— Да было такое, — я откашлялся. — Но один раз. И то, что я потом нашел «хабар» именно на том чердаке, который приснился, можно считать совпадением. Случайность.

— Случайностей не существует, Лунь. Заявляю вам это с полной ответственностью... любая случайность не случайна, это скорее единственно верная реализация одного из бесконечного числа сценариев реальности... гм... ладно, я отвлекся. Так вот, сталкер, это не случайность, это даже не прогноз, а именно знание, пришедшее тебе из Зоны в удобоваримом для тебя виде, минуя органы чувств. Выброс две тысячи седьмого не только вычистил из тебя большую часть памяти, но и кое-что дал взамен. Какая-то часть тебя уже знала, что на крыше заброшенного дома лежит артефакт. Одна из тысяч твоих граней передала информацию другой грани тебя. Да, твоя личность, все то, что ты решил считать самым собой — всего лишь одна из тысяч граней тебя настоящего, о которых ты, тем не менее, знать не знаешь. Мало того, мир, который ты видишь трехмерным, на самом деле таким не является — ты живешь одновременно в сотнях измерений, не понимая этого и не в состоянии понять не потому, что ты глуп, а просто потому, что ты человек. И ты упрямо оставался человеком, не желая быть никем иным... а когда сдался и начал уходить, считая, что сошел с ума, тебя вытащила твоя девчонка. Ты слишком человек, Лунь, и никогда не захочешь стать таким, как Прохоров. В Зоне уже есть Доктор, Смотритель, Бессмертный, и,

думается мне, Координатор еще не совсем покинул эту часть мира. Нам не хватает только Сталкера, Лунь. Что же, придется поискать кого-нибудь еще.

— Стоп, Док, стоп, — я махнул рукой, едва не вывернув разогретые консервы. — Уже мозг закипает. Да и как-то страшновато становится...

— Да, конечно, — Доктор усмехнулся. — Есть у меня странная привычка вываливать на человека сразу горы информации, ну, я думаю, вы это заметили при первых наших встречах. А по поводу обвинений, я на самом деле виноват, пытаюсь навязать вам тот путь, который не является вашим. Но миссия, сталкер, та, которую я вам поручил, была очень нужна, поверьте. Необходима даже. Хотя она и не принесла ожидаемых результатов, вы все равно все сделали правильно. Даже больше, чем правильно.

— Ну, раз результаты не те получились, то когда же человечество вымрет, по новым прогнозам?

— Человечество не вымрет. Этот сценарий реальности был ошибочен с моей стороны, Лунь. Человечество не вымрет. — Доктор покачал головой. — Я видел, очень хорошо видел это событие, но сделал не совсем верные выводы, потому что мыслил как человек. Единственным правильным решением было то, что я поручил вам ту самую миссию... и, я уже знаю, что Монолит также правильно выполнил мою просьбу. Только так, как и нужно было это сделать.

Доктор бросил опустевшую банку в костер, где она начала шипеть и пощелкивать от выгорающих остатков жира. Шикнуло колечко банки с напитком.

— Ну, какие планы на будущее, сталкер? — просто спросил Доктор.

— План номер один — никогда не ввязываться в непонятные задания, — сказал я с серьезным выражением лица. Доктор рассмеялся, кивнул, мол, намек понятен.

— Ну, а потом... — я немного задумался. — Как говорится, тот, кто загадывает на будущее, Зону смешит. Впрочем, да простит меня эта особа, планирую я с ней завязывать, Док. Постараюсь подкопить денежек, заработать на уютный схрон у моря и остаток жизни провести там, где много лета и солнца. Может, старею, но к истине, что сталкеры от старости не мрут, стал относиться немного иначе с недавних пор. По крайней мере, ведь не такая это и плохая цель, верно, Док? Хоть какая, но есть...

— Ну, это во-вторых... — Доктор хитро прищурился.

— Вас не проведешь, уважаемый. А во-первых — дойти до Армейских складов. И хотя бы поговорить. Да, просто поговорить. Хотя бы. Мы были отличной командой, Док. Больше, чем командой. Намного больше. И если нам не суждено чувствовать друг друга так, как раньше, то хотя бы пройти не один километр в совместных ходах. Даже если между нами ничего больше нет, одиночество ощущается намного хуже, если успел от него отвыкнуть. Надеюсь, она думает так же. В идеале, лето и солнце я хотел бы встретить тоже с ней, с Хип, Мы уживемся рядом, и нам будет, что вспомнить и о чем поговорить, Док, даже если мы так и останемся друзьями.

— Сомневаюсь, Лунь, очень сомневаюсь в этом. — Док допил энергетик, положил смятую банку в рюкзак и веточкой выколупал из костра прогоревшую консервную жестянку. — Повторяю же: я был тогда очень сильно впечатлен, когда она притащила ваш полутруп на волокуше. И еще сильнее был впечатлен, когда Пеночка поведала мне об истинных причинах вашей болезни. Зона, конечно, постаралась, не без того, но подлинной причиной было совсем другое. Вы сошли с ума от горя и тоски, сталкер, когда Хип, как вы думали, пропала в Зоне. Пенка никогда не лжет, она не умеет этого делать, иначе я бы не поверил, что такое может быть не в бульварных романах, не в старых наивных фильмах, а в нашем реальном мире. Потому я и занят сейчас поисками другого Сталкера, хотя вы подходили на эту роль как нельзя лучше.

— Может, чем помогу?

— Вы уже отказались подписываться на это задание, Лунь, помните? — Доктор хохотнул. — Нет, Лунь, боюсь, это будет поход не в этой Зоне, и простому, даже очень опытному сталкеру-человеку с ним не справиться. А вы в этом плане безнадежно упрямы,

слишком, если можно так выразиться, человечны. Вы свою миссию выполнили на отлично, и большего я требовать от вас, конечно, не стану.

— Док, еще вопрос. — Я сбросил рюкзак и из тайного внутреннего кармашка вынул сверток с «алмазом». — Координатор просил сберечь эту вещь, мол, пригодится, говорил, что это осколок самого Камня, его подарок. Других объяснений не было...

— Дайте-ка взглянуть. — Доктор аккуратно развернул салфетку, и в дневном, свете прозрачная призма начала играть ледяными лучами. — Хм... да... действительно... то-то я думаю, почему присутствие Монолита так сильно ощущалось именно рядом с вами. Факт, осколок Камня... точнее, фрагмент, отдельно кристаллизовавшийся на его основе, да... мощная вещица. Исключительно мощная.

Доктор задумался.

— Это ключ, Лунь. Сейчас это просто уникальный, единственный в своем роде артефакт, в отличие от всех прочих образований, созданных Зоной спонтанно, без какой-либо системы, эта вещь появилась благодаря вам и, пожалуй, самому Монолиту, решившему вас за что-то одарить. Природа Монолита мне, как и Координатору, непонятна до сих пор — не тот уровень знания, к сожалению, но природа его взаимодействия с нашим миром уже достаточно ясна. Этот Камень — мощнейший информационный процессор нашей реальности, модулирующий ее на любых уровнях сложности... теперь уже на любых. Когда его нашли, Монолит только начинал эволюционировать, просыпаться, поглощая информацию Изо всех возможных источников, из которых человеческий разум был самым подходящим. Со временем от группы «О-сознания» он перешел к поглощению информации от всех людей, до которых мог дотянуться, и, набрав достаточно, если можно так выразиться, опыта, просто подключился к единому информационному полю Земли. Остается только догадываться, что именно попросит у него наша планета — могут же быть у нее желания? С другой стороны, Камень все еще управляем — Координатор вышел на новый уровень взаимодействия с Монолитом, и, я почти уверен, Прохоров найдет необходимые рычаги. Поэтому шанс того, что предполагаемая мной катастрофа состоится, теперь уже ничтожно мал — лидер «О-сознания» жив и по-прежнему управляет Монолитом, возможно, он даже понял его природу. Впрочем, я скоро получу возможность убедиться в этом лично.

— Каким образом, Док? Монолита в нашем мире больше нет.

— А это что, по-вашему? — Доктор усмехнулся, возвращая мне «алмаз». — Пусть кроха, но все же... вещица уровнем как раз того самого информационного поля планеты, и при достаточном умении с ней можно горы свернуть. Но в вашем случае это гарантия того желания, что загадала Хип — найти именно вашу грань мира из множества существующих. Настоящую, Лунь, а не ту часть сознания Координатора, в которой вы побывали, если что... да, я знаю и это. Поэтому сохрани ее обязательно.

— Спасибо, Доктор. Вы сейчас куда собрались? Может, по пути?

— Нет, Лунь. С радостью составил бы вам компанию, но дела... нужно навестить наших новых «долговцев». Там один важный человечек в «душегубку» залез, пока еще держится, но через пару дней все, будет не жилец. А потом поищу вам замену и... еще раз уйду, и боюсь, в этот раз очень и очень надолго. На этой грани, Лунь, мы уже не встретимся — здесь пройдет слишком много лет. Будь здоров, сталкер. И вот, держи... еще один подарок от меня, на добрую память. Сейчас эти штуки в НИИ будут стоить очень дорого, так что считай это моим взносом на ваш с Хип южный схрон у моря.

И Доктор протянул мне «светляк» — небольшой, с половину кулака, увесистый шар яркого желтого цвета с плотной аурой из синих, красноватых и пурпурных сполохов. От прикосновения артефакта руку до самого плеча окутало плотным теплом. По коже побежали мурашки, пальцы почувствовали тонкую щекотную вибрацию гладких боков, странно холодных на ощупь, притом что световая «корона» была ощутимо теплой, почти горячей. Редкая вещь... в моем послужном списке ни разу не случалось такой вот находки, да и, наверное, по пальцам можно пересчитать сталкеров, которым выпадало такое везение. Не просто хабар — небольшое, но крепкое состояние было в моих руках.

— Спасибо, Док...

— Смотри, не продешеви, альтруист. — Доктор улыбнулся. — И запомни, сталкер. Крепко запомни: когда все Зоны мира начнут слабеть и сдавать позиции, уходи немедленно, слышишь? Просто бросай все и уходи, если не сделал этого раньше.

И Доктор, зачем-то подобрав горелую консервную банку и сунув ее в рюкзак, резко поднялся и, не оборачиваясь, быстрым шагом пошел прочь. Затем что-то случилось — пространство вокруг Дока зарябило, пошло волнами, и фигура в комбезе разом превратилась в серое облако, чтобы полностью исчезнуть через пару секунд, только глухо ухнул воздух, подняв облачко пыли. Я опустил взгляд вниз, к костру... старые, уже вбитые в землю дождями угольки, заплывшие грязью, через кострище тянулся глинистый след — наверно, оставшийся еще с июльских ливней. Никаких следов недавнего огня. Но в моих руках все еще была открытая банка энергетика, шипели в напиток пузырьки газа, да и жестянка от «каши с мясом и бобами» лежала тут же, у ног. Я поднялся, немного оторопело оглянувшись вокруг и при этом едва не выронив «светляк», после чего, спохватившись, быстро упаковал его в контейнер — хоть и считалось, что даже прикосновение к артефакту улучшает здоровье, однако фонили «светляки» не слабо. Но как же так... от Дока не осталось даже следов на земле, хотя я хорошо видел рубчатые отпечатки своих ботинок. И костер горел, факт, я сам подбрасывал в него щепки, а здесь почти год на кострище не разводили огня — хорошо видно, что угли уже старые, сор на них, трава жухлая клочьями.

В несколько быстрых глотков допив банку — оно мне сейчас действительно было надо, — я зачем-то сунул ее, уже пустую, в карман и выдохнул. Ох, Зона... Зона, рвать тебя по-черному. Не показалось ведь мне — банки вот они, и артефакт в контейнере тихонько по стенкам звякает, значит, в своем я уме. А может, и это более вероятно, до сих пор, как говорят «фримены», «штырит» меня? Не попался ли я, в таком случае, иллюзу? Тварюга эта со сталкером шутить любит, этого не отнять. Впрочем, проверить можно было очень легко, но сначала желательно отсюда уйти так быстро, как только можно. Если сидит тварина в бочках цементного завода, то днем за мной не ползет, факт — они темноту уважают.

Я еще по дороге щелкнул камерой ПМК немного мятую банку из-под энергетика, и тут же, не глядя, сунул мини-компьютер обратно в карман. Чуть подождать... Секунд двадцать, не больше. Посмотреть на экран.

Значит, не глючит. Вот он, снимок. Четко все — и палец виден, и серебристый бок отблескивает, даже состав можно прочитать — камера на ПМК хоть и небольшая, но способный. Способ это верный и единственно надежный — ежели иллюз тебе мозги портит или «злой морок» накатил, то на фотке пустую руку только и увидишь, а то и вообще серый, пустой экран — не хватает у твари фантазии, чтоб такой обман раскусить и соответствующую «картинку» наслать. Уф... значит, я с ума не схожу. Но как же так... был ведь костер. И консерва горячей тоже была, вкусной, кстати. Ну, Док... и при обычной своей жизни ты удивлял, а после своих «уходов» — так и подавно.

И стало мне вдруг жутко. В смысле, не просто страшно, а именно жуть берет, тяжелое такое, неудобное ощущение, от которого ты даже внутри весь мерзнешь и зубы лязгают. На Дикую? Нет, не сегодня. В другой день. А пока на фиг отсюда. Причем в темпе вальса — еще крюк через Свалку и восточную часть Роста делать. Можно было б и насквозь, выгадал бы пару километров, но лучше уж лишний раз Седого своим присутствием не нервировать — «долговцы» на принятие решений товарищи быстрые, и побоку им может быть даже моя научная карточка.

Через пару минут я был согласен даже на «долговцев» с их непростым характером.

И вспомнил заодно простое правило сталкеров — не возвращаться пройденной дорогой, которое почти всегда нарушал без каких-либо последствий. О чем и пожалел сейчас довольно крепко. Сзади уже доносились пару раз странные шорохи и редкий хруст сухой травы — за мной кто-то шел, осторожно, прячась за стенами и холмами, и поэтому я уже прищелкнул к «сайге» магазин с картечью. То, что оружие было наготове, в данном случае пригодилось очень.

Со склона мусорной горы, крайней на этой части Свалки, обманчиво лениво спускались шесть снорков, пересекающих смертоносную лысую полосу от «нехорошей» канавы —

«псевдоживым организмам» подобные аномалии были нестрашны. Буро-коричневые человеческие тела с выкрошившимися позвонкам и торчащими из спины гребешками ребер, раскачиваясь, ползали по склону на четвереньках, мотая шлангами противогазов. Резиновые маски с багровыми стеклами, давно заплывшими сукровицей, покрытые трещинами, непостижимым образом срастались с избирательно гниющей плотью, да еще, пожалуй, разлагалась спина, отчего snork почти всегда терял половину позвоночника и не мог ходить прямо. Однако эта разновидность зомби, ковыляющих на четвереньках и шумно сопящих через болтающиеся до земли противогазные «хоботы», похоже, совсем не страдала от этой потери. Отдельные мышцы спины и ног превращались в прочные, эластичные ленты или просто каркасные, твердые тяжи, отчего тело твари было жестче тракторной шины, а удар тощей багровой руки со скрюченными, окостеневшими пальцами мог раскроить череп или вырвать кусок мяса вместе с тканью комбинезона. Сила этих не живых, но и не мертвых тварей была исключительной — шестиметровые прыжки с места и удары, сразу сбивающие с ног, снискали, snorkам очень дурную славу...

Слепые, глухие, с выпавшими глазами и давно вытекшим мозгом, они тем не менее обладали почему-то отличным обонянием, несмотря на совершенно пустые, костяные треугольники носов, прячущихся за рваной маской. Зрение и слух заменяло им какое-то неизвестное науке чувство, хорошо развитое у любой «нежити». Наука, впрочем, не понимала и всего остального — полное разложение нервной и частично пищеварительной системы, высохшая кровь в пустых трубках сосудов, превращение в плотные сгустки большей части внутренних органов, которые каким-то образом работали — факт, snork даже пытаются жрать пойманных жертв, и у многих из них это получается. И сейчас скорее всего они будут жрать меня. Ну, или пытаться это делать, хотя мне даже от попыток было бы не легче.

Еще надеясь на чудо, я начал отходить в сторону и назад, оглядываясь, так как тихое похрустывание травы приближалось, и в любой момент можно было ожидать атаки сзади. И чуда, как следовало ожидать в любой из подобных ситуаций, не произошло.

Один из snorkов громко, влажно хрюкнул, задрав резиновую морду в небо и широко распылив широкий, «улыбающийся» зев, в котором из-за отсутствия губ и даже щек были видны все зубы. Рядом хрипло завыл второй, неловко приподнявшийся на колени. Оба, как по команде, кубарем скатились со склонов и поскакали ко мне, периодически взлетая в «затяжных» прыжках. Остальные, пока никак не отреагировав, продолжали ползать по радиоактивным склонам мусорного террикона — это, впрочем, ненадолго... до первых выстрелов.

Расстояние до тварей и так было небольшим, и стало почти критическим, когда я высадил два заряда в одну из них. Ближайший snork, коротко, глухо рывкнув, подломился в прыжке, неловко приземлившись на перебитую картечью руку, я поднырнул под пролетевшую прямо над головой следующую тварь и откатился в сторону, пропуская ее повторный бросок. Snork, звонко хряснувший скрюченными пальцами в то место на земле, где только что была моя голова, удачно подставился под выстрел в упор — густой сноп картечи срезал половину обтянутого покоровившейся резиной черепа, из которого на землю густо плеснуло сероватой зловонной кашей. Snork уткнулся остатками головы в землю и замер, но другой, уже подстреленный, все-таки прыгнул, ударив меня неповрежденной рукой. «Кольчуга» смягчила удар, но ощущение было таким, словно меня с размаха огрели водопроводной трубой. У самого моего лица лязгнули серые зубы, и snork, обдав меня чудовищным зловонием выдоха, отлетел в сторону от удара прикладом. Не позволив ему подняться, я последними двумя выстрелами проделал в его груди широкое сквозное отверстие. Даже для «псевдоживого организма» такое ранение должно было стать последним, но тварь, скрипя лентами сухожилий, все еще барахталась, пытаясь перевернуться на живот, но мне уже было не до нее — ко мне широкими прыжками неслись еще четыре snorkа. Я выщелкнул опустевший магазин и успел выхватить из подсумка еще один, тоже с картечью, уже понимая, что пять зарядов двенадцатого калибра на этих snorkов точно не хватит. По одному из них я только что не промахнулся целых четыре раза

практически в упор, а он все еще пускал пену и скреб крюками пальцев по обломку бетонной плиты, что же говорить о целой группе тварей. Эх-х... ступил я сильно, непростительно. Мне бы сразу разворот, и бегом по пройденной уже тропе, и черт с ним, что за мной кто-то шел, там еще Зона надвое кинула, с кем встреча должна была случиться, если она бы вообще состоялась. А тут точно кранты — с двумя-то еле справился, весь магазин высадил, а тут еще четыре несутся. Все зомби как зомби — медленные, издалека спокойные всегда, кидаются редко, да в случае чего, и прикладом можно отбиться — мертвяк он и есть мертвяк, трухлявые они через одного, еле ходят. Конечно, при случае и такой цапнуть может, но хороший, крепкий комбез ему не прокусить, единственно, синячище останется багровый, но оно не смертельно, примочками лечится. По пальцам перечесть случаи, когда зомби сталкеров утапывали, но это если десятка полтора их нападет, а бродяга в какой-нибудь тупик загнан. Говорил как-то один грамотный «долган», что всем, кто в Зоне погиб, неплохо бы в дань последнего уважения голову отрезать, чтобы в такую вот мразь человеческого тела не превращалось, наподобие тех же снарков. Какое-то время делали так... а потом прекратили, когда даже безголовые зомби выкапываться начали. Зря, наверное... ведь безголовых снарков в Зоне точно никто не видел, глядишь, и я бы сейчас не влип в такую исключительно гадскую ситуацию.

Успел я пробежать по своим следам метров десять, не больше, когда за спиной громко скрипнули мощные ленты сухожилий, над головой мелькнула тень, и снарк, упруго приземлившись прямо передо мной, по инерции совершил несколько быстрых кувырков. Продолжая бежать, я расстрелял половину магазина в гигантскую бурую язву спины, перепрыгнул дергающееся тело и понесся дальше. Впрочем, от снарков убежать сложно — Зона на совесть снабдила этих оживших мертвецов способностями к бегу, и в особенности к гигантским прыжкам. Еще один короткий, шумный звук сухожильных лент, и в облаке падальной вони мимо пролетела очередная тварь, задевшая-таки за рюкзак крючковатыми, жесткими пальцами. Крепкая синтетика лопнула без особого труда — снарк унес с собой широкий лоскут камуфляжной ткани. Два выстрела ушли мимо — тварь увернулась, а я понял, что просто не успею сменить магазин. М-да. Мало мне было этих уродов, так еще и подоспели новые.

Давненько не встречал я вас, чернобыльские пси-собаки. В последний раз отбивался я от вашего сородича еще при Барине, который сетовал, что редкий трофей я упустил, шкуру не снял, хотя я был рад и доволен уже тому, что живым из схватки выбрался. Да только тот зверь щенком выглядел по сравнению с этой тварюгой. В длинных ломах седой шерсти, с развевающейся гривой на мощной груди на меня буквально летел матерый пес, улыбаясь двумя рядами желтых зубов на странной, совсем не собачьей голове, похожей на морщинистый шар. Я уже поднял «сайгу», готовясь обрушить приклад в поросшие короткой шерстью складки выпуклого лба, как псина свернула с моего пути и с утрашающим, гулким хрипом кинулась на кого-то уже за моей спиной. Обернувшись, я увидел, как пси-собака, рванув клыками «противогазную» маску раненого снарка, ловко отскочила в сторону, избегая стремительного взмаха костлявых рук, а нежить, потеряв вместе с резиновым хоботом и остатки кожи с высохшего лица, неожиданно громко, визгливо заскрипела, уносясь за просевший экскаватор. Мир коротко вздрогнул, на долю секунды поплыв куда-то в сторону, и мимо меня с гулким топотом пробежала еще одна псина, с ходу атаковавшая оставшихся снарков. И... собак вдруг стало очень много. Снарки стремительно кидались на мельтешащих вокруг них псов, от ударов расплывавшихся быстрым радужным пятном, а в стае фантомов носились, громко лязгая челюстями, два мощных «материка», наносивших быстрые укусы и отскакивающих под прикрытие «обманок». То, что у «псевдособак» был «хозяин», сомневаться не приходилось — псин было две, а «чернобылец», обладавший достаточно скверным характером, никогда бы не стал терпеть рядом с собой соперника. Контролер? Может, и контролер...

Я ошибся.

Мимо меня быстрым шагом прошла закутанная в длинный темный пыльник сутулая фигура, уверенно подошедшая к одному из снарков. От удара невероятно длинной, мощной

руки снарк захрипел и припал к земле, я услышал, как сухо треснули сломанные кости, еще одному пси-собака изловчилась прокусить череп. Излом, той же могучей ручищей ухватив последнего снарка за ногу, с удивительной легкостью зашвырнул его в «нехорошую» канаву, откуда послышался частый, громкий треск и несколько раз полыхнуло синим заревом. Фантомы собак тут же исчезли, два огромных седых кобеля уселись на землю и, вывалив из пастей бурые ленты языков, часто, гулко «захакали».

— Пенка?.. любишь ты приходить вовремя. — Я уже знал, кто в очередной раз пришел мне на выручку, и потому повесил «сайгу» на плечо, одновременно нащупывая в кармане фляжку с «успокоительным».

— Нет. — Немного хриплый, очень тихий голос показался знакомым. — Она не совсем похожа. Другая, не такая, как я. Но идет навстречу, ищет, чувствует тебя тоже.

— Слушай... э-э-э...

— Темная долина. Был ранен. Ты не стал стрелять и помог мутанту. — Излом обернулся, и я действительно вспомнил его, раненого, лежащего в трансформаторной будке недалеко от заброшенной котельной. Длинное, узкое лицо, совсем человеческое, если не считать странно небольших глаз, скошенного подбородка и почти плоских, плотно прижатых к голове ушей. Хоть и говорят, что изломы похожи друг на друга, как две капли воды, этого я признал точно, как и его голос, немного тягучий, шипящий.

— Я выжил. Теперь помог тебе. Помогу еще, если нужно. Ты не похож на человека, сталкер. Мы все помним Доктора, но я еще помню тебя, Пенка тоже помнит. Встретишь ее скоро. До свидания.

— Хм... — Я все-таки причастился из фляжки, чтоб немного сбавить нервное напряжение. — Это... спасибо. Значит, не только «Долг» свои долги всегда выплачивает. Да уж.

Излом обернулся, и я вдруг увидел совершенно невероятную вещь... ученые и бывалые сталкеры утверждали, что у человекоподобных тварей не бывает мимики, кроме разве что оскала.

А этот излом улыбался. Факт, даже кивнул, мол, шутка понятна, ну, или мне это просто показалось. Может, и правда надо мной Зона шутит? Я пожал плечами, перезарядил «сайгу» и направился в обход Ростока в сторону Армейских складов.

* * *

Человек порой склонен к устойчивым заблуждениям, особенно если они возникли по первому, а значит, самому крепкому и стойкому впечатлению.

Первая моя встреча со «Свободой» состоялась на заре сталкерской карьеры. И я бы не сказал, что была она приятной — несколько длинных автоматных очередей по мне, залегшему за поваленным деревом. Мало приятного, скажу я вам, когда стволлик дерева такой ширины, что едва можно спрятать голову, да и то весьма условно, — малокалиберные высокоскоростные пули прошивали деревяшку навывлет. В меня тоже попали — и это я понял уже намного позже, — три аккуратных круглых отверстия на верхнем клапане рюкзака, расколота аптечка и любимый термос, пробитый навывлет. Эту вещь было жаль больше всего — в свое время обменял я его на «каменный цветок» у одного барыги. Корпус из нержавейки, прочный, тепло держал замечательно... советский еще. Таких уже не делают. И злился я даже не потому, что под выстрелы попал непонятно за какую вину, что убить меня могли запросто, а вот за этот испорченный термос... странно это, казалось бы. Однако в сырой, промозглой Зоне, в холодном подвале, в котором вынужден ночевать, согревает не столько даже огонь, и даже не спиртное, а именно кружка обжигающе горячего чая, заваренного от души, до густого, насыщенного цвета. Любой сталкер, хоть раз причастившийся такой благодати, обязательно найдет в рюкзаке место для термоса... а уж что там — горячий суп, крепкий кофе или, как в моем случае, чай, не так уж и важно. И с тех пор, с той самой непонятной для меня стрельбы, а также «долговских» слов о том, что, мол, чего ж ты хотел, батенька, от бандитов, отморозков и наркоманов, я попросту избегал

подходить к базе «Свободы» ближе чем на выстрел. Конечно же, я был в курсе, что многие сталкеры если не в дружбе, то в хороших отношениях с «фрименами». Говорили мне, что, мол, предвзято ты к ним, Лунь, относишься, хоть бы раз сходил на Армейские, пообщался. Я кивал, мол, всенепременно, только комбез поглажу, и, конечно, добросовестно запоминал все эти мнения, слухи, новости из жизни той самой, почти враждебной для меня группировки, чтоб потом перенести все это дело на компьютер. Тот же Лихо, регулярно общавшийся с «фрименами» и всерьез думающий о вступлении в их группировку, много раз посмеивался над моими «загонами», однако одно дело — слова, и совсем другое — хорошая, крепкая память о треске автоматов, свисте пуль и грязи, поднимающейся вокруг тебя высокими, красивыми столбиками. Поэтому за все семь лет Зоны я ни разу не был на Армейских складах.

После встречи с Хип я, конечно, изменил мнение о «Свободе». Моя «анархистка» нешуточно удивилась рассказу, даже решила, что не со «свободовцами» я тогда встретился, а с мародерами — вроде как раз в то время в Темной долине исчез караван «фрименов», в котором, помимо прочего, были несколько десятков комплектов камуфлированной защиты, изготовленной на заказ. Как говорится, век живи, век учись — все равно дураком помрешь... такое простое объяснение той стрельбы ни разу не приходило мне в голову. Мы даже планировали как-нибудь заглянуть к «фрименам» — познакомиться, взять заказ на артефакты — в обмен на хабар их умельцы могли довести до ума любой фабричный комбинезон, да и, по слухам, там работал когда-то настоящий профессиональный оружейник, избавлявший «стволы» от многих заводских недоработок. Да вот за всеми этими делами, неприятными событиями, заказом Доктора так и не выгадали времени зайти на «свободную» базу.

Зато этот шанс представился мне сейчас.

Конечно, участок, который «фримены» выбрали под свою базу, безопасным назвать было сложно — в отличие от Ростока, целиком располагавшегося в «зоне стабильно низкой аномальной активности», или просто «палестинке», здесь даже на территории самой базы существовали аномалии. Впрочем, Доктор, иногда навещавшийся к «свободовцам», что-то им объяснил, рассказал. И с тех самых пор от Выброса к Выбросу аномалии не меняли своего местоположения и не исчезали, но в то же время на базе не появлялось и новых пакостей Зоны. «Свободовцы» обнесли «свои» аномалии оградками, проволокой, поставили заборы, вроде даже прозвища им дали. Ученые давно хотели заняться изучением «стационарных», на удивление стабильных аномалий. Благо на Армейских был почти весь набор — между сводчатыми ангарами гаражей жужжали и трещали несколько мощных «электр». Технари «фрименов», всегда отличавшиеся неплохой смекалкой, сконструировали особый трансформатор, кабели от которого подвели к практически неисчерпаемому источнику электроэнергии — опять-таки по совету Доктора. Железнодорожная ветка, упиравшаяся в обрушенный, взорванный тоннель, покрылась цепочкой небольших «трамплинов», колодцы отопления в северной части базы давно были залиты «киселем», а на пустыре за административным зданием тяжело рокотала могучая «воронка» — мне даже отсюда было хорошо видно, как между дальними вышками дрожит и ходит волнами воздух.

Во всем остальном Армейские склады очень удачно подходили для базы: низкий для Зоны радиационный фон, крепкий сплошной забор из бетонных плит, кое-где «подлатанный» кирпичной кладкой, неплохо сохранившиеся армейские казармы, наблюдательные вышки по периметру — при грамотной обороне «свободовская» база ничем не уступала укреплениям «Ростока» и уже успешно выдержала не один штурм. А то, что в «Свободе» умели грамотно обороняться, так это факт — даже в свои худшие дни группировка успешно сопротивлялась атакам «Долга» и «Монолита».

— Здорово, мэн! — молодой, улыбчивый парень у ворот приветственно поднял руку. — Ежели в гости, то милости просим, только вот пушки сдать надо, уж не серчай. Правила такие.

— Без вопросов, — я сбросил с плеча ремень «сайги». — Не в курсе, Хип на базе?

— Не, она еще не приходила... ближе к вечеру с группой вернется. Вроде бы за Гнилой хутор с утра ушли, значит, часа через четыре только будут, не раньше. Мэн, а ты, видно, Лунь, да?

— Видно?

— Да вон, сразу заметно, — парень с улыбкой легонько стукнул себя по вихрастой голове. — Башка как снег. Это, слышан. Так ты реально он?

— Он.

— Ни-штяк. Ты это, проходи. Вон там, у столовки, костер, наши сидят, присоединяйся, все веселее ждать будет.

— Да мне по делу еще надо... Фельдшер у себя?

— От этих ворот прямо, затем опять прямо, и когда прямо прошел, дальше тоже прямо иди. В двухэтажный дом с обвалившимся уголком упруешься, вот это оно и есть наша контора. Сейчас там чугуноволовые с нашим атаманом разговоры ведут. Слышь, Лунь, а войнушке, по ходу, полная кабзда пришла, реально. Наконец-то, блин, поумнели — собираются Зону поделить, и, по ходу, поровну. Этот генерал долговский не такой уж и тупорез, как прошлые. Жизнь налаживается, мэн. Эх... еще б «монолитовские» недобитки не гоношились, то вообще полный крутяк настанет.

Я кивнул, соглашаясь, отдал след за ружьем и пистолет, после чего прошел на базу.

Ученые, видимо, проследив по ПМК мой маршрут, а затем и получив подтверждение, что да, я на Армейские иду, попросили «поагитировать» местное руководство на сотрудничество с НИИ — собственно, с этой самой агитацией я и направлялся к Фельдшеру. Сомнительно, конечно, что из меня хороший дипломат, но попытка, как говорится, не пытка, да и интересно мне было пообщаться с человеком, чьи личные качества высоко ценила Хип. Пришел я как раз вовремя — от дверей двухэтажного здания отходила четверка безоружных «долгов», охранник на входе кивнул — мол, шеф свободен, выслушает, и тоже: «Хай, Лунь! Наконец-то наведалься». Похоже, меня здесь знали намного лучше, чем я их — «свободовец» лично мне был не знаком. Я пожал руку, прошел в здание: «Вишь, стеночка где обваленная? Дык это наша вентиляция, а рядом, в соседней комнатухе, он самый и сидит, приемная, значит» — и без труда нашел «приемную».

Фельдшер оказался довольно высоким, плечистым, с открытым улыбчивым лицом и прямым, внимательным взглядом. В отличие от Седого, главный «фримен» не носил на комбинезоне никаких знаков различия, единственно, зеленый профиль волка нарукавной эмблемы был вышит золотистой нитью, и золотом блестели «ВОЛЯ» и изящная вязь «Libert, galit, Fraternit» по контуру зеленого щита.

— Ну, присаживайся, Лунь, потолкуем, — Фельдшер указал на стул. — Я правильно понимаю, пришел ты не просто так, верно? Чует мое сердце, что осиротишь ты нас на одного грамотного искателя, уважаемый.

Я внутренне подобрался.

— Хип сама вправе решать, где и с кем...

— Релакс, сталкер! — «фримен» рассмеялся. — Это само собой разумеется, на то мы и свободные люди. Шуткую я, Лунь. Грамотного ты человечка выучил, дружище. «Свободе» она очень помогла, факт — с таким богатым хабаром, да без жертв у нас давно никто не возвращался. Зона ее любит, по ходу.

— Уважаемый... не говорите таких вещей. Никогда. — Я посмотрел в глаза Фельдшера, и тот осекся, сразу посерьезнел, кивнул.

— Да, извини. Косячину спорол. Тьфу, конечно, в третьей степени. Да ты не думай, Лунь, что я на тебя в большой обиде — она как только пришла, мне уже все понятно стало.

— И что же?

— Ну то, что у нас она не задержится, уйдет или к тебе, или в одиночки. В «Свободу» люди за друзьями приходят, за братством, здесь те, кому без соседского плеча сложно... потому и сбивается народ в группировки по интересам, и наша в этом плане самая грамотная будет. Но чтоб прийти, на то потребность нужна, нужно, чтоб человеку, когда он один

совсем, плохо было. А у нее этого нет... ну, в смысле, что плохо ей, так это видно, лицом черная, но и команда наша совсем не то, что ей нужно.

Фельдшер помолчал.

— Знаешь, Лунь, Фреон про вас много рассказывал. Очень много. И потому, когда узнал я от Хип, что у вас не срослось, как-то даже и не поверил. Ходил я с этим сталкером по Зоне, не одна совместная дорожка случилась, и могу точно сказать: мэн этот не из впечатлительных и к фантазиям не склонный. Но вы его удивили. Так удивили, что он жизнь за вас положить был готов, и, я так понял, к Саркофагу он за вами пошел, за вашим счастьем, как за своим собственным. В последние наши ходки он этой одной мыслью и жил.

Я почувствовал морозец, пробежавший между лопатками. Так вот почему всегда хмурый, замкнутый, не улыбочивый сталкер разбил о землю кулаки и ушел, бросив проклятие. Вот почему сбылось его желание — и в самом деле он этого хотел, иначе бы и не получилось ничего с нашим возвращением. Не думал я, что так все обернется... от Фреона я этого совсем не ожидал. Совсем.

— А где он сейчас?

— Бухает как зверь. — Фельдшер поморщился. — Он же проходы нашел за Периметр, которые мы европейским посредникам перепродали, куш отхватил, и... в общем, лучше бы ему денег этих не видеть. Здесь он, на нашей базе, там, где у нас столовая — я, конечно, попросил водку товарищу не продавать, но он все равно где-то находит и по новой пикирует. Вообще жесть, не узнаю сталкера. Поговорил бы ты с ним, что ли... да, и еще одно.

Фельдшер встал, подошел к полуоткрытому сейфу, достал бутылку и пару стопок.

— Такая фигня, Лунь... парня мы твоего не уберегли. Убили Философа выродки, о которых и говорить-то не хочется. Уже вывели, и... в общем, давай помянем. Классный был человек и на хорошую тропинку уже вышел.

— Это Ересь который?

— Философ, Лунь... мы его так уже давно не звали. Фреон его из-под долговской пули вытащил, поручился, и хорошим другом он нам стал. Не уберегли. Помянем, что ли...

«Фримен» налил две стопки. Выпили, не чокаясь. Хм... значит, хорошим другом? Видно, совсем не понимаю я в людях, если вчерашний бандит, хитрюга и прохвост, каких поискать, вдруг настоящим человеком стал. Впрочем, о мертвых нельзя плохо говорить... Фельдшер коротко выдохнул, немного поморщился и продолжил:

— Поначалу, конечно, жесть был парень, ничего не скажешь — классический такой гопник, словно вчера из местной кодлы вылез. Я еще удивлялся тогда, зачем за него Фреон подписался — стрелять его «долговцы» хотели на своем «аукционе». Сталкер им, конечно, тяготился поначалу, действительно сложный мэн к нам в команду поневоле записался. Но, видно, ты сразу рассмотрел в нем то, что до нас очень долго доходило... хороший оказался парень. Душевный даже, только что в жесткой такой, колючей скорлупе — но это и понятно, жизнь ему очень редко улыбалась. В общем, не сразу, но сдружились мы с ним. Он все вас с Хип вспоминал, только и считал, что вы с ней первые в его жизни настоящие люди были. Фреон рассказывал, что когда о вашей смер... гм, ну, мы все думали, что вы того...

— Пропали.

— Ну, точно, пропали. На серваки о двухсотых сталкерах сообщение пришло, что вы предположительно в аномалию залезли. Ну, так вот, когда Фреон парню эту новость сообщил, тот в лице изменился, всю ночь в уголке проплакал. Совесть его крепко грызла. Мне поделился, когда уже общаться нормально начали, что больше всего на свете жалеет о том, что с вами нехорошо расстался. Не по-человечески. Что вы его гадом запомнили, а Сионист так и вообще сказал, что, мол, сорт человека такой, бракованный. Гнобило его это страшно... видел я это. Да и Фреон тоже понял, но уже позже, что команда у нас состоялась, и в общем, неплохая команда. Веришь, на руках у нас помирал и даже тогда говорил, что люди на сорта не делятся и чтоб мы это Сионисту рассказали обязательно. Жаль, что вот так оно получилось.

Я слушал и не верил... при мне обворовал Философ сталкера, стащил целебный артефакт и деньги, нас при этом подставив перед всем «Долгом» — давно не было на

Ростоке такого позора, чтоб кто воровал, «долганы» за этим следили очень строго. А вора на территорию провел не кто-нибудь, а Лунь. Как бы мы крепко тогда попали, если б не догнал я Философа, которого сталкеры еще на Кордоне Ересью прозвали. В самом лучшем случае прикрыли бы нам вход на Росток, в худшем — отбивные сделали и на деньги поставили, а у сталкера обворованного сумма и впрямь была приличная, нешуточная. Причем могли бы избить и Хип — в курсе «долговцы», что девчонка из «Свободы» ушла и потому ей точно не избежать было «долговских» берцев. Народ в Зоне звереет быстро, и правосудие здесь особенное. Повезло нам, что я тогда хорошо с Седым знаком был, даже вместе от мутантов отбивались в Припяти. И втрое повезло, что поймал я все-таки Ересь эту, и жестоко измолотил, на парне места живого не было. Думал, возненавидит, но... вот оно как обернулось. Зря Фельдшер говорит, что я в нем человека рассмотрел. Нет... просто жаль было зеленого новичка, который бы в Зоне через неделю загнулся, вот и вытаскивал. А человека в нем так и не увидел... прости ты меня, парень. Ведь, в сущности, и мы с Хип были крепко перед тобой виноваты, что поначалу приручили, а на Росток практически бросили.

— Зона ему пухом. Пусть спит спокойно.

«Жаль, что не увидели мы в тебе человека, сталкер Философ. Жаль, что все так неправильно получилось», — подумал я, удивляясь знакомой горечи потери, словно из Зоны не вернулся хороший друг. Да, именно так — хороший друг, которого мы, правда, так и не успели узнать.

Помолчали, Фельдшер налил еще по одной, выпили за встречу.

— Полагаю, есть еще и деловые вопросы? Ну, не может такого быть, чтоб НИИ своего сталкера без задания отправило. Уже примерно догадываюсь, о чем речь пойдет, но выслушаю охотно.

— Твоим парням предлагают на отечественную науку поработать, — я начал без обиняков, сразу к делу. — НИИАЗ теперь грамотный, горьким опытом наученный и сталкеров ценит. В накладе однозначно не останетесь.

— Нет, Лунь, точно нет.

— Это почему?

— Ну... мы уже работаем на науку, причем вполне себе довольны. Такого отличного снабжения, как сейчас, у моих ребят отродясь не было. Европа не обижает, платит хорошо и за арты, и за информацию.

— Но... как бы не наши они, иностранщина. Отчего бы на родных ученых не постараться?

— А где были родные ученые, когда «Свобода» загибалась? Почему они раньше к нам не пришли, когда мы последнюю пшенку без соли доедали, когда приходилось бинты стирать оттого, что не было медикаментов, когда мы кровью харкали под «монолитовскими» ударами? Где был ваш НИИ, когда нас армейцы прессовали вместе со своим цепным «Долгом»? Нет, брат... связались они с «долганами», вот пускай и дальше с ними дружат. А наука вещь всемирная, какая, к чертям, разница, в какой стране открытия будут делать.

— Но, Фельдшер, это вроде как родина, наши «ботаники», не чужие...

— Эх, Лунь... пойми одну простую вещь. Наша общая и единственная родина — это синий шарик, вокруг солнца летающий. И нам, «фрименам», глубоко начхать на то, что не самые умные люди этот шарик на страны расчертили и над ними цветные тряпки повесили. Когда-нибудь человечество дойдет до этой нормальной мысли. Ну а пока даже в Зоне придется границу проводить.

— Это как?

— Поделили мы ее с «Долгами» на сферы влияния и договорились в чужие песочницы не лазить. Склады, Янтарь, Агропром, половина Красного леса и большая часть Кордона наши теперь, вместе с новыми секторами, все остальное — территория «Долга», Претит мне эта система, но, если честно, любой мир, даже самый худой, лучше доброй драки. С Седым перемирие продлено бессрочно... уже плюс. Ну а со временем и границы эти дурацкие

отменим — Зона штука, как я считаю, общая. Ну а пока так. Хорошо, что мои ребята с пониманием и довольны тем, что войне конец. Успех будем развивать.

— Как с «Монолитом», Фельдшер? Я в сетку сообщение кинул, чтоб не торопились стрелять в их бойцов, ежели те с поднятыми руками выходить начнут...

— Что-то ты сделал там, Лунь... о чем-то узнал, факт. — «Свободовец» медленно кивнул. — Расспрашивать не стану, но с тех пор как странный тот Выброс случился и Саркофаг долбанул так, что на полсотни километров видно было, да, стали выходить фанатики, и факт, лапками кверху. Ничего не помнят, ничего не понимают — ни на кого работали, ни чем занимались, единственно, вменяемые почти все, только задумчивые очень. В «Свободе» уже полторы сотни бывших фанатиков, восемь полноценных отрядов сформировано, у «долгов», я слышал, чуть меньше сотни в группировку записалось. И знаешь, не последнее дело — оборонять свои новые группы бывшие «монолитовцы» согласны, а вот первыми нападать — ни в какую. Хорошие бойцы, хорошие люди, опыт Зоны у них никуда не делся, замечательно соображают, но... грустные какие-то. Все молчат больше, вспоминают, видно, что-то, а оно не получается вспомнить. «Монолиту» окончательная хана, это точно, но изредка какие-то ненормальные из Красного леса налетают, не то психи, не то добровольно придурочные — никто уже ими не руководит, вот и сбиваются в стайки, шакалье, все ждут, когда их «Монолит» обратно под свое крылышко позовет. Но таких мало... и с каждым днем все меньше. Оттуда беды, думается мне, уже не будет. Меня другое беспокоит, Лунь.

— Что же?

— Сама Зона. Наши ребята на Янтаре выводок химер нашли. Ну, парочка, естественно, и три детеныша, уже погодки. Сам знаешь, что это за твари... однако кто-то им кости переломал так, словно их рельсами били, после чего всем пятерым головы поотрывал, как курятам, и на обломанные верхушки тамошнего лесочка насадил. Представляешь, пять химер в мешки с костями превратились, просто размолочены... а «долги» на неделе точно такого же псевдогиганта нашли. В смысле, в таком же состоянии. И кто или что это могло сделать — я вообще не в курсе... а если оно завтра к нам на базу придет? Разведчиков я послал туда, но пока толку нет. Ты вот, сталкер, по Зоне давно ходишь, ничего такого не встречал?

Я отрицательно покачал головой. Сильнее этих тварей зверя в Зоне не было, те же псевдогиганты, они же топтыги, под полторы тонны бывали весом, такую тушу не то что ударом размолотить, динамитом не возьмешь.

— Те же «долги» успели поплакаться, что к ним на базу мертвые каждый день приходят, причем не зомби, а что-то другое — от живого человека на вид вообще не отличаются, только через пару дней видно. Идут и идут... хоть и отношение у меня к «долгам», сам понимаешь, не особенно дружеское, однако чисто по-человечески жаль их. Не знаю, как бы мои бойцы такое выдержали. И на Агропроме какая-то нехорошая штука вырисовывается, говорят, чудится там так, что сталкеры словно в прошлое попадают — кто живым возвращался, рассказывал, что и поезда ходят, и люди там гуляют, и институт не в развалинах, а вполне себе рабочий. И что самое поганое, понимаешь, что это морочит тебя, и что Зона никуда не делась, но аномалий не видно, мутантов тоже не рассмотреть за этим миражом, и это хана. «Ботаники» тревогу бьют — за Периметром Зоны нет, в смысле аномалий, но вдоль стены уже год как «грибники» лазают, говорят, артефакты иногда попадают, даже свои барыги нарисовались. Не нравится мне все это, Лунь. Зона тетка и так была непредсказуемая, со сложным характером, но раньше это как-то спокойно все было. А теперь мне не нравится, и все тут. Хоть тресни.

— Выброс был странный, не локальный, как обычно, а на всю Зону. Стоит ли удивляться, что Зона чудит... ладно хоть не Катастрофа, как в седьмом году. Хорошо что радиоактивных осадков не случилось после взрыва, иначе мы бы тут все взвыли.

— Правда твоя, — Фельдшер кивнул. — В общем, «ботаникам» передай, что польщены, кланяемся, но график и так слишком плотный, потому пусть и не серчают. Честно, раньше я бы согласился, но теперь заказы и так есть. Да и... «долганы» вряд ли

очень сильно обрадуются конкурентам. Знаешь, при всей моей симпатии к этим товарищам, не хотелось бы сейчас портить отношения, когда вроде все на лад пошло.

— Хозяин барин. — Я поднялся, подобрал рюкзак.

— А это что за интересность такая? — «Свободовец» посмотрел на широкую дыру, перевязанную на скорую руку бечевкой. — Неужели в Зону вот с таким рюкзажиной пошел, Лунь?

— Сидор был хороший, целый. — Я проверил, хорошо ли держится бечева. — Просто местные тварюшки над дизайном поработали, пока к вам добирался.

— Ага. Ну, тогда держи от «фрименов» подарок. — Фельдшер поднял рацию, щелкнул кнопкой. — Слушай, Алимент, сейчас к тебе дорогой гость подойдет, так что ты презентуй ему рюкзачок из европейской партии. И флягу туда кинь, набор продуктовый, ну, и посмотришь там, пустой баул дарить не принято. А ты, Лунь, сходи все-таки к Фреону, поговори, а то смурной он, словно туча.

— Угу... поговорю. Но не обещаю, что оно поможет. Счастливо, Фельдшер.

— И ты не хворай. В общем, заходите вдвоем, всегда будем рады, там, переночевать, купить-продать, да и просто потрепаться с хорошими людьми. Спасибо, что зашел.

«Просто день подарков сегодня какой-то», — думал я, шагая с новеньким отличным рюкзаком из особо прочного материала. Хорошая вещь, вместительная, крепкая, карманов разве что много, наверное, десятка два. Поди, запутаешься, куда что положил... но это ерунда, а вот что форма удачная, «анатомическая», и очень крепкие, широкие ляжки, от которых не натрет плечи, а также герметичный отдел на внутренней стенке — это огромный плюс. Алимент не поскупился — к моим вещам, перекочевавшим в новый рюкзак, добавились плоские серебристые банки, в которых, по словам «свободовецкого» торговца, была «просто зашибенная тушенка». К ним добавилась запайка из десятка питательных концентратов, шоколад и две бутылки, похоже, со «слезой контролера» — снабжение «Свободы» и впрямь изменилось во много лучшую сторону.

Фреона я увидел сразу, как только зашел в невысокое, одноэтажное здание с корявой надписью «Столофф», где запахи уже знакомого мне хрючева перемешивались с ароматом свежее испеченного хлеба — «Свобода» недавно наладила свою небольшую пекарню, как раз в то время, когда начались проблемы со снабжением.

Сталкер сидел за большим квадратным столом, хмуро уставясь на полупустую бутылку водки. Еще один «флян», уже опустошенный, лежал рядом, на боку, и мне хотелось думать, что третья бутылка из-под горькой настойки, валяющаяся на полу, была выпита не Фреоном. Сталкер был жестоко пьян — я увидел это по выражению тяжелой, каменной апатии на лице, какой она может быть только у по-настоящему пьяных людей. Меня Фреон, впрочем, узнал, медленно кивнул и неуверенно потянулся за бутылкой. Часть водки пролилась мимо стакана, но сталкер прикрыл один глаз, словно прицеливаясь, и долил «граненец».

— С-даров... Лунь... на вот... впей смной.

— Привет, фреон. Не откажусь. — Ох, не стоило бы заливать стакан практически натошак, да еще и после трудного перехода, тем более я уже маленько причастился у Фельдшера. Но отказаться я и не подумал. Нельзя было отказываться.

Водка была неприятно теплой, с какими-то ароматическими добавками. Она продрала горло, тяжелым комом провалившись в желудок. Закуски на столе не наблюдалось, и я, переждав водочный привкус во рту, просто глубоко вздохнул. И сразу поплыл — отупляюще сонным теплом ударило в голову, зашумело в ушах. Эх... только бы Хип не встретить с таким вот выхлопом — впрочем, за четыре часа должно чуть развеяться, на крайняк приму стимулятор из аптечки, а в натовском сухпайке обязательно найдутся две-три пачки «бубльгама» со вкусом мятной зубной пасты.

— Ты прости, друг.

— Не... парься. Простил... уже. Буишь еще?

— Не, пас.

— А я... накачу. Рас-склеился я чет, Л-лунь. По-гано... слышь, т-ты эта... если, как Фелшер л-лечить меня пришел, то гуляй. Н-не надо. Сами как-нить...

— Да не... я за Хип, в общем, пришел.

Фреон зажмурил глаза, хмыкнул и не донес стакан до рта, отставив его в сторону.

— Повтори.

— За девчонкой своей. Оживаю я вроде, дружище. Может, и она то же чувствует. И... забрать я ее хочу.

— Ах ты... с-сукин ты сын, Лун... Лунь... че же вы, падлы такие, комедию ломали тогда... за-разы... эх, м-лин... ну, тады посленая... то-точней, крайняя. Ваш здоровь.

И сталкер разом намахнул еще полстакана, скривился, медленным движением смел опустевшие бутылки со стола и долго колупался с «молнией» нагрудного кармана.

Вещицу эту я признал почти сразу. Не доводилось мне счастья находить этот легендарный артефакт, мечту многих сталкеров — большой редкостью стал «пузырь» после Третьей катастрофы. Это был, правда, не сам артефакт, а только его фрагмент размером с крупную виноградину, но и это уже было по местным меркам настоящим сокровищем. Ярко-зеленый, светящийся шарик медленно покачивался столе, часто мерцая изумрудными лучиками, и я понимал, что сталкер, обладающий такой вещицей, мог забыть про хроническое радиационное облучение, больше не травить себя токсичными антирадами и не копить деньги на безумно дорогую «жизнь».

— Эта... Фи-лософа ш-штука... ему уже не... надо. Для тебя берег... и вот еще такая же. Бо-богатый попался хабар.

Фреон попытался улыбнуться, выложив рядом с первой вторую точно такую же «почку».

— Это... для нее. Мне уже... без пользы. С этой, — сталкер широко махнул рукой, — я все, завяззал... Короче, на фиг. Бери, сукин сын... продашь, если не надо, она немалых... денег. Хип, смотри, не... обижай.

— А сам ты как?

— Ты, Лунь... это, не твое дело, короче. Уф! — Фреон резко мотнул головой. — Нефигово я накидался, однако. Короче... думай что хочешь, сталкер, мне без разницы. Да только правда это... Я Доктора ночью видел, во... живой он. Нужен ему... им проводник, представь. Уф... представь, не сон, не глюк, реально все, ага. Ухожу я, Лунь, короче. Ну, что скажешь, псих, да?

— Нет, не псих. Это правда, Фреон.

И сталкер, посмотрев мне в глаза, заметно протрезвел, даже вздрогнул.

— Ты тоже в курсе... эх. Лунь, всегда ты был Зоной трехнутый, всегда что-то знал такое, что другим непонятно... значит, и вправду нужен я им. А мне-то, грешным делом, подумалось, что ко мне белая пришла, раз мертвые за соседними столами мерещиться начинают.

Фреон усмехнулся, снова помотал головой, выдохнул, после чего продолжил уже почти нормальным, не спотыкающимся голосом:

— Ух, уже немного отпускает... н-накидался, блин. В общем, сталкер, неправильно я тоже сделал. Нехорошо. И об этом жалею...

— Что нас вытащил?

— Хм... если честно, поначалу была такая подлая мысль. Факт, пожалел, да. А потом чуток покумекал и понял, что глупо так думать, что я все-таки правильно, хорошо сделал, по совести, а уж как вы дальше — по большому счету, уже не мое дело. И, веришь, отпустила злость. А то, что на душе погано как было, так и осталось, то никто сталкеру в бутылку нырять не запретит.

Фреон поднялся, пожал мне руку.

— Ну, Лунь, не поминай лихом. Девчонку свою береги.

— Так мы еще и не вместе пока.

— Да куда вы денетесь, — сталкер усмехнулся. — В общем, попрощайся там с ней от меня, чую, скоро уже в ту самую ходку с Доктором нужно будет идти. Оно для меня все лучше, даже интересно, по какой такой Зоне мне их группу вести. Прощай, дружище... хм, меня уже зовут. Слышу.

Сталкер улыбнулся, кивнул каким-то своим мыслям и ушел.

«Доброй тебе ходки, друг Фреон. Удачи. И еще раз спасибо».

Я был уверен, что больше никогда его не увижу. Поэтому, когда через два часа на ПМК пришло сообщение, я уже знал, что там будет.

«Григорий Сергеевич Ефремов, Фреон, стаж шесть лет, переведен 110–136 (БВП) из акта № 188 МК от 14.05.2014 в акт № 189 МК от 14.05.2014. Предположительная причина составления акта — потеря сигнала ПМК во всех диапазонах. Сигнал потерян в квадрате RT18, „Армейские склады“».

А еще через два часа я встретил Хип у ворот «свободовской» базы.

* * *

Не изменилась... конечно, нет — всего неделя разлуки, однако у меня возникло стойкое ощущение, что я не видел стажера целый год. Хип заметила меня сразу, движением руки отпустила свою четверку «искателей» и прислонилась плечом к створке ворот. Она не улыбалась даже, просто смотрела на меня, и я, не торопясь подходить, глядел на нее. Да, жизнь возвращалась ко мне — сердце знакомо, сладко замерло в груди от этого взгляда огромных, синих глазищ, от нескольких упрямых веснушек на носике, с которыми не мог справиться даже особый, светло-бронзовый загар Зоны. От этих волос, светло-русых, которые Хип перед ходками заплетала в тугую косу. От этого задумчивого взгляда и, наконец, такой знакомой, милой улыбки. Соскучился я по тебе, сталкер Хип. Крепко соскучился.

— Привет. — Так тихо, что я едва услышал.

— Здравствуй... стажер.

Хип подошла и тихонько, нежно уткнулась лицом мне в плечо.

— Мне было без тебя... плохо. Я не понимала почему. Все ведь было кончено, все не как раньше... тот тихий, мертвый мир убил меня совсем, целиком — то, что раньше было во мне, умерло, и я не жалела о расставании. А теперь мне просто... без тебя плохо. Спасибо, что пришел. И...

— Да? — я осторожно, словно боясь спугнуть, прикоснулся тыльной стороной ладони к гладкой щеке, которая была уже влажной.

— Знаешь, если уже прошлого нам не вернуть, если ты... теперь не чувствуешь ко мне ничего, кроме дружбы, то... я согласна ходить с тобой, как напарник. Мы ведь были отличной командой.

Хип задохнулась, я почувствовал, как напряглись ее мышцы, но она упрямо мотнула головой и продолжила:

— И... и пусть... не как раньше, да... но нам в Зоне... мы правда сработались, Лунь... ведь ты, наверно... думал, что со мной лучше... надежней. Я... теперь хороший сталкер, Лунь, правда. Я буду... полезна.

Девушке все труднее было говорить, она задыхалась.

— Мне просто... надо быть рядом с тобой. Не важно кем... напарником... другом... но просто быть рядом. Не... не прогоняй меня, ладно? Господи, да что я несу?..

И я вдруг вспомнил тот холодный схрон, куда по воле совпадения, случайности, а может, и судьбы, в которую я упрямо не верил, пришла «свободовская» девчонка. Как услышал ее имя, как, еще не понимая почему, заслонил своим телом от долговца, уже сжавшего кулаки. Как сильным, невероятно ярким воспоминанием остался в душе тот момент, когда Хип вот так же стояла у схрона, а я еще думал, как бы отделаться от такой обузы, которая и сама скорее всего угробится, и меня за собой утащит. И как потом было невыносимо стыдно за ту ублюдочную мысль. Как стыдно до сих пор.

«Не... броса-аа-ай... Лу-уууунь...»

— Я пришел за тобой, родная. Да и... конечно, команда у нас отличная... — мне тоже стало не хватать воздуха. — Конечно, одному в Зоне никак... с тобой лучше... и, веришь, все это... ну, что ты мне сказала... то же самое я хотел и тебе...

И я просто крепко обнял Хип, больше не желая ничего говорить — все мы прекрасно поняли и без слов.

Слов не нужно было и во время посиделок рядом со столовой, где, по причине хорошей погоды и действительно теплой, сухой весны, весьма не характерной для Зоны, у костра сидела большая компания «фрименов», а на вертеле шипела и потрескивала туша молодого черномыльского кабанчика. К этому блюду я чувствовал стойкое предубеждение. Но «свободовцы» то и дело подходили к жареву, отрезая пропеченные, румяные куски мяса. Моду эту, вроде, привнес Фельдшер, он же и проверял «дичь» из Зоны по каким-то известным для него признакам. На вопрос, давно ли можно есть мясо местного зверья, пусть и молодых кабанов, мне было отвечено, что можно, ежели не фонит и нет у зверя каких-то заметных дефектов. Мясо проверялось дозиметром, Фельдшер, которого вроде как научил какой-то странный белокожий излом, внимательно рассматривал тушу, после чего или давал добро, или же отстрелянного кабанчика оттаскивали в колодцы с «киселем» — аномалия в несколько минут пожирала то, что не годилось в пищу человеку.

Я удивлялся этим людям. Смех, перезвон гитар, вполне себе приятный, так заметно отличающийся от «музыки» некоторых знакомых сталкеров, прозванных «брыньками» за знание трех аккордов и постоянно это знание демонстрирующих под тихое, не в лад, гнусавое пение. В отличие от «брыньков» рослый молчаливый «фримен» не пел, за него это делала гитара... и давно я не слышал столь красивых, совершенных мелодий, тревожащих какие-то отдаленные уголки памяти, то, что еще оставалось глубоко в душе из прошлой жизни. Все были в подпитии, но никто ни с кем не ссорился, не слышно было матерщины, и у общего костра я вдруг почувствовал, что вот оно, нормальное, хорошее человеческое братство, добровольный союз людей, которым в Зоне трудно поодиночке. Действительно «Свобода»... человек или уйдет довольно скоро, или останется навсегда. Вон, даже Хип, вроде как в одиночки записалась, но, когда я приказал ей клановые нашивки спороть, тайком сохранила и эмблему с зеленой волчьей головой, и нарукавный знак. И бережно хранила до поры, ожидая, пока я поумнею и все правильно пойму. Тогда, перед нашим последним походом, случившимся уже в прошлой и почти потерянной жизни, достала моя девчонка аккуратно завернутые знаки и приделала их на свой комбез. «Я Хип, Лунь, и я из „Свободы“» — я помню, как это было сказано.

— Держи, мэн! Хлопни с нами за мир во всем мире, который теперь и в Зоне установился. — Незнакомый парень передал мне бутылку, до этого ходившую по кругу. — Войне конец, Фельдшер объявил, что перемирие закончено, теперь просто мир.

— Ага. Зона большая, а людей тут мало осталось. Всем места хватит. — Согласился его сосед.

— Да не, Чиж, не в этом правда, что места хватает или нет. Просто плохо воевать, гадость это, человека недостойная, в любом случае. Помнишь, «долгана» одного в плен взяли? Так вот, спрашивали мы его по-человечески — мол, ты чего это, мэн, в нас стрелял? Он такой говорит: ну, мол, приказ такой был — стрелять, вот и собственно. А Фельдшер и говорит, что это, конечно, все понятно, приказ там и прочее. И спрашивает его: а ты сам, вообще, думать можешь, ну, чтоб без начальства? Сохатый понял, что прямо тут его стрелять не будут, даже, вон, разговоры с ним говорят, и тоже чуть разговорился. Приказ, говорит, на то и приказ, что его послушаться никак не можно.

Разговоры у костра притихли, даже рослый отложил гитару, обернувшись к рассказчику. А тот продолжал:

— Ну, Фельдшер наш внимательно посмотрел на этого гнилого мэна и снова беседу ведет мол, почему это никак не можно? Тот отвечает, что порядку тогда никакого не будет, все на самотек пойдет, ерунда в группировке начнется, бардак и раздраз, ежели каждый будет то воротить, что ему в голову взбредет. Фельдшер это дело выслушал, «долговца» за воротничок легонько подхватил — ну, вы, пипл, знаете, силушкой атаман не обижен, и вот

так, за шкирмон взявши, по базе ему экскурсию сделал, чуть не носом натыкал, мол, где тут раздрай. И еще спрашивает: где тут шприцы валяются наркоманские, где пьяные в лохмуты, где тут грязь и разруха? Молчит «долг», так как нет ничего такого. А Фельдшер дальше спрашивает мол, отчего так получается, что приказов в «Свободе» нет, но и бардака тоже? И отчего же это наш бардак и раздрай держался, держится, и, даст Зона, дальше держаться будет? Молчит пленный. Атаман ему тогда следующий вопрос: мол, ты сам почему считаешь, что «свободовцев» стрелять надо, а «Долг» это просто супер как хорошо? Даю слово, говорит, отпустим, только ты скажи честно, как сам думаешь, без приказов, отчего это «свободовцы» такие плохие. И это, пипл, как раз у конторы, на площадке бывшей ремонтной, где уже все наши собрались эту самую экскурсию смотреть. И заговорил сохатый. Верите, говорит, а в глазах странность у него такая постепенно появляется — понимает чувак, что окромя лозунгов, речевок разных и призывов из матюгальника, что над Ростокom гаркает, ни черта у него в башке нет. И кстати, все это тоже понимают, Но стоят молча, слушают. И в глаза этому сохатику внимательно так смотрят.

— И неужели отпустили? — спросил я.

— А ты думал. Ежели Фельдшер сказал, что отпустит, то, значит, с миром чувак и уйдет. Факт, отпустили сохатого на все четыре. Даже ружбайку ему вернули — по Зоне никак без ствола нельзя — и топай, чувак, к себе, считай это актом доброй воли. Видели бы вы, братцы, как он уходил... чувак-то смелый этот «долговец» был, этого не отнять — спокойненько так стоял под стволами, даже не глядел в нашу сторону. Не то что храбрился там, орал или плевался — нет... реально, стоял, ни одна жилка на лице не дергалась, только на небо посматривал часто, прощался по ходу. А с базы уходил задумчивый, плечи опустил, не обернулся. Знаете, пипл, из чугунооголовых ведь раньше ни один персонаж у нас на экскурсиях не бывал. Они все больше во-он с того холма по нашим дозорам палили, да еще с гранатомета вентиляцию в конторе сделали, долбодуи. Мы еще Фельдшеру попеняли: чего ты, мол, отпустил? А он и отвечает, что кому-то надо первый шаг навстречу делать. «Долгов» тогда вояки предали, и у них некоторые стереотипы немножечко поломались. Фельдшер, молодчина, уловил момент.

— Слышь, Фогель, а ты ведь и на Ростокe недавно бывал? И как там?

— Не поверите, чуваки. Седой, ихний главарь, значит, попросил в простую сталкерскую одежду прикинуться и приходить. Ну, пришли мы туда, походили, с народом пообщались... мировой пипл оказался, душевные, классные чуваки. Хрен поверишь, что они на нас в атаки ходят, реально... люди как люди. Можете меня камнями закидать прям здесь, а я все равно скажу — классный народ. Только че с ними делается, когда они на нашу базу прут, вообще не отдупляю. Разделил нас кто-то в свое время, те гнилушки стремные, что с Зоны жируют, вот и воевали мы на чужой карман. Ну а теперь власть сменилась.

— Чего-то ты не лопаешь, Лунь. На вот, — сосед Фогеля передал мне большой кусок мяса. — Да не смотри, что зверюшка местная, этих кабанчиков потреблять можно, они давно не заразные. Бери, не думай.

Я взял кусок мяса, осторожно попробовал на вкус так оно то что надо. Вещь...

— Спасибо. — И располовинил поджаренную мякоть на два куска, передал Хип. Она улыбнулась, кивнула и без всякого предубеждения начала откусывать от него крошечные кусочки.

— Не за что, сталкер. Сейчас бы к этому делу пивка холодного, да где его возьмешь? — «фримен» усмехнулся. — Ну а водку я как-то не очень уважаю.

«Лунь, будь так добр, загляни ко мне, разговор есть», — гулко разнеслось над базой из динамика на крыше «конторы».

— О... атаман требует. Значит, надо. — Фогель усмехнулся. — Когда пообщаешься, ждем обратно.

И, когда мы с Хип направились к «конторе», за спиной снова красиво, виртуозно заиграла гитара, уже на испанский мотив.

— Я же тебе говорила, что «Свобода» — отличная группировка, — Хип тихонько промурлыкала, прижимаясь к плечу. — А ты не верил... видишь, какие здесь хорошие люди?

— Это точно. Вообще здорово пока все складывается, — кивнул я.

Фельдшер встретил нас на лестничной площадке «конторы», нахмурился, махнул рукой — мол, поднимайтесь, я сейчас. Когда мы уже были в «кабинете», в котором до сих пор еще висели армейские стенды с винтовками и гранатами в руках краснощеких серьезных бойцов, внизу послышался обеспокоенный голос «фримена»:

— Алимент, пройдишь по всем частотам... сигнал исчез на открытом месте, никаких ям не было там отродясь. Не мог же исчезнуть сталкер вот просто так?

— Шеф, да я тебе точно говорю, исчез мгновенно, сразу во всех диапазонах. С ПМК не было краш-сигнала, значит, не аномалия, не поломка... такая штука, она даже в кусковом исполнении срабатывает, там десяток датчиков на все воздействия. Нет, нет, не аномалия.

— Может, отключил?

— Друг, даже если вырубить, сеть все равно раз в пять минут ловит идентификационные импульсы, хотя и не пеленгует саму машинку. Нет, точно говорю, исчез, как если б в «телепорт-воронку» сталкер забрался... но чего-то уж долго очень не выныривает.

— Как сквозь землю... — грустно произнес Фельдшер.

— Поисковый отряд нашел чего?

— Да нашел... следы в старой болотине на грязи. Говорят, цепочка обрывалась в центре одной из грязных лужиц двумя четкими, глубокими следами — сталкер какое-то время, видно, стоял там. И все! Словно в небо улетел...

— Ну, так что, же ты от меня хочешь, Фельдшер? Я говорю, что и по сигналам исчез человек, и следы вон это показывают.

— Все ж таки поищи, друг. Вдруг сигнал нарисуетя.

— Лады, поищем... сервак теперь свой, антенны тоже, так что...

Послышались шаги, и в кабинет вошел хмурый Фельдшер, прямо с порога бросивший:

— Рассказывай, товарищ Лунь, о чем это вы таком с Фреоном говорили. После разговора с базы он ушел и просто исчез недалеко отсюда, в низинках. Выкладывай давай.

— Он сказал, что его уже зовут и пора уходить, Фельдшер.

— Значит... значит, правда все. Ох, е... а я-то думал, что мэн просто со спиртным не рассчитал. — Фельдшер тяжело сел на стул. — Ну, ходил он по базе пару дней и со всеми так душевно прощался, мол, ухожу я скоро, не поминайте лихом. Поначалу думали, что он просто с базы податься собрался, ну, и не особенно серьезно отнеслись. А он попросту сдается и снова в «Столофф» накачиваться. Я, грешным делом, решил, что он с собой что-то сделать надумал, поговорил, а он только посмеялся, и не, мол, друг, я такой глупости больше не сделаю. Позвали, значит, его? И кто, знаешь?

— Доктор. — Просто сказал я, и Фельдшер, и так невеселый, буквально изменился в лице.

— Да. Именно это он и говорил. И еще говорил, что ты, сталкер, по-особому Зоной меченый, и вижу, что прав он. Фа-ак... что ж он, зараза, ко мне-то не зашел?... даже «до свидания» не сказал... как-то не по-дружески расстались. Алимент!

— Да, шеф? — послышалось через пробойну «вентиляции».

— Заканчивай поиски. Нет его в нашей Зоне. Ушел Фреон. Как и обещался, собственно... другое дело, что не верил я ему. Может, потому и решил уйти вот так... по-английски. Знаешь, Лунь, а ведь мы хорошими корешами с ним сделали, сдружились. Жаль, черт побери.

Фельдшер помолчал.

— И еще одна засадная потеря, как я вижу, намечается. Что, Хип, все, опять нас бросаешь?

— Ухожу, но не бросаю. Я теперь навсегда из «Свободы», и даже он не заставит нашивки спороть. — Я почувствовал легкий тычок кулачком. — Но ухожу, атаман, это правда. С ним.

— Досадно. И ведь во второй раз, зараза такая, нас покидаешь. — Беззлобно ругнулся Фельдшер. — Ни в какие ворота. Кстати, отлично сходили, ага... твои бойцы хабар сдали и

прямо у меня под окнами судачили, что, мол, все, раз этот с белой башкой приперся, значит, другого командира дадут.

— Догадливый народ, — усмехнулся я.

— Мы такие, — кивнул Фельдшер, стукнув выдвижным ящиком стола и достав ключ. — Ну, сегодня, я так понимаю, уходить вы не будете — вечереет, а в Зоне ночевать удовольствие сомнительное. Отсюда шестая казарма, и там каптерка есть, под замком. В полное ваше распоряжение. Да, и оставайтесь здесь столько, сколько душа пожелает. И еще запомни, Лунь — в «Свободе» ты всегда почетный гость, ну а Хип и так наша. Заходите почаще.

* * *

— О чем ты думаешь, Лунь? — в тихой, бархатной темноте послышался шепот Хип, я кожей почувствовал прикосновение ее гладкого плеча, и рука ощупью нашла руку. Девушка подвинулась ближе, положив голову мне на грудь. От сладкой, теплой усталости меня совсем разморило, и потому я ответил медленно, неторопливо, и тоже не хотелось говорить в голос — уже полчаса мы общались шепотом, чувствуя рядом друг друга.

— Тебе не понравится, скорее всего.

— А все-таки?

— Из Зоны я уйти хочу, Хип. Все, хватило мне. Чуть только денег накоплю тут, пока есть такая возможность, и... и все. В идеале, чтоб на небольшой домик у моря хватило, и еще на первое время хоть какая денежка осталась, обжиться там, осмотреться. И просто отдохнуть, ни о чем, значит, не беспокоиться и ничего не делать.

Хип промолчала, а я продолжил:

— После того как мы там побывали, взяла меня тоска. Крепко так схватила... веришь, невозможно как захотелось неба и солнца, чтоб море, ветер чистый. Нехорошо, наверно, так говорить, но устал я от Зоны смертельно... хм, факт, смертельно устал. Сталкер от старости не мрет, Хип. А мне чего-то пожить захотелось, причем там, где много солнца, лета и моря. Тошно уже от этой вечной хмари над головой.

— Ну... я вписываюсь в твою жизнь? Ну, там, у моря? — Хип приподнялась на локте, и ее распущенные волосы щекоотно прошлись по коже.

— Вот я и боялся тебе это предложить, родная, — я вздохнул. — Помнится, ты мне сказала, что твоя Зона начинается за Периметром, да только по другую сторону. Потому мне и... страшновато было, что ты откажешься. Вписываешься ли ты в эту мою мечту, Хип? Думаешь, так ли уж нужны мне одному эти тепло, песок и солнце? Знаешь, стажер, я бы постарался тебя туда вытащить даже в том случае, если бы мы остались всего лишь друзьями.

— Я много думала... обо всем, — Хип снова улеглась мне на грудь, пробежала пальцами по плечу. — И знаешь, о жизни там, на Большой земле, тоже. И поняла одну интересную штуку, Лунь. Не потому здесь хорошо было, что Зона мне роднее и ближе, чем Большая земля, не потому она мне родиной показалась, что здесь само по себе для меня классно, нет. Все намного проще. Я не одна в Зоне была, а с тобой, сталкер. Потому она мне так и нравилась, потому я даже родиной ее называла и уходить отсюда не хотела. Только потому, что и в ходках, и в Баре, и в городке этом ты рядом был. А стоило разбежаться, и серо все вокруг сразу стало. Пресно как-то, некрасиво. Ходила в эти две ходки, как на нелюбимую работу, и все думала: поскорее бы уже на базу вернуться. Придешь, по Складам послоняешься несколько часов, и опять мысль, что катись оно все, в Зону пора идти. А мысли только в одну сторону... что бы Лунь вон там сделал, как решил бы, стал бы в эту рощицу заходить... Лунь, Лунь, опять Лунь...

Хип тихонько хмыкнула, потерлась щекой.

— Но только видела я твой взгляд, перед тем, как к своим, «свободовским», вернуться. Не холодный, не добрый, не злой... равнодушно-мертвый, как и там, у Координатора. Да и у меня ничего так особо не шелохнулось тогда... все, значит, все. Это потом уже пробрало до

самой середины, до одурения, как мне без тебя плохо вдруг стало. Но возвращаться — нет... все бы, Лунь, простила тебе, кроме равнодушия. И, как бы плохо не было без тебя, не согласна я быть в твоей жизни... как это... лишним человеком, вот. Никогда. Спасибо, что прислал мне сообщение позавчера, что ты придешь. Я ждала. Очень ждала. Места себе не находила.

— Сообщение?

— Ну да... номер, правда, странный, вроде из старых, но подпись была — «Лунь».

— Сохранилось?

— Ну конечно. Сейчас... — Тихий шорох одеяла, звук босых ног по половицам, скрипнула доска. Комнату залило тусклым синим светом от экрана включившегося ПК, который так красиво обозначил стройную фигурку Хип, но девушка, не позволив мне насмотреться, снова юркнула под одеяло.

— Вот!

И я прочитал: «Привет, Хип, Соскучился. Жди, на днях приду на вашу базу. Лунь» И знакомый номер отправителя... явно «свободовский» сервер, явно похожи последние числа...

Я потянулся к своей «Кольчуге», нащупал мини-компьютер, тоже включил... ну, точно. Тот же номер под «Привет. Как ты?»

Вот, значит, что... прознал, видно, Фреон мой номер ПК — ясное дело, «ботаники» на всю Зону раззвонили, что Лунь к ним записался во «внештатники», а официальный номер такого важного дяди узнать — дело техники. Проставился, небось, местному спецу, и вуаля — вот оно. Что характерно, именно «фримены» поднаторели во взломах местных систем. Даже на собственный серверный центр разорились. У Хип тем более вызнать не сложно — подойди да спроси. Умнее нас двоих сталкер оказался и до конца свою добровольную миссию выполнил, все правильно сделал. Молодчина, Фреон. Пусть твоя дорога там, на других страничках нашего мира, будет легкой. Спасибо тебе, друг.

— Опа... так, значит, это не ты был... — с удивлением в голосе произнесла Хип.

— Опа... так значит, и это не ты была, — парировал я с улыбкой. — Но ты скажи, теперь это что-то меняет?

— Не-а! Ничего не меняет, — шепнула Хип после короткого раздумья и снова потерлась прохладной, гладкой щекой по плечу.

Я вздохнул, отпуская от себя последние следы того мутного, тяжелого состояния, в котором так долго находилась моя душа, крепче прижал к себе Хип, вдохнул запах ее волос и...

И мы еще долго не могли заснуть под частый перестук начавшегося ливня и грохот ночной грозы — май он и в Зоне май. Скоро начнутся затяжные, июньские дожди, скоро наступит прохладное, хмурое лето, которое для нас скорее всего будет последним хмурым и прохладным. Держитесь, товарищи «ботаники», Лунь для вас будет недешев, но хорош. Выложусь полностью, но выгрызу маленькое, уютное счастье для нас двоих.

С утра мы, так и не выспавшись, но совсем не чувствуя слабости от приятной, сладкой истомы, с рассветом ушли в сторону Дикой территории.

* * *

Я поднял руку — стоп, осмотреться, — и приподнял к плечу «сайгу». Нет, наверно, почудилось... здесь, в этом черном зеве гаража «№ 7» уже не один год росли черно-багровые высокие «папоротники», укоренившиеся прямо на бетонном полу. Давно выбитые окна заплыли какой-то вязкой черной пленкой, такая же короста широкими пятнами расплзлась на стенах и створках упавших ворот. Да, верно... шорох этот не от твари — в таких вот зданиях, облюбованных «папоротником», всегда что-то шуршит, поскрипывает, едва слышно скрежещет с таким звуком, словно трутся друг о друга листочки мятой фольги. Гараж, естественно, «фонил» — мне и заходить не нужно, чтоб понять это по характерной аномальной растительности. В другой день я бы не рискнул сунуться в такое здание —

радиация штука коварная, — но сейчас, с таким оборудованием, пожалуй, стоило проверить местечко.

— Слушай, Хип... дай-ка на время свою «почку».

— Э... м-м-м... Лунь. Ну, как бы почку на время не дают, — тихо ответила стажер. — Да и вообще, место для операции не очень подходящее, грязно, и без наркоза я на это дело категорически несогласная.

Я обернулся. Ну, точно... в синих глазах Хип отплясывали знакомые веселые искорки, которых мне давно не хватало. Девушка улыбалась, протягивая на ладони сияющую изумрудным светом почку «пузыря». Я подмигнул в ответ, поместил зеленый шарик в специальный контейнер на поясе и, защищенный уже в два раза сильнее, решил на вход в гараж. Можно было, конечно, зайти и с одним фрагментом «пузыря», но далеко не факт, что жесткое излучение не проберется-таки до моих клеток. Да, артефакт замечательно убирал радиоактивные частицы из организма и «гасил» любую полученную дозу, со временем, конечно, но вот восстановить испорченные, убитые радиацией, а то и переродившиеся клетки, увы, уже не мог — с этим справлялась только инъекция «жизни». Неуютно мне как-то осознавать, что в особо прочной стальной коробочке на поясе нет больше двух маленьких ампул с синей, немного светящейся жидкостью. Берег, называется, берег, а все равно пропало лекарство. Ладно, может, еще отыщу, ну а пока самым малым ходом в гараж. И темно же здесь, однако... диодный фонарик почти не освещал гулкую темноту, свет терялся в высоких черных стеблях «папоротников», в их плоских, узорчатых листьях. Сканирующий дозиметр ДСУ-2 начал изредка, лениво потрескивать — да, если бы не почки «пузыря» на поясе, сейчас бы он буквально захлебывался характерным «царапающим» звуком. На ДСУ загорелась тоненькая, с волосок, зеленая полоска — мол, фон есть, но пока не критический. Хм... похоже, давно не заходили в этот район сталкеры. Грязное место считается во всех смыслах, поэтому шанс найти что-нибудь ценное повышался в разы. Ну, а пока и это сойдет — на колонне, почерневшей от радиоактивной плесени, серебристыми лучиками играл «хрусталец» — длинный, тонкий кристалл, проросший прямо из бетона. Чуть дальше, у густо заросшего странным багровым мхом остова ЗИЛа мерно пульсировал едва заметными вспышками крошечный не то «каменный цветок», не то еще какая штука. Но туда я не пойду: в воздухе как будто сеть рыболовная мельтешит и над чудовищно обросшей машиной, и над яминами в полу, и словно волны по ней от потолка до пола ходят — эдакая прозрачная штора, а под ней даже «папоротников» нет. Нет, туда нельзя точно, даже гайку швырять не буду, черт его знает, чем оно ответит. Эх, зараза... ведь точно артефакт под ЗИЛом, может статься, что и уникальный. Досадно... но «хрусталец» точно мой. Штука средней цены, зеленью две-три сотни с поправкой на нынешнее состояние НИИ. Лады, курочка тоже по зернышку клюет, да сыта бывает. Острый он, как стилет, о грани порезаться можно запросто, да и пальцы обжигает, поэтому я снял с пояса большой, мощный пинцет из особого сплава с толстыми изолированными цангами. Аккуратно, чтоб не сломать — хрупкий он, зараза, словно и впрямь из хрусталя, — раскачал артефакт, благо в тех местах, где «хрустальки» из стенок растут, бетон мягкий, словно слежавшийся пепел, разъедает его, что ли. «Хрусталец» тихонько звякнул и подался, — ну, пока в пинцете, сейчас с контейнерами возиться не резон. Самым медленным ходом назад — дозиметр все-таки беспокоится, похрустывает тихим треском, и полоска на нем зеленая заметно шире стала.

А теперь можно и быстрым шагом, на свет из этого неприятного местечка. Да уж, в самом деле Дикая территория, не зря ее так называли... даже волосы иногда дыбом встают.

— Ну, что там?

— Да вот... трофей! — Я победно поднял чуть выше пинцет с зажатым в нем артефактом. — Давай контейнер, стажер. Да, и травы туда нарви — штукovina хрупкая, бьется в легкую.

Кисло сегодня как-то прошлись. Места здесь «грибные», хорошие, можно было бы рассчитывать на серьезный улов, ан нет — набрали в рюкзаки в основном такой же мелочевки, что и на Свалке можно насобирать, не особенно напрягаясь. Но жаловаться, конечно, не приходилось — что сами не нашли, то друзья подарили: в рюкзаке у меня лежал

«светляк», который один стоил моего полугодового заработка. «Ботаники» обещали крупные премиальные за будущий поход на северные болота по «новым» территориям — расставить лабораторные микромодули — «дартсы», да наметить хотя бы примерный маршрут для будущей экспедиции. И те же фрагменты «пузыря» можно будет продать перед уходом какому-нибудь состоятельному сталкеру или даже барыге из «Шанхая» — тоже сумма выйдет немалая.

И пока голова была занята подсчетами, выкладками да примерными планами на будущее, глаза внимательно следили за полетом гаек, отмечая все странности, какие только можно увидеть. Прав был Фельдшер — Зона пусть и не очень заметно, но изменилась, как будто тише стала, мертвее. И не в Выбросе, наверно, дело было, а в том, что человеческого присутствия совсем не ощущалось. Бывшая промзона словно вымерла от ворот на Росток до кривых перелесков Янтаря. Понятно, что и раньше Дикая небогата была на живность, не любят мутанты бегать там, где жрать совсем нечего и где аномалий много. Разве что шатались тут существа, которые живностью назвать очень сложно — зомби, снорки, кикиморы и прочая не живая, но и не мертвая пакость. Этим, по большому счету, и есть-то не нужно, «ботаники» это давно доказали, но все ж таки пытаются, как та компания снорков на Свалке. Не было еще такого случая, чтоб где-нибудь в выбитых окнах заводских зданий не маячила высохшая желтая морда зомби с глазами-ямками или из какой-нибудь канавы не доносился бессвязный, зажеванный речитатив мертвеца, жалующегося на Зону-стерву, даже заслуженный покой отобравшую. Но и этого сегодня нет — совсем тихо на Дикой территории. Даже следы сталкеров — мятые окурки «Примы», раздавленные банки из-под энергетиков, кострища на редких здесь «чистых» участках были уже застарелые, покрытые наплывами грязи. И тихо вокруг, чуть не до писка в ушах.

— Эй, Лунь...

— Да?

— А что это там такое... вон, на площадке возле цистерн?

Я посмотрел в указанном направлении. Знакомое местечко, и тоже со «сторожами» — небольшая узкая площадка рядом с двумя облезлыми нефтяными цистернами, стоящими на боковой железнодорожной ветке. Четыре тонких столбика в рост человека, таких длинных черных пня, словно выросших на пыльном трещиноватом асфальте. Три рядышком, один чуть в отдалении. Кто не знает, действительно не поймет, что за столбы такие, все в толстых черных потеках и с серыми, гладкими макушками.

— «Долговская» четверка домой возвращалась, Хип. Не тем путем прошли, каким надо.

— Да ну... серьезно? Столбы эти двумя ладонями обхватить можно... ну, на фиг. Пугаешь, что ли?

— И в мыслях не было. На вот бинокль, глянь. У крайнего голова полностью из этой черной смолы вывернута, хорошо видно. А на ближнем лохмотья от комбинезона. С другой стороны, на рельсах, еще один талант стоит, решивший срезать через нехороший участок. Тоже столбиком торчит, таким же точно. Между цистернами есть что-то, на движение реагирует.

— Ох, е-мое, — Хип вернула мне бинокль. — Действительно, голова... даже волосы остались.

— Чуть дальше и правее отсюда стройка есть, с одной стороны обваленная, так там народу осталось намного больше. Так что нам туда не надо — сейчас попробуем к Свалке выйти через второй цех.

— О'кей. Через второй, значит, через второй, — легко согласилась Хип. А вот я призадумался.

Длинные и высокие, в пять этажей, вдоль проржавевших, заросших железнодорожных путей тянулись здания бывшего завода, разбитые на отдельные корпуса. Внутри, и я это знал, было темно даже днем — уж не знаю, о чем думали проектировщики, но весь первый этаж был почти без окон, если не считать за таковые узкие щели в толстых бетонных стенах. Света, проникавшего сквозь них, хватало только на то, чтоб не налететь лбом на внезапно

выплывшую из темноты колонну, но было уже катастрофически мало, чтоб обойти зомби, которых в зданиях завода всегда было просто немеряно. Уф... был бы нормальный фонарь, так нет. Мой старый светильник, на осколке «солнца», успешно накрылся при переходе из мира Координатора, как, впрочем, и все остальные артефакты. Хорошие, «шахтерские» фонари продавались на Ростке, но туда мне ход с недавнего времени был закрыт, да и денег у меня тогда не было ни копейки. На Армейских складах, конечно, тоже наверняка фонари были, но не возвращаться же теперь туда. А та китайская финтифлюшка на нескольких диодах светила разве что на пару метров — в НИИ не нашлось ни одного нормального, подходящего фонаря — только такие вот ущербные «карандаши». Плохо, когда накрывается налаженное снабжение с грамотным, опытным посредником вроде того же Барина. Уж он бы не допустил такого дефицита.

— Что так задумался, Лунь? — Хип обеспокоенно тронула меня за руку.

— Да вот... без освещения мы с тобой, стажер. — Я пощелкал кнопкой маленького, слабосильного фонарика. — Этим только под ноги светить, а по сторонам уже никак.

— В здании аномалии?

— Есть и они... но там имеется и кое-что похуже.

— Что?

«В подвале ощутимо несло кислятиной. Не теми едкими, обжигаящими горло испарениями „киселя“ или „газировки“, нет, а характерной уксусной, с четкими нотами тухлятины вонью. У входа в подвал недостроенного общежития запах этот был почти неощутим, пахло скорее терпкой сыростью и мокрым бетоном. Проходя мимо, я даже бы и не посмотрел в его сторону, но в густой, черной глубине мелькнул вначале серебристо-белый лучик, а затем, все в той же черноте, прокатилась по полу „вспышка“ Не уникальный артефакт, вовсе нет, их иногда по несколько штук из ходки приносят, но спрос на них был стабильный, и, в отличие от других достаточно распространенных артов, даже повышался, из-за чего „вспышки“ медленно, но верно подрастали в цене. Барин уже несколько недель принимал „вспышку“ за четыреста зеленых рублей, ходили слухи, что скоро „ботаники“ начнут скупать их и за четыреста пятьдесят. Многие сталкеры от этого придерживали до поры и без того недешевые артефакты, но, поиздержавшись, все равно продавали посредникам. Естественно, четыреста долларов в Зоне превращались в двадцать-двадцать пять тысяч нарисованных президентов в той же Европе — при определенных условиях артефакт умел дробиться на мелкие и даже мельчайшие фрагменты. Одной „вспышки“, например, хватало на несколько тысяч неисчерпаемых блоков питания для тех же ПМК, сотню „бесконечных батареек“ для ноутбуков или два-три питающих элемента для автомобильных электродвигателей, после чего владелец такого авто мог навсегда забыть о заправках, бензине и смене аккумуляторов. Ну, а пара „вспышек“ в избытке обеспечивала электроэнергией частный коттедж. Некоторые ученые крепко сомневались в „бесконечности“ энергозапаса „вспышки“, но факт оставался фактом — со временем выход электроэнергии ничуть не слабел, артефакт или его фрагмент не терял ни в массе, ни в насыщенном „электрическом“, в легкую синеву, блеске, ни в каких других характеристиках. То, что „вспышка“ вот так запросто нарушает один из фундаментальных законов природы, буквально сводило ученых с ума — люди науки попросту не понимали, как „работает“ этот артефакт. Но человечество давно оценило пользу пусть и непонятных, но ставших вдруг совершенно необходимыми „вспышек“. Юсовцы, по слухам, уже начали на наших артефактах собирать особое оружие по давно придуманным схемам — „вспышка“ обеспечила то самое недостающее звено — компактный и при этом исключительно мощный источник энергии.

Поэтому я и остановился у подвала.

„Если удастся мне выцепить эту штуковину, то вместо ПМ, уже показавшего свою „эффективность“ по стае слепых собак, возьму на вооружение ПП-2000, — думал я, стоя у зева подвала, — да и тушенка уже на исходе, и комбез прожег в „киселе“, дыра пусть и небольшая, а все ж таки дыра, отремонтировать надо“.

Но спускаться по лестнице было все-таки страшно. Дрянные истории ходили вокруг этих заброшенных строек какого-то несостоявшегося учебного заведения. И что морочит на верхних этажах, и что зовет кто-то сталкеров по имени через шахты вентиляции, то есть на самом деле зовет, протяжным таким, печальным голосом, даже на микрофоны ПМК это дело записали. Фреон, излазивший второй корпус, достроенный уже, в котором до Первой студенты жили, одну штуку рассказал. Было, мол, такое, что когда по коридору четвертого этажа шел, то из боковых дверей руки высовывались и ему махали, серые, говорил, длинные такие, а стоило зайти в комнату, то никого там и нет. Еще рассказывал он, что в коридоре том страшно ему не было, только удивительно очень, а испугался он, уже выходя из общежития, да так, что чуть ноги не отнялись. И что с тех пор в этот студгородок он больше ни ногой. А меня вот понесло, дурака... места-то в принципе уловистые, и аномалий не так чтобы много, и зверье эти здания обходит десятой дорогой. А что Фреон руки видел, так это и галлюцинации могли быть, и от голосов в вентиляционных шахтах никто еще из сталкеров не помирал.

А хороша „вспышка“. Они, правда, все „калиброванные“, и размер, и вес у них одинаковый, различия в миллиметрах и долях грамма. Но эта мне показалась самой большой, дорогой и даже по-особенному блестящей. Катаются они по всей Зоне, артефакты это непоседливые, этакие перекаати-поле. Даже из ям выбираются, если стенки не очень крутые, но из подвала уже дороги им нет. Кто знает, может, там не одна она, а пара-тройка штук... И жадность вместе с азартом сильнее страха оказались. Покидал я в проем двери гаек, прислушался, да и полез в подвал.

Тогда-то и пахнуло в лицо вместе с холодным, промозглым воздухом той самой, характерной — кислятиной. И по-хорошему, надо бы мне из того подвала наверх, но в темноте, чуть цокая по камешкам, вдоль подвального, угольно черного коридора прямо на глазах укатился яркий серебристый колобок, свернув в какое-то боковое помещение, и, надо сказать, далековато укатился. „Вспышка“ — штука сама по себе яркая, и в темноте хорошо заметная, но вот странное дело — сама светит, хорошо так светит, но ничего не освещает — так, маленькое светлое пятнышко прямо под ней, и все. А подвальный коридор, зараза, длинный, и в этой темноте даже не поймешь, в какую из боковых дверей „хабаринка“ свернула и куда дальше ее понесло. Добро, фонарь есть и „сайга“ с картечью... со светом-то оно нормально, оружие уверенности добавляет. Даже если на снарка в подвале напороться, то тварь эта особо не распрыгается, а на четвереньках бегают они не так чтобы очень ловко. Зомби страшны, вопросов нет, но от них и уйти можно... а зомби здесь точно есть — в одну из комнат медленно, неохотно уволоклось какое-то грязное тряпье, и вонь уже серьезная, словно в подвал дохлых кошек накидали.

И не надо бы быстро по подвалам этим ходить, но оно как-то само получилось — прокидав гайками коридор, прошел я по нему быстрым шагом, не задерживаясь у черных дверных проемов, где что-то смутно шевелилось и вздрагивало. Застойный воздух подвала был уже буквально отравлен смрадом гниющих тел, респиратор не спасал, и потому я начал дышать через рот. Вот и конец коридора, световое пятно фонаря уперлось в бетонные блоки и трубы в лохмотьях теплоизоляции. Прямо по стене с тихим журчанием стекал ржавый ручеек, заворачивающий в большую, на десяток кабинок, подвальную душевую, выложенную коричневым кафелем. Успел я вовремя — пол душевой имел заметный склон для стока воды, и в углу виднелся черный зев канализации. Именно туда, словно бильярдный шар в лузу, и направлялась „вспышка“, медленно катясь по влажному, липкому полу. О том, что артефакт в диаметре заметно больше, чем просвет канализационной трубы, я вспомнил уже в полете...

Зачем я сломя голову метнулся за „вспышкой“, до сих пор непонимаю. Крепко повезло мне, что в душевой не было аномалий — единственно, кафельный пол, покрытый какой-то слизью, сыграл со мной злую шутку. Я поскользнулся, выставленные вперед руки, на которые я должен был приземлиться, разъехались в стороны, и почти не смягчили удара. Скользкий, вонючий и чересчур твердый кафель звонко и поразительно больно встретился с моим подбородком, носом и лбом. С коротким сухим хрустом разлетелся налобный фонарь, и

единственными источниками света в совершенной темноте остались искры из глаз и серебристый шарик „вспышки“, усевшийся в выемку слива. То, что было больно, так это мягко сказано — я, оскальзываясь, перевернулся на спину, и по щекам тут же побежали два горячих ручейка. Рассажженный подбородок, саднило и жгло, во рту стало солоно от крови, но зубы, вроде, целы... ох...

Сотрясение я получил почти наверняка — сознание пару раз куда-то уплывало, начало подташнивать. Я с трудом поднялся на ноги, подобрал светящийся шар, и вдруг понял, что совершенно не ориентируюсь в пространстве. От серебристого сияния „вспышки“ окружающая темнота стала казаться еще глубже — артефакт своим свечением словно усиливал ее. Я мог рассмотреть только свои пальцы и запястья — нечего было и думать выйти с таким „фонариком“. В кармане была китайская пластиковая зажигалка, но, по исключительному закону подлости, при первом же „чирке“ истершийся кремль вылетел, и по пружине заскрежетала насечка колесика. Спичек с собой не было, а маленький кристаллик „каменного огонька“, от которого, при некотором умении и не без труда можно было зажечь пучок сухой травы или прикурить сигарету, сам по себе не давал даже ярких искр, а просто лежал в тайном кармашке пояса на случай отсутствия спичечного коробка или зажигалки. Я вдруг отчетливо понял, что придется выбираться из подвала ощупью, придерживаясь всегда одной стены, до тех пор, пока не увижу свет выхода — иначе плутать по подземному этажу можно было долгими часами, помногу раз проходя по одним и тем же помещениям. Я вздохнул, нащупал рюкзак, и из кармана на клапане извлек аптечку, выбрал гладкий цилиндрик универсального раневого антисептика и щедро побрызгал ощутимо жгучим спреем на лицо, вставил в нос ватные тампоны — кровь все не унималась. „Вспышку“ запаковывать в контейнер не стал, оставил в руках, надеясь, что, глаза привыкнув к темноте и мне хватит даже такого странного света. Как оказалось — зря: сияние артефакта было и в самом деле очень странным, и я по-прежнему ничего не видел вокруг даже через долгие несколько минут. Ощупывая влажные скользкие стены, я начал медленно продвигаться к выходу из душевой, поминутно оскальзываясь и с трудом сохраняя равновесие. Скользкий, ледяной кафель, шершавый бетон, гнилое, влажное дерево дверного косяка и совершенно неожиданно — что-то мягкое, ослизлое, легко подавшееся под нажатием руки, „Тха!“ — хрипло каркнуло нечто, часто ступая какими-то липкими, поскрипывающими шагами. И кто-то замычал дальше по коридору, и даже забитым кровавой ватой носом я почувствовал соленый гнилостный запах. Нечто, отшатнувшееся во тьму, снова полезло в дверь, и по моему плечу легонько мазнула белая, безобразно вздутая рука с отслоившимися ногтями — слабого света „вспышки“ как раз хватило на то, чтобы это дело рассмотреть.

Мало какой сталкер не знаком с таким чувством, как свирепый ужас. Не просто страх или неуверенность, и даже нехарактерные „роды ежиков“ перед жутковатым переходом или необходимостью зайти в незнакомую „заброшку“. А именно тот ужас, черный, безумный, когда даже опытный, закаленный Зоной человек превращается в напуганную до слабости кишечника, орущую обезьяну, у которой остается единственная мысль — зубами и когтями пробиться из западни и бежать, бежать как можно дальше отсюда. И, если такое случается, сталкер не жилец — первый же подобный забег гарантированно закончится в „карусели“ или луже „киселя“. Мне, можно сказать, повезло, от такого адреналинового удара мозг не поплыл, а, напротив, заработал в разы быстрее. Я крепко, с оттяжкой врезал ногой в темноту, отчего чье-то тело с грохотом и хрустом отлетело к соседней стене, ломая не то кости, не то горы гнилых ящиков. Вынул из кармана фляжку с семидесятиградусной „слезой контролера“ и вылил ее на левую руку, отчего ткань стала вдруг холодной и потяжелевшей. А затем с силой вдавил кристалл „каменного огонька“ в пропитанный крепким спиртным рукав.

Яркое, желтое пламя разом осветило помещение душевой. Не чувствуя ожога, я другой рукой приподнял дробовик и всадил снап крупной дроби в распухшее, с вывернутым черным языком лицо, отчего голова зомби разлетелась гнилым арбузом, а вздутое от воды, похожее на бурдюк тело завалилось на спину. Люто выматерившись и подняв повыше

„факел“, я ломанулся из подвала на воздух, на свет, по пути с оглушительным грохотом расстреливая в темноту магазин „сайги“...

Красную, всю в волдырях ожогов кисть руки, которая болела так, словно с нее сняли всю кожу, разбитый нос и лопнувший подбородок я потом долго выглаживал „душой“, по счастью, найденной в ближайшем болотце. Потому и шрамов на лице не осталось, и рука зажила на глазах, но с тех самых пор я очень хорошо понимаю людей, которые боятся темноты».

— Так что там, Лунь? — Хип пытливо заглянула в глаза. Признаться девчонке, что жуть берет? Хм... несолидно. Но и топтать через темный цех с ходячими кадаврами, имея на руках только слабосильный диодный фонарик, тоже не особенно умное решение. Ведь сколько зарекался уже от глупостей, Лунь? Понесло тебя через Дикую, думал хабара намыть, а то, что цеха тут не просто темные, а буквально черные, и фонаря при себе до сих пор нет, это ты запамятовал, седая башка. Знали бы сталкеры, которые меня всерьез чуть ли не за мастера считают, сколько на самом деле дури в моей голове...

— Не ходи туда, Лунь, — послышался знакомый хрипловатый голос. Мы с Хип обернулись одновременно, и я порадовался за стажера — моментально дробовик к плечу, изготовилась стрелять, даже присела немного, словно уклоняясь от ответного выстрела. Ну, правильно все сделала — никого вокруг, и тут голос за спиной. Пусть даже и знакомый.

В нескольких метрах от нас стоял Координатор, приветственно поднявший руку. И он был не один.

Я узнал Доктора. Болотник немного печально улыбался, отчего на загорелом, обветренном лице стали особенно заметны лучики морщин в уголках глаз. Рядом с Доком стоял Фреон, в полной выкладке для дальнего рейда в Зону — полный рюкзак, запасные магазины для странного, немного громоздкого на вид оружия, отдаленно напоминавшего модульную винтовку FN, усиленный респиратор на груди. Странное дело — Фреон выглядел как будто старше, даже седина в коротких, ежиком, волосах стала заметнее, или, может, я этого раньше не замечал. Сталкера было почти не узнать — привычно хмурое, даже раздраженное выражение лица сменилось на спокойную уверенность во взгляде, даже тепло. Впрочем, Фреон все же улыбнулся, кивнул, покосился на Доктора с почти победным видом. Улыбка сталкера стала шире, когда я легонько щелкнул пальцем по ПМК на поясе.

— Спасибо, Фреон! — Хип крикнула это так звонко, что эхо отскочило от серых заводских стен. — Запомни, сталкер! Я никогда, слышишь, никогда не винила тебя и всегда считала другом! Слышишь меня, Фреон? Я хочу, чтобы ты это знал! Спасибо тебе от нас за все! Спасибо, Фреон! Прости, что не сказала этого раньше!

— Спасибо, друг! — Я поднял руку. — Спасибо тебе за нас.

Лицо Фреона окаменело, он вздрогнул и спрятал глаза за ладонью. Доктор положил ему руку на плечо, что-то сказал неслышно, сталкер отвернулся.

— Хорошо, что вы это сказали ему. — Голос Координатора был очень тих, шел словно издалека. — Теперь он уйдет спокойно и не будет ни о чем жалеть.

Кроме Фреона и Доктора рядом с Координатором стояли еще два человека. Я их не знал... один, высокий лысый старик в удивительно неряшливой, грязной фуфайке, раздутых в коленках спортивных штанах и галошах из обрезанных резиновых сапог, не улыбался, а просто внимательно разглядывал нас. Несмотря на невероятно запущенный вид, взгляд старика светился каким-то потаенным, нечеловеческим знанием, граничащим с безумием, и я вдруг понял, что это Смотритель, о котором тогда, у давно погасшего костра мне говорил Доктор. Тем, кого Док называл Бессмертным, видимо, был человек в оранжевом научном комбинезоне со снятым шлемом. Молодой, черноволосый, с умным взглядом поверх небольших очков-таблеток, он помахал нам рукой, как старым знакомым, и тут же смущенно улыбнулся.

— Доктор попросил за вас, — продолжил Координатор. — И я с радостью согласился помочь. Мы вам очень обязаны, сталкеры... благодаря вам у нас много времени, чтоб подготовиться к встрече с Монолитом. Он увидел вас и дал нам возможность все исправить, все отменить, все сделать так, как надо...

Доктор что-то сказал, по-прежнему неслышно для нас, но Координатор кивнул и продолжил.

— К сожалению, мы не предотвратили выход Камня на уровень планетарного информационного поля. То желание, желание самой Земли, которое услышал Монолит, было крайне... спорным для будущего нашей цивилизации. Мы идем, скажем так, убедить Монолит не исполнять эту просьбу... и у нас есть весомые аргументы. В том числе и благодаря вам. Запомните: тот осколок, что лежит в вашем рюкзаке, является гарантом вашего желания. Сохраните его... когда придет время, он сам даст знать, что нужно делать. И последнее... собственно, просьба, которую мне передал Доктор и которую я с радостью исполню. Мои способности в этой реальности теперь очень скромны, но я все же сделал небольшую коррекцию событий. Вам будет сделано предложение в НИИ, от которого не отказывайтесь. Это единственный способ добиться того, к чему вы стремитесь, все остальные сценарии вашей реальности... плохи. Одним вам будет очень трудно, и поэтому к вам идет друг и проводник. Берегите ее. Мы уходим, и больше ничем не сможем вам помочь. Возвращайтесь через Росток, там вертолет ученых. Он доставит вас в Чернобыль-7. Прощайте.

Я только сейчас заметил, что фигуры всех этих людей были до странности отчетливы и при этом плоски, словно кто-то наложил на воздух изображение или проекцию. Первым ушел Бессмертный, как-то сразу и бесследно исчезнув, не сделав даже шага. Остальные, не оборачиваясь, быстро уходили вдоль железнодорожных путей, и их фигуры, постепенно теряя четкость, цвета, контуры, на глазах превращались в размытые облачка, терявшиеся на фоне серых стен и пестро-ржавых вагонов.

Больше не раздумывая, я повернулся к выходу на Росток. В конце концов, мало ли что там думает Седой — мы с Хип с недавних пор официально научные сотрудники НИИАЗ. Вправе проходить на территорию научной базы нам вряд ли кто откажет. И добраться до Чернобыля-7 на научном вертолете тоже было бы совсем неплохо — «ботаники» пользуются таким количеством аппаратуры, что риск нарваться на воздушную аномалию сводился к минимуму. Полет над Зоной был намного безопаснее, чем почти сутки похода по бедным в плане хабара, но далеко небезобидным землям Свалки и Кордона.

«Долговец» на первом посту внимательно изучил наши пропуска, недоверчиво косясь на сталкеров, вздумавших вдруг назваться научными сотрудниками, вызывал кого-то по рации, но в конечном итоге все-таки пропустил. Оружие сдавать мы и не подумали — в гости к «Долгу» мы заходить пока не собирались, а сразу двинули к серебристым куполам научной базы, где действительно стоял большой транспортный вертолет, из которого на бетонную площадку выгружали ящики с припасами. Дежурный, хмурый солдат с удивительно «сложным», почти торжественно-героическим выражением лица, сразу кивнул, едва увидев наши карточки, мол, заходите и устраивайтесь, добавив, что с Востока на базу вылетает и группа «этих ваших ботаников». Долго упрашивать нас было не нужно, и мы забрались в жаркое, темное нутро винтокрылой машины, едва освещенное круглыми иллюминаторами. Через несколько минут пришли «эти ваши ботаники», по-моему, иностранцы, вежливо кивнули и уселись особнячком, разложив на коленях карты и подсвечивая их маленькими фонариками. Пилот какое-то время запрашивал «зонды воздушных коридоров» и «поправки уровней», периодически злобно, со вкусом матерясь и обещая совершенно невозможные кары на головы каких-то «долбодуев», которые «беспилотник на Янове прос...ли», а «пчелами проверять за... ну, очень долго ждать». Что это за «пчелы» я понял скоро — с крыши одного из бункеров по очереди стартовали пять небольших полосатых цилиндров, которые, громко стрекоча винтами, построились квадратом и улетели в сторону Чернобыля-7.

Ждать действительно пришлось долго — «ботаники» уже несколько раз уходили в ближайший «купол», по возвращении принося с собой запах свежего кофе и табачного дыма, выходили курить на площадку, кто-то даже прикорнул на сиденье, свесив вниз руки и похрапывая. Хип тоже уснула, положив голову мне на колени и устроившись так, чтоб

ботинки «Кольчуги» оказались за пределами сиденья. А я все думал, какой же подарок приготовил нам Координатор, какую такую возможность «подогнал».

Наконец, видимо, второй пилот выбежал из «купола» и, приближаясь бодрой рысцой, махнул руками. Тот, что был в кабине, сразу окаменел лицом, что-то прошептал и трижды размашисто перекрестился, напоследок быстро поцеловав и спрятав образок на шейной цепочке.

— С богом, — сказал он внятно, зачем-то отстучал по подлокотнику кресла быстрый знакомый мотив, после чего быстро защелкал тумблерами, повернул рукоятки, и вертолет проснулся, зарокотал, начиная раскручивать лопасти.

— С богом, — кивнул второй, вставляя в гнезда какие-то блоки и внимательно следя за показаниями на синеватом мониторе. — Шестнадцатый маршрут, верхний горизонт, разведанная степень риска четыре и ниже, рекомендовано воспользоваться навигацией по рельефу и стационарным маякам. Степень риска Выброса два и ниже, уровень аномальной активности коридора шесть до девяти с незначительными колебаниями. Вылет разрешен.

— Принято. Врубай широкополосный режим и дымовуху через интервал в тысячу метров. Ну, браччо, поехали.

И за весь полет ни один из пилотов не произнес ни слова. Первый вел вертолет, сразу, с места поднятый почти на километровую высоту, хотя, по меркам авиации, расстояние до научного городка было совсем пустяковым. Пилот внимательно, с прищуром всматривался в серое небо, в то время как второй не отвлекался от монитора, быстро, почти виртуозно бегая пальцами по многочисленным кнопкам и верньерам. Всего двадцать минут неторопливого полета, с периодическими зависаниями на месте, во время которых с турелей вертолета выстреливали вперед небольшие, но при этом очень дымные ракеты, оставлявшие в небе длинные серые веревки следов. В иллюминаторы было видно, как рядом с вертолетом дымные следы рвались и закручивались вихрями, но дальше, почти на километр, они висели ровными темными канатами.

Оба пилота немного расслабились и плавно повели вертолет, на снижение только после частого мигания довольно яркой зеленой лампочки, встроенной в приборную доску. Один из них обернулся, и я заметил на его лбу бисеринки пота. Пилот улыбался, показывая большой палец.

Не дожидаясь сообщения ПМК, мы сразу отправились в сторону НИИ. Артефакты принял у нас Зотов, причем лично. Ученый долго, с огромным удивлением смотрел то на «светляк», то на нас. Естественно, и артефакт исключительно редкий, который уже давно, похоже, перевелся в Зоне как вид, и улыбающаяся Хип в «Кольчуге» камуфляжно-зеленой, «свободовской» расцветки с эмблемами «фрименов». Я был готов поручиться, что ни разу действующий участник этой группировки не пересекал порога НИИ.

— Ну, что... браво, сталкеры. — Зотов сказал это почти торжественно, после чего легонько стукнул пальцем по контейнеру со «светляком» — вы в курсе, что у европейцев — внимание! — нет. Ни одного. Такого. Артефакта. Что грант на экспериментальную медицинскую работу со «светляком» давно дожидается отправки: в особенно везучий институт из тех, которые занимаются Зоной. А вслед за этим грантом вернется к нам и потерянное доверие как наших, так и зарубежных спонсоров. Спасибо! — Зотов крепко пожал мне руку и обозначил легкий поклон Хип. — Не знаю, имею ли я право требовать это, но... есть одно дело.

Проф сказал это совсем тихо, откашлялся, и я вдруг нутром понял, что вот оно — то самое задание, о котором говорил Координатор.

— В чем дело, Проф?

— С нашими... коллегами приключилась крупная неприятность. Вы ведь в курсе, что на западе Зоны, за новыми территориями европейцы обустроили крупную базу. И буквально на днях в том районе случился маломощный локальный Выброс. Сама база не затронута, нет, все пока живы, и есть припасы, но... провешенные еще до нашего, скажем так, кризиса со сталкерами дороги, сами понимаете, стали далеко небезопасны. Как вы их называете, «палестинка», само собой, не пострадала, хотя из-за сильного разряда «электры» вышел из

строю генератор, который, к сожалению, по неясным для меня причинам они разместили за пределами не только базы, но и самой палестинки, хотя, подозреваю, база давно была запитана от стабильных электрических аномалий. Запасной, стандартный генератор испорчен... в итоге наши коллеги почти полностью обесточены. Запасов у них хватает, но с водой могут возникнуть очень и очень серьезные проблемы — рециркуляционная установка без тока работать отказывается. Родственники уже подали на европейский институт очень серьезный иск, и вы даже не представляете, какая там сейчас истерика.

Зотов поднялся, как-то странно усмехнулся и продолжил:

— Возможно, с моей стороны это исключительно некрасивая мысль, но та самая станция и независимый от нас отдел иностранных институтов, уже почти отстроенный, должны были стать гвоздем в гроб НИИАЗ, который, правда, мы сами же для себя и выстругали. Так вот, друзья мои... нам необходимо найти и провесить дорогу к европейской станции, и обязательно, слышите, обязательно вывести оттуда всех ученых живыми и по возможности здоровыми.

Борода Зотова вдруг задрожала, глаза блеснули незнакомым, почти хищным огнем, и профессор ощутимо грохнул кулаком по столу.

— Чтоб они, каналы этикие, и не думали поперек нашего НИИ свои базы строить и работу нам портить. Сегодня к нам пришла с повинной часть этих товарищей — мол, выручайте-спасайте. Если выведете наших сотрудников живыми, то, честное благородное слово, полевую базу прикроем и работать отныне будем только под началом вашего НИИАЗ. У них-то спецов нет, и военных на спасательную экспедицию они не направят. Седой отказался, мол, не сердчайте, товарищи, очень мало у меня осталось проводников, не могу рисковать для иностранцев, у них другие задачи. «Свобода», к которой эти же иностранцы обратились, что в Зоне станцию построили, тоже отказали, почти не объясняя причин, добавив, что, мол, информацией и материалами будем обеспечивать, но людьми рисковать в незнакомых районах — увольте. Отродясь мы проводниками не работали и не хотим, мол, чтоб смерти импортных «ботаников» на нас повесили, на «Свободе», и без того много незаслуженных собак болтается. Вот так, дословно, и сказали.

Зотов, странно усмехнувшись, потер руки.

— Вот я и вспомнил, Лунь, как ты нас, ученых, по самым скверным местам Агропрома водил. И хорошо водил, надо сказать, все живые вернулись... ну, тогда... — Проф заговорил чуть тише, скорбно нахмутив брови. — Приятная такая есть у вас с Хип черта. Живыми нас из Зоны возвращать. Чего о других, официальных горе-специалистах и не скажешь. В общем, рассчитываю на вас, сталкеры. Крепко рассчитываю. Спасайте НИИ. И учтите, что в спасательной экспедиции — а она не особенно длинная по километражу — обязательно будет еще один участник.

— Кто же?

— Я. — Просто ответил Проф.

* * *

С тех пор как открылись мощные, бронированные ворота в высокой, шестиметровой стене, отделяющей секретный городок Чернобыль-7 от прочей Большой земли, Хип буквально не «отлипала» от окна. Да и мне, если честно, было и дико, и даже страшно, и одновременно интересно оказаться за пределами Периметра. ПАЗик с эмблемой Института — лавровой ветвью на фоне контуров главного здания НИИ и синего камня, лежащего на страницах открытой книги, просто взял, да и вывез из Зоны бывшего неучтенного элемента, преступника, сталкера, а ныне старшего научного сотрудника НИИАЗ с ассистентом, научным сотрудником, бывшим стажером и тоже сталкером. Большая земля встретила нас потрясающе вкусным, живым ветром, шумно влетающим в открытые окна автобуса, непривычной, яркой живой зеленью проплывающих мимо лесов и кусочков не то степи, не то обширных заросших кустарником полей. И над всем этим было глубокое, бездонное, *настоящее* небо, все в ватных горах ослепительно белых облаков. Зотов, понимающе глянув

на нас, попросил водителя тормознуть у небольшого лесочка, И я, не веря, на подгибающихся ногах вышел из автобуса и полной грудью вдохнул этого свежего, сладкого ветра.

Семь лет... семь долгих лет я не ступал по чистой земле — научный городок, закрытый, как и Зона, стеной Периметра не в счет. Глупости это все, что сталкерство въедается до самых костей, до самых дальних уголков мозга, и бродяга, выдернутый из Зоны, просто не способен пройти по незнакомой земле, чтоб не проверить путь гайкой. Ерунда. Я легко, свободно, наслаждаясь каждым шагом по этой чистой, дружелюбной земле, пошел вдоль обочины желтой грунтовки, задевая ладонью стебли травы. Я почувствовал острую, невыносимую усталость от Зоны. Семь лет... семь долгих лет я не ступал по чистой, живой земле.

Меня догнала Хип, уверенно прихватила за руку, прижалась.

— Здорово, правда?

— Не то слово... Знаешь, стажер, а у меня такое ощущение, что помимо задания, абсолютно точно подстроенного Координатором, эта поездка на западную окраину Зоны является бонусным дополнением к программе. Я совсем забыл, как это все-таки здорово... словно камень с души.

— Завязываем с Зоной, — очень тихо шепнула Хип.

— А почему шепотом?

— Чтоб она не услышала, — девушка кивнула в сторону сизой облачной полосы у горизонта и тихо рассмеялась, коснувшись прохладным кончиком носа до моей шеи.

После Третьей катастрофы Зона и впрямь стала если не громадной, то очень большой — ПАЗик, петляя по грунтовкам, выезжал на шоссе, снова сворачивал на какие-то лесные дороги. Путь занял не меньше двух часов, а мы ведь всего лишь проехали от южной до западной границы новых территорий, давно окруживших бывшую зону отчуждения. Временами показывалась стена Периметра — то высокая, сплошная, с боевыми автоматизированными вышками, то состоящая из мощных бетонных столбов, опутанных толстой, особо прочной «егозой» с электронными модулями слежения через каждые пятьдесят метров и, я знал, полями особых сенсорных мин. Я почти не обращал внимания на признаки близости Зоны — меня занимали другие мысли.

Жизнь изменилась резким, сильным поворотом сразу после моего согласия на спасательную экспедицию. Профессор Зотов заранее подготовил все документы, словно и не сомневался в моем согласии. Поэтому дело обошлось десятком подписей и заключением уже серьезного, настоящего контракта на выполнение срочного задания НИИ. Мы с Хип больше не были «внештатниками» — отдел кадров Института безо всякой волокиты, заочно оформил нас в штат как «полевых старших научных сотрудников с особым допуском». Отдел безопасности по высшему требованию послушно закрыл глаза на откровенно сталкерское прошлое одного сотрудника, и участие в подозрительной нелегальной группировке второго новоиспеченного работника НИИ. Разрешение на ношение оружия, паспорт и все необходимые справки, согласования и прочие нужные бумажки нам просто принесли в небольшом кейсе, причем оформление всех этих документов заняло настолько короткий промежуток времени, что я опять подумал о незримой руке Прохорова. Зотов намекнул, что от удачного завершения спасательной операции зависит не только престиж НИИ, но и заодно репутация обеих стран, под непосредственным началом которых этот институт и работал. Сумма вознаграждения, назначенная европейским институтом за спасение своих ученых, не впечатляла — она потрясала воображение. Естественно, большая часть денег в случае удачного завершения операции отходила НИИ — без сомнения, это тоже была работа Координатора, оставившего родной науке хороший денежный приз. Но даже того, что перепало нам с Хип — причем каждому, — хватило бы не только на Частный домик у моря, но еще и садик к нему. Я уже не говорю о тех деньгах, что я получил за «светляк», подаренный Доктором и очень удачную видеосъемку, купленную у НИИ крупной иностранной телекомпанией — малая толика от этого гонорара перепала и мне. В общем, пару лет безбедного существования обеспечили нам только артефакт и видео, а Зотов

дополнительно намекнул, что информация, которую я тщательно собирал в Зоне, для науки мало интересна, но для журналистов в самый раз. И жесткий диск, сохраненным мной в тайнике, способен обеспечивать меня еще немало лет при условии грамотного распоряжения теми тысячами фото, сотнями роликов видеосъемки и громадным количеством записей, и эти материалы вполне могут составить ценную ежемесячную колонку в каком-нибудь крупном журнале или серию крупных научных фильмов. И что он, Зотов, по старой дружбе подскажет знакомым редакторам, с кем можно связаться.

А когда я получил материалы по собственно спасательной экспедиции, то долго не мог поверить своим глазам.

От Периметра до злосчастной базы было всего двенадцать километров Зоны. Два, в самом крайнем случае три осторожных, аккуратных, внимательных дневных перехода по незнакомой местности.

Три последних тяжелых дня перед тем будущим, которого я так ждал, мы ждали. Спасибо вам, профессор Прохоров, дорогой вы наш Координатор, за это самоё «случайное стечение обстоятельств».

И я сильным, крепким усилием воли подавил в себе слишком рано вспыхнувшую радость. Впереди три дня Зоны. Последние, правда, три дня.

* * *

Солидно обустроились европейцы. Уж на что мне казалась мощной защита стен Чернобыля-7 со всеми их бронированными переборками, железобетонными конструкциями и крупнокалиберными пулеметами на вышках, то здесь речь уже шла о настоящем бастиионе. Подмывало сказать через переводчика, что Зона, конечно, штука страшная, но ненастоящая, чтоб поднимать десятиметровую не стенку даже, а нечто вроде цунами, волной нависающую над нейтральной территорией, плотно утыканной стрелковыми модулями и шариковыми минами направленного взрыва. Там где у нас отлично справлялись спаренные «Корды», европейцы, недолго думая, установили корабельные шестиствольные пушки, способные превращать в мелкодисперсную кашу не только случайного мутанта или вооруженного обрезом бандита, имевшего глупость подойти к этим стенам на расстояние выстрела, но также и обращать в перетертую труху дом, где онный бандит и мутант обретались. Ворота в Зону, створчатые, как у обычных, нормальных людей, помешанная на безопасности, «европа» заменила на круглый бронированный шлюз, закрепляющийся в стене двумя десятками толстых стальных пней. Даже вышек как таковых не было — на высоких решетчатых столбах пилились в Зону десятки мощных широкоформатных камер. Видели бы товарищи немцы с французами и прочими англичанами, на что уходят их налоги...

Впрочем, несмотря на такую более чем серьезную техническую базу и настоящие фортификации, в отсутствие сталкеров, готовых практически за бесценок рисковать жизнью, работа европейского отдела стояла не один год. «Свобода», конечно, помогла заграничным «ботаникам», но отсутствие собственного налаженного сообщения с «неучтенным элементом» Зоны сыграло с европейцами злую шутку. И с нами тоже сыграло, но уже добрую — Проф договорился, что мы проложим маршрут для вездеходов, которые заберут с базы «ботаников» и все, что является мало-мальски ценным, а сами «купола» и бункеры бросят. Одного ЧП хватило за глаза, а научную работу можно вести и в НИИАЗ, благо там и материалы и опыт и профессионализм, который вот прямо сейчас и будет местным «ботаникам» продемонстрирован.

Наша троица важно, неторопливо шествовала по широкому двору, на котором молча, чуть ли не выстроившись в две колонны, стоял разномастный научный люд. Нужно было видеть эти взгляды — русские идут в Зону. Да, именно так это и выглядело, хоть я давно уже понял одну простую вещь: здесь у человека нет национальности, вероисповедания, различия в социальном статусе. Зона очень быстро обесценивает, нивелирует до уровня плинтуса все наносные, искусственные признаки, отмывая в их наслоениях подлинную натуру человека и предоставляя ее во всей красе. Так что о национальностях — а в Зону ходили и украинцы, и

русские, были тут и кавказцы, узбеки, даже вроде обрусевший китаец в «Свободе» есть. Сионист — давно уже ставший легендой при жизни одесский еврей, Лихо родом из Молдавии, да мало ли сколько в Зону разных народов из бывших союзных пришло, и потому сталкер не видел разницы ни в акценте, ни в оттенке кожи, ни в чем другом, за исключением личных качеств человека. Редко можно было услышать слова «цыган», «хохол» или «татарин», здесь народ делился всего на три нации — «сволочь», «ни то, ни се, немного мутный» и «нормальный, надежный дядя» — и принадлежность к этим трем народам Зоны нужно было еще подтвердить и всесторонне доказать.

А вот теперь я чувствовал: русские идут в Зону.

Непонимающие, напуганные, но и одновременно восхищенные взгляды европейских ученых, которых многочисленные инструкции и техники безопасности не подпускали к Зоне и на километр: «Как так? Там же... смерть. Там это... люди умирают, мутанты, аномалии, ужас! Как туда можно идти, ведь это же страшный риск! Почему вас тудапустили? Кто возьмет ответственность?..»

И под этими взглядами зашипела, ухнула герметичная шлюзовая дверь, первым пропуская Профа. Исправились «ботаники» — вместо оранжевых, дрянных «Ксенонов» начали выдавать ученым их новую, многократно улучшенную версию, ничуть не уступающую нашим «Кольчугам» в прочности, а в уровне защиты от радиации, разрядов и прочих сюрпризов Зоны — возможно, даже и превосходившую. Комбинезон уже был не оранжевый, а серо-зеленый, многослойный, с широкими, накладывающимися друг на друга пластинами особой керамической брони, скомпонованной по принципу рыбьей чешуи, которая одинаково хорошо спасала и от укусов, и от ударов, и от пушечной пули. Оборудованный возможностью автономного, не зависящего от атмосферного воздуха дыхания и исключительной стойкий к температурным и химическим воздействиям, он уже потому внушал доверие, что был разработан Скифом — ученым, лично набравшим в Зоне материал для своих диссертаций и исходившим в поисках этого самого материала не меньше километров, чем самые опытные сталкеры. Мы же с Хип отдали предпочтение «Кольчугам-2М», которые уже не раз доказывали свою надежность, а сталкер — товарищ весьма консервативный в таких вопросах, как защита и оружие. Лучшее действительно бывает иногда врагом хорошего... вот и Проф из всего арсенала НИИ выбрал автомат Калашникова из доработанной, «сотой» серий, оставив без внимания «крутые» стрелковые комплексы — кто их знает, как они себя поведут, а эта машинка проверена временем, доверить ей в схватке свою жизнь не страшно, не подведет. Две наши штурмовые «сайги», мало годившиеся против мародеров, прекрасно справлялись с тварями Зоны. Нормальная рабочая тройка — ведущий, ученый в центре, замыкающая.

Когда Хип последней зашла в шлюз и тот начал медленно закрываться, на площади вначале тихо, а потом все громче начал раздаваться шум аплодисментов.

— Нет, вы видели, как они на нас смотрели, а? Люди совершенно не могут представить, как это можно в Зону идти по неразведанной тропе, вне бронированных стенок надежного вездехода. — Проф невесело усмехнулся. — Ведь здесь же мутанты с аномалиями, разве можно? Однако...

— Почему они не вызовут вертолет? — задала Хип вполне резонный вопрос. — По слухам, запад Зоны не особенно активен.

— Друзья мои, готовьтесь к сюрпризам. Местные «новые» территории ну совсем не похожи на Зону южной и юго-восточной частей, и уж тем более мало напоминают центральные районы. Выброс Третьей катастрофы отхватил здесь большой кусок земли... и не факт, что вы сразу признаете в нем Зону, но поверьте мне на слово, это она. И, к сожалению, здесь совершенно невозможно авиационное сообщение. Впрочем, вы сами скоро все увидите.

Очень длинный, овальный в сечении коридор заканчивался еще одной шлюзовой дверью, которая с шипением открылась при нашем приближении, пропуская в небольшое, круглое в плане помещение.

— Местная «вошебойка», — поделился Проф. — Три степени очистки и облучение жестким ультрафиолетом. Все, как у нас, только намного серьезнее, и честно говоря, ни к чему. Хватает и двух степеней более чем. Нам сюда. Зона сразу за этой дверью.

Профессор нажал на клавишу в стальной, блестящей стене, и открылся последний шлюз, выпустивший нас в Зону.

Зотов был прав. Зону я не узнал.

Странно было видеть зеленые луга, рощицы, разнотравье, сосновый бор на песчаном, обрывистом берегу. На первый взгляд западный край Зоны ну ничем не отличался от Большой земли, точно так же покрытой свежей майской зеленью — здесь были даже цветы... И небо — такое же синее, яркое, как и за Периметром, всюду светило солнце, и белые отдельные облачка ничуть не напоминали привычную серую хмарь.

Но отличий не было только на первый взгляд. Несуразицы, странности, какие-то необычные штрихи натренированное внимание сталкера уже начало вычленять из пейзажа, когда я еще только осматривался, выйдя из бронированного, приземистого купола.

Сосны, высокие, стройные, с зеленой хвоей, все как одна, имели очень странные верхушки — на определенной, везде одинаковой высоте ветви начинали завязываться в тугие узлы, переплетаясь плотными клубками, и хвоя на них была заметно выгоревшей; у других деревьев верх кроны словно расплзался по невидимому потолку, верхушки часто загибались даже вниз. И еще в небе, как раз над этими деревьями, едва заметно мерцало светлое марево, желтоватое, зыбкое, напоминающее игру света на водяной ряби. И еще выше, в чистой синеве, словно опухали, видны были темные продолговатые пятна, длинные туманные мазки, как будто небо было грязным, замаранным.

— Заметил, — Проф проследил за моим взглядом. — Поэтому здесь и не летают не то что вертолеты, но даже и небольшие беспилотники. Карты составляли по космическим снимкам, благо здесь нет постоянной облачности — все-таки западный перенос временами дает себя знать.

Я просто кивнул, продолжая внимательно рассматривать красивую в общем-то местность, так непривычную для глаза. Так похоже на чистую, Большую землю, даже травы такие же мягкие, еще не загубевшие, но... крутит в медленном, ленивом вихре листву и сорванные веточки, и пожелтевшая, прибитая к земле трава лежит спиралью — «мясорубка», которая улеглась между ближних к нам сосен совсем недавно, после локального Выброса. Дальше, на десять часов, сломана сосна — свежий скол древесины торчит в небо ярким желтым пальцем, а крона, не просто упавшая, а раздавленная, вбитая в заметное «тарельчатое» углубление в почве, и так же лежат там плоские, сплюснутые непомерной тяжестью ветви кустов — свежая «плешь». А вон и первые мутанты видны — вываливается из кустов группа непонятно кого — черно-багровые, бугристые куски мяса на костлявых суставчатых ногах. Потом только доходит, что это тут «плоти» такие, совсем уж Зоной изуродованные, у одной даже дополнительная пара ножек на спине имеется, а у другой — две плоских, грубо слеplённых рядом головы — этакая гротескная модель химеры. И пяток здоровенных слепышей-альбиносов, идущих гуськом, но эти-то нам знакомые, как бы не пришлось отстреливаться — альбинос тварь опасная. Я привычно стащил с плеча «сайгу», но тут же повесил оружие обратно — вслед за слепыми собаками из лесочка показалась темная, закутанная в плащ-пыльник фигура. Я мягко положил руку на автомат Профа, уже поднятый к плечу ученый недоуменно взглянул на меня, но я покачал головой, мол, не надо. А Хип просто весело крикнула:

— Привет, Пенка!

— Здравствуйте, — ответил знакомый, звонкий, удивительно чистый голос, тщательно выговаривающий слова. — Я нашла безопасный путь. Идти можно скоро, за мной. Доктор последний раз сказал, что вам нужно помочь.

* * *

— Я не мог... я не мог даже представить такого, — выдохнул потрясенный Зотов, когда Пенка уже скрылась в густом подлеске большой рощи, почти не прореженной аномалиями. — Она разумна...

— Вы так удивлены? А как же контролеры, изломы и прочие, как вы говорите, мутанты?

— Да, но... такое мышление. Такие выводы... не может быть.

Я не смог сдержать усмешки. Весь первый день пути и половину второго Проф не отходил от Пенки, буквально засыпая ее вопросами и едва не наступая на лапы ее слепых «телохранителей», недовольно ворчавших на мешающуюся всю дорогу фигуру. Пенка, умудрялась одновременно вести отряд, «сканировать» местность и подробно обстоятельно отвечать на заданные профессором вопросы или же, когда не хватало словарного запаса, доставать из потрепанного рюкзака что-то вроде желтого лабораторного журнала и рисовать схемы. При этом боевая рука с зазубренной, роговой пилой на ребре ладони одинаково ловко управлялась с карандашом и выразительной, даже изящной жестикуляцией. С такой же непринужденной ловкостью Пеночка, не прекращая разговора, отмахнула своей страшной рукой половину головы выметнувшейся из высокой травы слишком голодной или же слишком тупой псевдоплоти, решившей, видимо, отужинать одним из псов. Профессор тогда нешуточно вздрогнул, ненадолго отстал, но вскоре снова догнал «иную» — слово «мутант» в отношении Пенки я больше от Зотова не слышал.

Про нас профессор, похоже, начисто забыл — мы покорно плелись в хвосте, выслушивая довольно интересную беседу и отмечая на ПМК детальный маршрут по самым заметным ориентирам — Пенка уверенно заявила, «что дорога широкая, машина ученых пройдет легко, опасности нет». И действительно, эта ходка была, пожалуй, самой легкой из всех, что случались у меня в Зоне — солнце, свежая растительность, поразительные пейзажи — Зона словно прощалась со мной, стараясь напоследок показать самые приятные свои стороны. Даже Хип поделилась похожей мыслью, мол, не желает она нас отпускать, странная эта земля, и уговаривает остаться...

Не доходя до куполов научной станции несколько сотен метров, Пенка, не прощаясь, просто развернулась и ушла, оборвав разговор с профессором на полуслове, но я четко услышал мысль, прозвучавшую у меня в голове: «Друг, ты мой друг. Мы встретимся. Обязательно. Вспоминай меня, говори со мной. Теперь я сильна и буду слышать очень далеко. Отвечу. Не забывай. Помни. Говори. Отвечу». Судя по изменившемуся, удивленному лицу Хип, она услышала те же мысли.

«До встречи, Пеночка, — внятно подумал я, и фигура в плаще на секунду обернулась, кивнула. — Обязательно береги себя».

«Здесь я дома. Со мной будет все хорошо. Спасибо. Вспоминай».

И я, чувствуя, как в глазах странно защипало, и как в горле засел комок, сел на пригорок у искривленной сосны и просто перебирал в пальцах землю Зоны. После чего, по старому обычаю, как и положено по завершении удачной ходки, положил на землю кусочек хлеба, галету из натовского набора и ломтик питательной «энергетической» плитки. И сказал в последний уже раз те слова, которые произносил всегда, возвращаясь из ходки:

— Спасибо тебе, Зона, за то, что одарила, и за то, что выпустила. Если что не так, зла на нас не держи. Не по злобе мы, а по глупости.

Сильный порыв ветра зашумел в кронах, протяжно, долго заскрипело искривленное дерево на пригорке.

Ответила.

А вдалеке послышался тихий пока еще шум моторов — по провешенной нами тропе спешили на выручку ученым вездеходы.

Заключение

Легкий ветерок влетел в открытое окно, поднял шторы, с шелестом перелистнул несколько листов отпечатанной рукописи. Не по годам седой, далеко не старый еще мужчина прижал стопку бумаг перочинным ножом, потянулся и закрыл глаза, покрасневшие от долгого сидения за компьютером.

— Дотянул до последнего, — проворчал он, ни к кому конкретно не обращаясь, зевнул. Новый порыв ветра принес крики чашек, зашелестел листьями грецкого ореха, и зеленый, недозревший еще шарик, так похожий на почку «пузыря», звонко стукнул по перилам широкой, просторной веранды.

«Сегодня ожидается жаркая, солнечная погода. Днем плюс двадцать семь — двадцать девять, отличный морской бриз и вообще замечательный день, — приятным звонким голосом поведало радио, настроенное на русскоязычную волну. — Благословенное место — Крым! Хватит сидеть дома, хватайте своих родных и бегом на море! Температура воды двадцать пять, дамы и господа. В такой день просто стыдно жариться в нашей студии, и кстати, можете нас поздравить — кондиционер подложил нам большую свинью, сломавшись с утра».

— Сочувствую, — с улыбкой проговорил мужчина, откидываясь в просторном плетеном кресле и добавляя громкость. — Давай уже домой, стажер. Сама сказала, отличный день, а мне уже, честно, немного надоело возиться со статьей.

Выключив компьютер, седой, но вряд ли достигший сорока лет человек поднялся и вышел на широкую веранду, опоясывавшую весь первый этаж просторного светлого дома, облокотился на увитые глицинией перила, посмотрел на бескрайнюю синь моря, как-то незаметно сливавшегося с горизонтом.

— Подождет день — подождет и другой. — Мужчина уверенно кивнул головой, вернулся в дом и, проигнорировав сигнал сообщения, сохранил вордовскую страницу, выключил компьютер. — В любом случае материала я уважаемому господину редактору сдал на месяц вперед. Ну а пока...

«Как ты, Пеночка?»

Он подумал эту мысль так, как умел только он — «громко», связно — у отмеченных Зоной хорошо получалось управлять бесконечной цепью мыслей, заглушая их иногда до глубокой звонкой тишины или, наоборот, посылая на любые расстояния с необычной, особенной силой.

«Хорошо. Охота сейчас, гоним с собаками раненого кабана. Будет мясо, печень, сердце. Люблю это очень. Мясо собакам, печень мне. Видела Зотова, ходит в Зону. Сталкеров много сейчас, НИИ сильный».

«Доктор давал себя знать?»

«Пропал. Совсем. Очень. Очень далеко, не чувствую, но, наверно, жив. Но ушел, год не чувствую. Скучаю. Хорошо ты помнишь, со мной говоришь».

«Что Хип передать?»

«Учи ее говорить разумом. Она умеет. Ленится. Сейчас».

В прохладной тишине спокойного чуткого разума на несколько секунд повисло молчание.

«Поймали кабана. Удача. Собаки хорошие у меня, одна большая, разум сильный, но в слова не переводит. Я могу с ней говорить, ты нет. Почему Хип не учится?»

«Она умеет, — молча ответил мужчина. — Хорошо умеет».

«Учи ее, Лунь. Иногда говорим, иногда нет. Но у нее голос разума сильный, может хорошо говорить. Как Доктор, но словами».

«Камешек в огород?»

«Да, Лунь. Даже мысли у вас слова. Разум из слов, они... посредники, промежутки. Без них чистая мысль быстро и очень хорошо. Научишься. Ты можешь».

«Что Зона?»

«Не чувствую. Она как всегда, не вижу перемен. Наверно, они дошли до Монолита и правильно сделали все там. Не знаю пока. Буду смотреть».

«Хорошо, Пеночка. Береги себя. Зотова встретишь, привет передавай».

«Буду беречь, друг. Передам, увижу его когда».

Мужчина помассировал виски, еще раз сладко потянулся и начал собирать сумку — ласты, сверток полотенца, полбутылки местного разливного вина — Луню нравился его немного терпкий вкус. А для Хип в холодильнике уже стоял заваренный с утра зеленый чай с кусочками лимона — девушка выпивала его ледяным, еще по тропинке к морю, где был их, и только их маленький-уютный пляжик, прячущийся в буйной зелени, склона. И кричали чайки, со стороны моря веяло солоновато-свежим, особенным ветром, и седой человек с загорелым, худым лицом снова улыбнулся, вдыхая запах морских брызг.

— Привет! — звонко крикнула симпатичная русоволосая девушка, ловко сбежавшая по деревянным ступенькам склона. — Опять всю ночь не спал, красноглазый?

— Не особенно охота дрыхнуть, когда сверчки, ночные птицы и твой голос в эфире, уважаемый диджей.

— Ага. Скажи, что только из-за этого не спал. Опять статью кропал, сто процентов, — Хип озорно сощурила большие, широко расставленные синие глазищи, — врешь, однако.

— Ну, одно другому не мешает. — Лунь поднял девушку на руки и, как был в одежде, так и забежал в море. Хип взвизгнула:

— Эй, сталкер! Шорты за восемьсот, они морской воды боятся!

— Ну такними!

— Там как бы ничего под ними нет. Жарко.

— Так это же отлично.

— Что жарко? — переспросила девушка.

— Что как бы ничего под ними нет. — С абсолютно серьезным, видом заявил мужчина. Хип тут же ловко вывернулась, и, сверкая загорелыми ногами, побежала вдоль полосы прибоя, оставляя на песке быстро исчезающие матовые следы.

— Какой ты быстрый. Догони сначала.

«Лунь!» — громко, словно молнией, полыхнула в голове мужчины мысль.

«Да?»

«Доктор... Координатор... у них не все получилось, Лунь. Будет Выброс, Большой Огонь. Ваш мир ждет».

— Что случилось? — С лица Хип мгновенно сошла улыбка. Она вернулась.

— Подожди немного. — Лунь взял девушку за руку, закрыл глаза.

«Уходите! Камень отведет! Выброс!»

«А ты?»

«Я здесь. Мне дороги нет. Вы уходите! Монолит осколок ваш дар, уведет в правильный мир, настоящий».

— Беда, Хип. Это все-таки случилось, — медленно проговорил седой. — И знаешь, я почему-то этого всегда ожидал.

— Я тоже. — Удивительно спокойно произнесла девушка.

— Идем.

Быстро вбежав по лестнице, они вытащили из комода небольшую шкатулку, и уже было видно, как полыхает в щелях яркий, лазоревый свет.

— Цвет Монолита... — тихо сказала Хип. Лунь просто кивнул, взял сияющий камень и закрыл веки. Глазные яблоки под ними часто задвигались.

— Нет, — спокойно сказал мужчина, — Пенка, нет... я вижу. Как и ты. Доктор, извините, нет. Они просто погибли. Да знаю, что многие. Да, но я остаюсь.

— Я тоже, — уверенно произнесла девушка. — Другой мир мне не нужен.

— Добро, — кивнул Лунь и, подойдя к окну, с размаху зашвырнул лазоревый, яркий камень далеко в море. — Пойду в соседний городок, попробую предупредить людей, что и как нужно сделать. В крайнем случае, выйду на городское начальство, они в курсе, кем я работал. Отнесутся серьезно. Пойдешь со мной?

— Позже.

— Добро. — И мужчина быстро ушел в сторону проселочной дороги, туда, где был припаркован серый внедорожник.

Хип, дождавшись, пока вдали затихнет звук мотора, спустилась к морю, прошла по кромке воды, а потом и просто опустилась на колени, лоя ладонью гребешки набегающих волн.

— Выбросил он. Улыбнулась девушка. — Я, конечно, все понимаю, но сплеча у них получается лучше, чем после нормального, взвешенного решения.

«Правда. Так. Но он решил хорошо. Он добрый».

— Ну, Пенка, в этом я и не сомневаюсь. — Хип тепло улыбнулась. — Потому и полюбила. Решил он все правильно, но подарок зря выбросил. Ох уж эти мужчины. Если и думают о будущем, то всегда глобально. Ничего, о нашем, личном будущем позабочусь я. Смотри, не выдавай секрет.

«Хорошо, Хип. Он сам догадается».

— Пусть. А я все равно считаю, что подарки выбрасывать нельзя.

Девушка закрыла глаза, глубоко вздохнула и опустила в воду ладонь руки, так и не вставая с колен.

И через минуту вытащила из прибоя сияющий лазоревым светом прозрачный камень.

— До поры. — Усмехнулась она. — До поры.

Легенда

Кориша сегодня посвящали в охотники.

По этому случаю старый Каа-Чей заранее разложил большой Костер Легенды, тщательно разложив колодцем тяжелые смолистые поленья, переложенные тонким хворостом и сухой травой. Сегодня его ученику Коришу вручили Копье Удачливого Охотника и взрослые мужчины позвали парня к костру Охоты, и уже, наверное, рисуют белой глиной кресты на его щеках. Скоро женщины принесут коренья и жареное мясо, и хмельной пенный напиток из проросшего зерна в больших глиняных кувшинах. А потом приведут его ученика, его гордость, будущего великого охотника. Каа-Чей сам обучил его всем премудростям мужского ремесла, и ему не будет стыдно за воспитанника.

И начнется заключительная часть ритуала. Костер Легенды.

Лучше, чем он, Каа-Чей, ритуал Легенды не проводил никто. Даже из соседних деревень приходили люди послушать старого Каа-Чея. Дети и взрослые, девушки и старые женщины, старики, которые слышали Легенду уже множество раз, и даже знали ее наизусть, но все равно приходили к его Костру. Сегодня Каа-Чей постарается.

Над деревней раздался победный крик. Пора.

Старик извлек из кожаного мешочка священный красный камень. Он умел исцелять раны и светился как уголь, и еще, если правильно нажать на блестящие грани, поджигал траву и щепки.

Костер Легенды запылал высоким столбом ровного, сильного пламени, огонь заворчал между поленьями, заговорил, рассказывая людям свои огненные сказки.

И вот он круг... сидят мужчины, одобрительно поглаживая бороды, только Кориш, необычайно гордый, радостный, стоит в круге света от костра. Да, сегодня его день. Его очередь выслушать Легенду.

— Их было двое. — Мощный, зычный голос Каа-Чея далеко разнесся над деревней. — Мужчина и женщина, пришедшие из злых земель к нашим предкам. У него были белые, как снег, волосы, а у нее синие, как море, глаза. Их звали Сталакеры. Они научили нас всему — как находить свежее мясо. Как пользоваться священными камнями. Как прятаться от Черного Неба. Как уходить от порождений злого Зонаа и побеждать их...

Каа-Чей вдохновенно, забыв обо всем, пел Легенду, и за ним тихо повторяли сотни шепчущих голосов. Ритуал длился, пока ярко пылал огонь.

— Они научили нас всему! Мы — их дети!

И люди вокруг костра хором повторили: «Дети»...

— Они привели к нам Бессмертную Белую жрицу Пен-Каа, хранящую знания!

— Они спасли нас от Черного Неба!
— От Того, Кто Ходит Невидимым, и Того, Кто Ворует Разум!
— От Тихой Смерти! От Порченных Земель! От Слепых Зубов и Пятнистых Крыс!
Хор толпы стих, и Каа-Чей тихо закончил.
— И когда волосы синеглазой побелели и старость настигла того, кто уже носил седину, они попрощались с нами и ушли — синий камень в их руках увел Сталакеров в их мир, где они снова стали молоды, и Пен-Каа слышит их слова.
И люди у костра притихли, слушая тишину и треск угольев.
Огонь продолжал шептать свой тихие сказки.